

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

2/93



КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРСКИЙ
ПРОСВЕДИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

2/93

Время Общество Знание

- Александр Дурилов. Свобода личности - воздух культуры . 3
Александровское Православное Братство: опыт благо-
творительности. 6
Начало книжного пути. 13
«Моя Россия». Сергей Калинин и его герои . 5, 32-33

Свидетельства Архивы Документы

- Портретная галерея дворянского собрания. 17
Журнальный архив. «Известия Костромского
губернского земства». 24
С.М. Чумаков. Воспоминания костромича. 26
Костромские дворники. 30
Александр Дюма. Берег правый и берег левый. 34

Литература Искусство Культура

- Забывтое имя. Александра Кобякова «Последняя
казнь». Глава из романа . 39
Игорь Патынко. Я так хочу тишины. Стихи. 52
Антология «Дракона». У нас в гостях артель
сатириков и юмористов. 54
Ответы на викторину «Кострома и костромичи» . 63

Учредитель: администрация Костромской области.
Попечители: областное отделение Российского фонда культуры,
областной государственной архив, Костромское епархиальное
управление, Совет ректоров костромских вузов,
областная писательская организация, ПКЦ «Эконовация».

Эхо «Вех»

Историко-художественный фестиваль «Вехи» давно уже закончился, но остается чувство, что он еще продолжается. Да и как забудешь такое: волшебные концерты лучших музыкантов мира, уникальные выставки книг, картин, фотографий и церковных ценностей, интереснейшие встречи с писателями, артистами, мастерами-умельцами. Город, сохраняющий свое мудрое историческое лицо, в эти дни заметно изменился, помолодел. Звонили колокола, плясали разноцветные шары, веселились дети, и даже незнакомые люди улыбались друг другу. Подтверждалась известная истина: объединить нас, таких разных и непохожих, может только общее доброе дело. И еще: радоваться жизни можно и в сложное время, уменьшая этим его сложность.

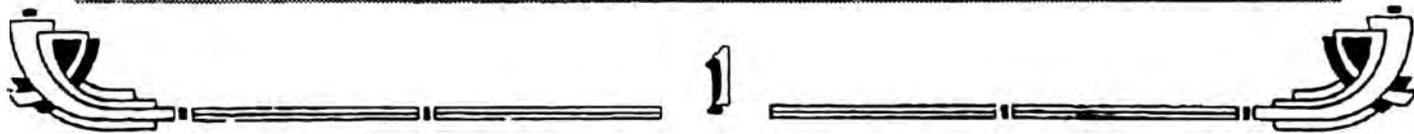


Но фестиваль продолжается не только в памяти и воображении. Отныне «Вехи» становятся постоянной культурной акцией - от фестиваля к фестивалю, а дирекция «Вех» должна перейти в новое качество - союз творческих организаций, центр которых будет в Дворянском собрании. Как сказал мэр Костромы Борис Коробов, у нашего города, однажды уже сыгравшего роль спасителя русского государства, есть все возможности участвовать в другом, так нужном сейчас духовном спасении, в продолжении ве-

ликих традиций русской провинциальной культуры. В этом был смысл прошедшего фестиваля «Вехи», в этом будет смысл его дальнейшей новой жизни.

Мы с трудом, постепенно возвращаемся к здравому смыслу и вечным ценностям, к самим себе возвращаемся. Рождая новые культурные идеи, привлекая новые творческие силы, эхо фестиваля «Вехи» еще долго будет расходиться по Костроме и вокруг нее...

Имеющий уши да услышит.



ЮРИЙ ЛЕБЕДЕВ:

ОЩУЩАТЬ ПОЛНОТУ ЖИЗНИ



Юрий Владимирович Лебедев - доктор филологических наук, профессор Костромского государственного педагогического института им.Н.А.Некрасова. Автор книг о жизни и творчестве Тургенева, Некрасова, Максимова, литературоведческих исследований и статей в центральной и местной печати. Член Союза писателей России, председатель Костромского отделения Российского фонда культуры со времени его основания. Главная тема его работ - культура российской провинции, поиски золотого зерна словесности на почве литературной классики XIX века. Села Светлое Островского района, где в учительской семье родился Юрий Лебедев, сейчас уже нет, но светлый взгляд на мир, литературу, будущее российской глубинки сохранился в творчестве одного из его уроженцев.

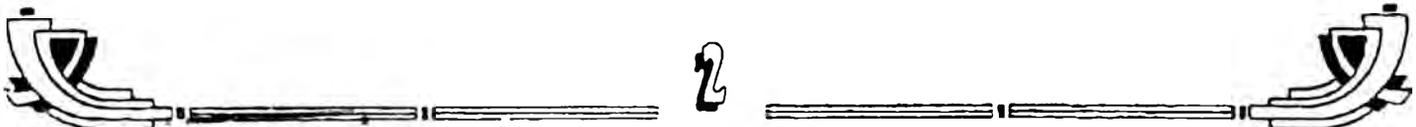
В период реформ и общественных потрясений середины прошлого века, вслушиваясь в тишину глубинной России, И.С.Тургенев почувствовал скрытый ритм, которому неизменно подчиняется ее исторический ход: «Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном ее существе, - вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня - кверху ли, книзу ли, все равно, - выбрасывается ею вон, как негодное». Именно потому Тургенев упорно доказывал «невозможность скачков и надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания, - переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал». И даже демократ Н.А.Некрасов, утомленный и опустошенный политическими страстями столиц, с верой и надеждой вслушивался тогда в спасительную тишину деревень:

*В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России -
Там вековая тишина.*

Вот и в нынешнюю смуту провинция, кажется, устояла и не втянулась в политические распри. На враждующие станы разошлась-разбежалась столичная интеллигенция. Вслед за этим рухнули центральные издательства, не выдержав напора «дикого» рынка, и опустились до бульварной пошлости. Погрязли в «словесной войне» центральные радио и телевидение...И разве не чудо, что в это же самое время на костромской земле появился скромный журнал «Губернский дом»? Так молодая трава пробивается весной сквозь пепел и золу выжженного поля. И очень хочется, чтобы в журнале этом беспорядочный шум и крикливый гул большинства столичных изданий сменил наконец чистый и тихий голос правды, добра и красоты. Мы более семидесяти лет смотрели на мир сквозь пол-

итические очки. Политика подмяла под себя все - искусство, науку, мораль, религию. Как дальтоники, мы привыкли видеть мир в черно-белом цвете, делить всех на «своих» и «врагов»: «Кто не с нами, тот против нас!» Но живая жизнь не терпит столь резких и крупных разграничений. Ее вещество гораздо тоньше, сложнее и многоцветнее. Будем же стремиться к ощущению ее полноты, ее здорового, неспешного хода, всего богатства ее звуков, запахов и красок. Убережем душу от разрушительных вихрей, от необузданных политических страстей современности. Где-то «гремят витии»... Но здесь, в провинции, в ее тихой глубине, жизнь ближе к природе и Богу, к «почве и судьбе» -

*Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...*





Время Общество Знание

АЛЕКСАНДР ДУРИЛОВ

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ - ВОЗДУХ КУЛЬТУРЫ

«Культура есть язык, объединяющий человечество, среда, растения и питающая личность».
(о. Павел Флоренский)

Выступая на страницах журнала с таким теплым, «домашним» названием, меньше всего хочу выглядеть человеком, живущим в мире отвлеченных истин, носителем некоей непонятной для непосвященных книжной премудрости, который к тому же, как бы возвышаясь над живой жизнью, берет на себя роль ее судьи и учителя. Непонятное всегда отчуждает. Вот почему, говоря о высоком и вечном, может быть, как ни в каком другом случае, необходимо соблюдать предельную ясность.

Сегодня и без того высшие творения человеческого духа, воплощенные в ценностях культуры, продолжают существовать как бы помимо самого человека, оставаясь для большинства жителей планеты своего рода «китайской грамотой», недоступной и пугающе непонятной. Поверхностному взгляду кажется, что они не оказывают заметного влияния на повседневную жизнь, а потому сама их ценность иногда ставится под сомнение.

Все это далеко не так безобидно, как может показаться на

первый взгляд. Отчуждение народа от «высокой» культуры таит в себе угрозу вырождения и гибели человека.

Сама по себе культура сложна и многолика. Она есть способ бытия человека, среда его обитания, воздух, которым он дышит, не замечая этого. Присутствуя в повседневном обиходе в форме здравого смысла, в предметах и вещах, в традициях, обычаях и нормах человеческого общежития, она выступает средством самосохранения человека и воспроизводства его жизни.

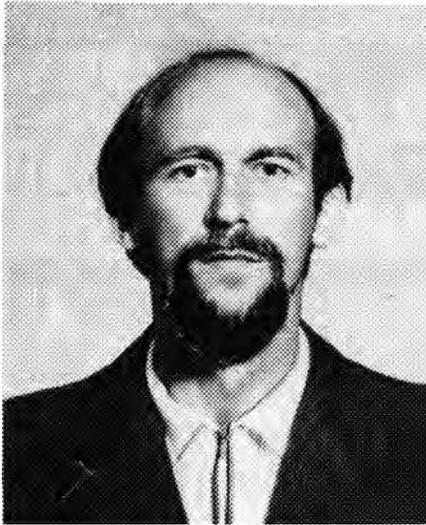
Но вместе с тем необходимо также и злитное ее выражение, осуществляемое в творческом акте гения и существующее в форме высших достижений религии, философии, науки, искусства и нравственности. В этой своей ипостаси культура выступает незаменимым инструментом совершенствования рода «человек».

В ситуации выбора «быть или не быть», в которой оказалось современное человечество, стало очевидно, что «быть» можно, лишь изменив свое от-

ношение к природе и принципы взаимоотношений между людьми. Ныне угроза всему живому исходит прежде всего от самого человека, поэтому его способность к самосовершенствованию стала, как никогда ранее, насущно важной и необходимой. Вот и получается, что великое и вечное - Истина, Добро и Красота - эти абсолютные ценности и ориентиры, выработанные в ходе тысячелетий развития философии, религии, науки, искусства и нравственности, не так уж и далеки от тягот и забот повседневного человеческого существования.

Именно они, являясь целью в себе, в то же время служат средством преодоления ограниченности мышления человека и его знаний о мире и о самом себе, именно они призваны его облагородить, помочь справиться с низменными страстями и инстинктами, пробудить в душе жажду Истины, Добра и Красоты и способствовать ее удовлетворению.

Особое значение это имеет для нас с вами, потому что в Рос-



Александр Павлович Дурилов родился в Костроме. Окончив филологический факультет пединститута, был учителем, а затем директором школы в Макарьевском и Костромском районах. В 1986 году защитил кандидатскую диссертацию по философии, сейчас - доцент Костромского педагогического института им. Н.А.Некрасова.

В прошлом году Александр Павлович принял предложение увлеченных философией молодых людей создать в Костроме религиозно-философское общество. Оно было создано при областном отделении Российского фонда культуры и успешно работает, во многом благодаря участию в нем философа и филолога Александра Дурилова. Вообще, сочетание философского и литературного опыта по-своему интересно и содержательно. И, возможно, читатели «Губернского дома» еще познакомятся с подобным опытом Александра Дурилова - его размышлениями о творчестве Николая Бердяева, Владимира Набокова, Александра Солженицына...

сии, как, может быть, нигде, всегда было очень велико искушение нигилистического отношения к духовным ценностям. Периодические социальные потрясения и народные бедствия приводили к тому, что сама культура, и особенно ее творцы и носители не раз оказывались в положении как бы «красовой ненужности», непригодной к какому-либо употреблению. Отсюда было бы заблуждением объяснять разрушение храмов и истребление интеллигенции лишь чьей-то злобной волей. В этом есть и исторический грех народа, доведенного до крайности, и его беда.

И несмотря на это, русский человек, где бы и в каких условиях он ни находился, проявил и проявляет свою исключительную, достигающую гениальности, творческую одаренность, дав миру образцы высших достижений во всех сферах человеческого духа. И в этом отношении нам действительно нечему учиться у западных и иных учителей, ибо творческий потенциал нашего народа неисчерпаем.

Наша беда в другом: во внутреннем настроении державы, в неухоженности и неустроенности быта - всего того, что зовут цивилизованностью. Одним из самых кричащих проявлений этой неустроенности является та пропасть, которая отделяет высшие достижения националь-

ного духа от повседневной жизни народа, превращая его в толпу безразличных ко всему, кроме забот о хлебе насущном, обывателей. Виной тому и наша традиционная нелюбовь к посредственности и «золотой середине», и те социально-политические условия, в которых нам выпало жить.

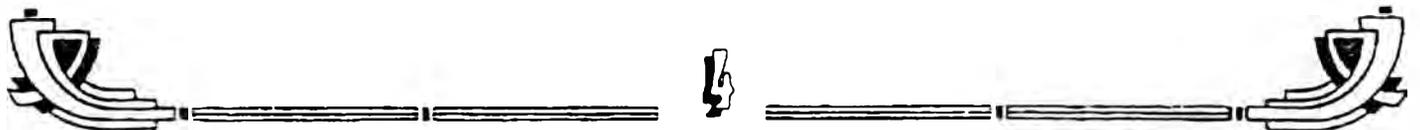
Длительное господство и зaсилье диктатуры, основанной на бесчеловечной идеологии, когда человека ценят не по его личным нравственным и профессиональным качествам, а по «верности идее», искусственная изоляция от мировой и отечественной культуры привели к падению нравов и оскудению мысли, к утрате способности самостоятельно мыслить и действовать. Пропаганда радикализма, ставка на моментальное, «революционное» преобразование жизни породили обесценение ценностей, на которых стояло и стоит человечество: ценности семьи и труда на благо ближних, так называемой «теории малых дел».

И теперь, когда я слышу о необходимости воспитания чувства хозяина, я думаю о том, что хозяином какой-либо собственности можно стать только тогда, когда научишься быть хозяином самого себя, своих мыслей, слов и поступков. Ведь капитал, о котором сейчас часто приходится слышать, - это не

только и не столько товары, деньги и иные материальные ценности, сколько живая человеческая личность, ее знания, воля, ум и личная порядочность.

И нет иного средства развития личности, как приобщение к ценностям культуры, поэтому без ее приоритетного развития нам никогда не выбраться из той ямы, в которую мы попали. Однако слишком уж распространенным является представление о том, что бытие в культуре есть легкое, ни к чему не обязывающее времяпрепровождение, тогда как на самом деле это прежде всего личностное усилие, стремление стать выше, чем ты есть в умственном и нравственном отношении, постоянный труд, имеющий ценность в самом себе. Здесь все значительное совершается благодаря не столько внешним условиям, сколько посредством личной доброй и сильной воли и таланта. Только личность способна идти неизведанными путями и творить новое, только личностное усвоение духовных ценностей придает им жизненный смысл и делает их действительными ценностями.

Творить же можно лишь будучи свободным. Апологет свободы философ Николай Бердяев придавал поэтому свободе божественный статус, утверждая, что свобода была до Бога, ибо



творец, чтобы творить, должен быть изначально свободным. Свобода личности и есть тот воздух культуры, без которого она задыхается и умирает. Не вдаваясь в анализ самого понятия «свободы личности», скажу здесь лишь то, что она заключается в том, чтобы иметь возможность быть самим собою, не попирая при этом прав и достоинства других людей. Это значит не только уметь самостоятельно мыслить, но и действовать согласно своим убеждениям, иметь и осуществлять право на публичное выражение своих мыслей, оставаясь в рамках правовой и нравственной ответственности.

Не выраженная и не оформленная в слове мысль умирает, едва родившись, так и не став фактом культуры. Высказанная же, она приобретает самостоятельную жизнь, становясь живым элементом общественного разума. Вот почему необходимо свободное общение людей, объединенных общим интересом к «вечным» религиозно-философским проблемам.

Чтобы свободно обсуждать их в духе любви к истине не требуется ни каких-то особых материальных затрат, ни столичной прописки - была бы лишь на то добрая воля.

Памятуя о том, что «провинция» - понятие не столько географическое и административное, сколько культурное, участники религиозно-философских собраний нашего общества не испытывают «комплекса неполноценности», хотя большинство из них не являются профессионалами от философии и богословия. Ведь философия - это не профессия, а состояние духа. Ограниченность же интересов и взглядов, вульгарность вкусов и невысокий интеллектуальный горизонт не менее распространены и в среде профессионалов, прописанных и при столичных вузах.

МОЯ РОССИЯ

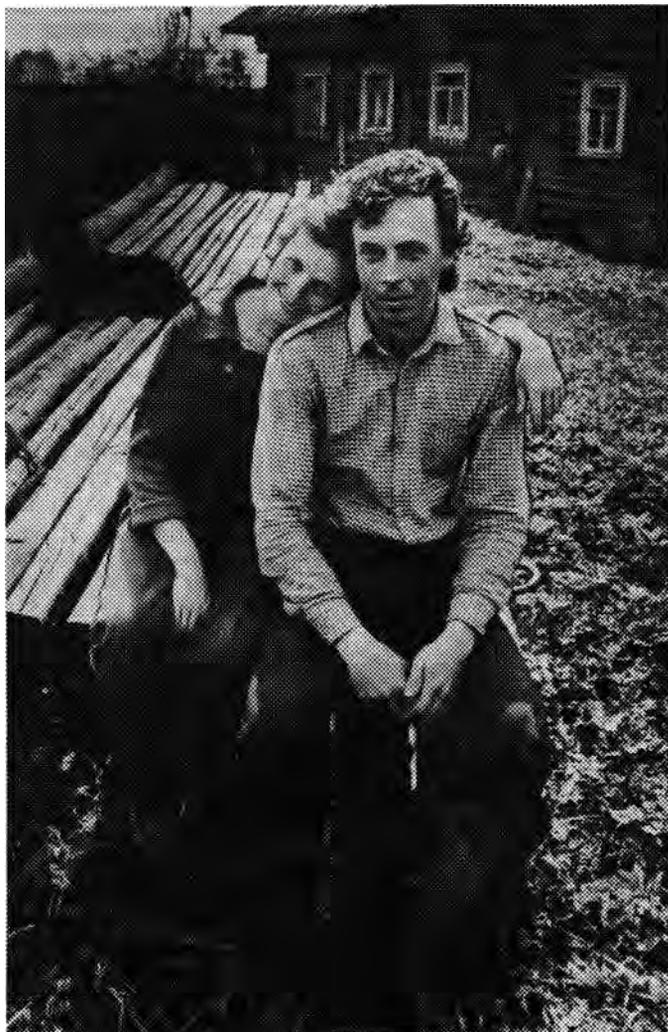
Умение радоваться жизни, как это было в детстве, пусть не оставит нас. Радоваться ее уютности, ее простотам, ее дарам, каждой случайной находке. Добрый взгляд, смуглая улыбка, расклевывалась благоухающая полка на дереве, рваная валяка, подаренная уютный камушек, детский сон, салютный перелет у опалевшей стены дома, нежность фук, которые впадают усталость и боль... Любовь, которой согревает существование человека на Земле.

Линя, запечатлевшие это богатство жизни, уже никогда не погаснут, благодаря снимкам Сергея Калининна. Духовная жизнь поколения, о котором в своих работах рассказывает автор фотовыставки «Моя Россия», была достаточно драматична. Тем юные свет этих удивительных лиц, звездных фотокорреспондентов ИТАСС не только газет ради, а ради самой жизни, с удивлением и преклонением перед ее красотой. Выставка духовный мир своей России, автор подарил нам счастье тоже увидеть ее. Выставка в областной филармонии в пасхальную праздничную неделю порадовала костюмированной открыткой России радостной, светлой, сохраняющей духовные силы вопреки испытаниям, прошедшимся на наш век.

Татьяна Фонярова.



Стр. 32



АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО: ОПЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

«Правда, наш народ действительно беден. Он не может дать на благотворительное дело значительных материальных средств. Но, известно также, что никакое доброе дело в нашем Отечестве из-за недостатка средств не стояло, лишь нашлись бы энергичные и самоотверженные деятели и готовы были бы вложить в него свою добрую душу».

Костромские епархиальные ведомости, 1906, № 19.

Представить себе Россию XIX-начала XX веков без благотворительности немислимо. Исконная черта русского народа - нищелюбие - получила под влиянием христианского учения значение высокой добродетели. Милостыня в народном понимании спасения имела первостепенное значение. Можно было обмануть, сплутовать в торговой сделке, но нищему или страннику не подать - тяжкий грех.

Вот записки священника Алексея Либерова, служившего в начале нынешнего века в селе Хмелевицы Ветлужского уезда: «Я спросил хозяина дома: «много ли нищих у тебя перебивает за день приблизительно?» - «Да человек до 30 и более перебивает в иной день. Иной день дверь на пяте не стоит; то и дело входят нищие. И нищие-то ныне стали такие догадливые: подашь ломоть хлеба, попросят и мучки Христа ради. Вот принесешь на день эту осиновку муки (крестьянин показал мне пудовое лукошко), и в день все раздашь, а пожалуй и не хватит. Иного нищего грешным делом и осудишь, как вот тех му-

жика и бабу, что сейчас были; а совесть не позволяет отказать. Ведь просят Христа ради».¹

В Костромской губернии существовали даже целые деревни, сделавшие нищенство своим ремеслом. Иные нищие имели отличные дома, рысаков, но ежегодно великим постом отправлялись за сбором милостыни. Особую известность имели в этом промысле уренские нищие.

В 1906 году костромское духовенство специально решило вопрос, как оградить прихожан от этих поборов, как узнать, действительно ли нуждается человек? Решили, что все же лучше подать десяти «мнимоничим», чем не подать одному, действительно нуждающемуся.

Христианская Церковь ставила дело помощи нуждающимся в число главных религиозных обязанностей верующих и сама старалась привлекать для этой цели значительные денежные средства, на которые устраивала и поддерживала разнообразные благотворительные учреждения. Помощь неимущим оказывалась в основном в виде милостыни и организованном призрении со стороны церкви. Затем стало ясно, что обе эти формы явно недостаточны для осуществления цели, которую преследовали.

В 70-х годах XIX века в России стали возникать православные братства. Они стали той формой, в рамках которой духовенство смогло вести благотворительную и просветительную деятельность. Братства основывались и в городах, и в селах. Основой, как правило, служил приход, в котором люди жили часто от



Учредитель и почетный попечитель
И.Е.Беляев

рождения до смерти. Приходскому священнику вполне было известно состояние каждого прихожанина.

Уже само название - Братство - определяло его цели. В основе их создания всегда лежали частная инициатива, частная благотворительность и добрая воля конкретного человека.

Особую известность не только в Костромской губернии, но и в России приобрело Александровское Православное Братство. Оно первоначально именовалось Иоанно-Богословским, так как было создано на основе прихода церкви Иоанна Богослова около Ипатьевского монастыря. Идея его создания принадлежала Илларию Евфимовичу Беляеву. Он родился в этом приходе. Долгое время служил в Петербурге старшим чиновником Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Замысел И.Е.Беляева состоял в том, чтобы на собранные им три тыся-

чи рублей открыть благотворительные учреждения на основе братской деятельности в тех местах Костромского края, которые исторически были связаны с пребыванием в них Михаила Федоровича Романова во время избрания его на царство и с народной памятью о подвиге Ивана Сусанина.

Одновременное открытие нескольких Братств оказалось невозможным из-за недостатка денежных средств, поэтому деятельность начали с прихода Иоанна Богослова. Рядом был Ипатьевский монастырь - символ прекращения Смуты в России, символ родившейся здесь новой династии.

Открытие Братства состоялось 16 сентября 1879 года. На общем собрании было решено просить цесаревича Александра Александровича принять Братство под свое покровительство, и со 2 июня 1880 года оно стало именоваться Александровским Православным Братством.

Иларием Евфимовичем Беляевым был составлен и устав Братства, утвержденный епархиальным начальством 5 июля 1879 года. Параграф первый устава гласил, что Братство учреждается в «благодарное памятование спасения от врагов родоначальника Царствующего дома М.Ф.Романова и принятия им самодержавия в Костромском Ипатьевском монастыре».



Здание Запрудненской рукодельной и Воскресной школ

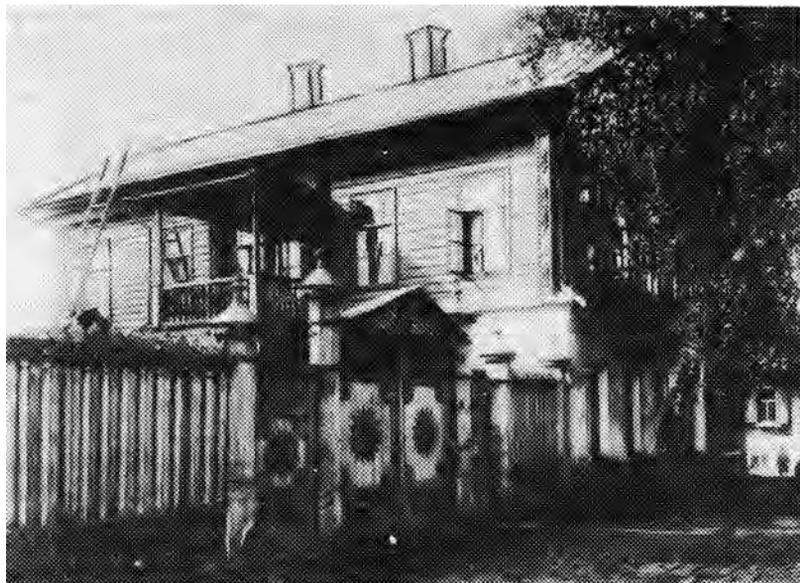
Свои основные цели Братство определило как попечение о «благоустройстве и благолепии приходских церквей, сохранении в них древностей», «содержание в порядке, чистоте и исправности приходских кладбищ, а также надгробных на них крестов и памятников», «о нуждах и благосостоянии церковных причтов», «о распространении и утверждении истинного религиозно-нравственного просвещения», «о приходских училищах и об учреждении при них библиотек», «об улучшении положения недостаточных прихожан», «об

учреждении в этих местностях ремесленных училищ, лечебниц, больниц и богаделен».

Система работы Братства была продумана до мелочей. Оно состояло из почетных пожизненных членов, пожертвовавших в пользу Братства единовременно более 50 рублей; из действительных членов, вносивших ежегодно в кассу не менее трех рублей; членов жертвователей, плативших ежегодно более одного рубля, и членов сотрудников.

Члены сотрудники оказывали, согласно уставу, «постоянное содействие Братству личными трудами». Среди них мы увидим М.С.Шестинского, инженера-механика, владевшего механическим заводом в Богословской слободе. При заводе он устроил столярно-токарные мастерские, в которых бесплатно обучал черчению ежегодно 35 учеников. Инженер И.В.Брюханов бесплатно возводил все здания, в которых Братство размещало мастерские, лечебницы, богадельни. Безвозмездно оказывали медицинскую помощь в лечебнице лучшие костромские врачи - О.Г.Беттихер,

Д.П.Борейша, К.В.Дримпельман, В.Н.Золотницкий. Позднее Л.П.Скворцов, не только врач, но и историк, автор известного труда по истории Костромы. Десятки других неизвестных лиц хлопотали о помещении в городские благотворительные заведения престарелых и увечных, принимали на себя уход за больными.



Лечебница Братства в Богословской слободе. Фото В.Н.Кларка, 1910-е годы



Каждый вносил то, что мог. Купеческие капиталы соединялись с народными рублями, ум и талант костромской интеллигенции с добротой и верой простых прихожан.

Имена всех постоянных членов Братства вносились в церковный Братский синодик для поминовения при службе, а после кончины - для вечного поминовения.

Необходимым условием существования благотворительных заведений было прежде всего неукоснительное соблюдение ими экономических законов. Основной капитал, взносы почетных членов и все пожертвования в 50 и более рублей оставались неприкосновенными. По мере накопления членских взносов и пожертвований они причислялись к основному капиталу, на них приобретались государственные процентные бумаги. На нужды Братства тратились только проценты, за исключением тех случаев, когда пожертвования предназначались на конкретные цели. Так, например, коллежский советник Г.К.Клейбер внес в Братство 12 тысяч рублей специально для постройки каменного здания мастерской для мальчиков в Богословской слободе (с квартирами для учителей, складом для хранения изделий мастерской).

В 1879 году первоначальный основной капитал Братства составляли только те три тысячи рублей, которые собрал И.Е.Беляев. Уже в 1889 году Братство, не тратя основного капитала, израсходовало на свои цели 72 тысячи рублей, в 1899 году - 181 тысячу рублей, в 1909 году - 255 тысяч рублей. На эти деньги к 1913 году были основаны 7 школ, 4 учебных ремесленных мастерских с четырьмя общежитиями при них, 2 амбулаторные лечебницы, богадельня, учебная сельскохозяйственная ферма - всего 19 просветительно-благотворительных учреждений. Для управления делами Братства было создано Попечительство, в состав которого входили председатель, товарищ председателя, два непременных члена, шесть попечителей, три кандидата к ним и казначей. Непременными членами Братства обязательно были настоятель храма и второй священ-

ник. Все остальные должности замещались постоянно живущими в этом приходе лицами, которых избирало общее собрание Братства сроком на два года.

Первый отдел, открытый Братством, - Ипатьевский - начал свою деятельность с ремонта храма, обустройства кладбища. Прихожане привели в порядок могилы, обсадили храм и кладбище деревьями. На этом кладбище был похоронен русский философ, богослов Федор Голубинский. Здесь у алтаря похоронили в фамильном склепе и основателя Братства И.Е.Беляева, и многих членов Братства, в частности, уже упоминавшегося М.С.Шестинского.

Десять лет спустя, в 1989 году, группа «Почин» при Костромском отделении Советского фонда культуры каждое воскресенье собиралась у полуразрушенного храма Иоанна Богослова и метр за метром расчищала кладбище, но окрестные жители не спешили ей на помощь, смотрели с удивлением, хотя у многих здесь свои, родные могилы. И вряд ли кто-то из них знает, что их отцы и деды жили здесь в этом приходе совсем по другим - братским - законам. Их стараниями было открыто здесь приходское училище, для которого в 1881 году специально был выстроен двухэтажный деревянный дом, в котором



Церковь Иоанна Богослова в Богословской слободе.

разместились приют для крестьянских детей из отдаленных селений и учебные классы, в которых обучались и мальчики и девочки: закону Божию, русскому и славянскому языку, письму, арифметике, церковному пению, а девочки, кроме того - рукоделию. Со временем при училище составила неплохая библиотека. Вообще, нужно отметить, что Братство бесплатно снабжало не только детей, но и взрослых жителей слободы книгами религиозно-нравственного и исторического содержания.

Во время весеннего разлива рек жители Богословской слободы оказывались отрезанными от города, а вместе с ними и жители ближайших сел и деревень. Именно поэтому с первых дней своего существования Братство копило средства для открытия в приходе амбулаторной лечебницы. Для нее был куплен деревянный на каменном полуэтаже дом крепкой старинной стройки. Он сохранился и сегодня, как и многие другие дома, выстроенные Братством. Лечебница была открыта 11 января 1886 года. Ее деятельность была благотворительной в самом строгом смысле этого слова. Костромские врачи выработали программу, правила и расписание в лечебнице приемных дней, оказывали бесплатную медицинскую помощь.

Постоянным руководителем лечебницы со дня открытия и до 1890 года был В.Н.Золотницкий. Он совместно с Леонидом Павловичем Слободским и отцом Петром Левашовым находили не только «благотворителей-деятелей», но и «благотворителей-жертвователей». В день освящения и открытия лечебницы Костромской преосвященный Александр подарил ей аппарат для электролечения. Московский купец И.П.Кулаков внес капитал, проценты с которого шли на бесплатную выдачу лекарств. Костромской владелец типографии Ф.А.Фальк до самого дня своей кончины (1905 г.) безвозмездно печатал бланки для больничных книг, ярлыки для лекарств и т.д. Московский фабрикант С.Е.Трындин бесплатно снабдил лечебницу врачебными аппаратами, хирургическими инструментами и разными медицинскими принадлежностями, которые вы-

пускала его фабрика. За время своего существования лечебница приняла десятки тысяч человек.

Постепенно, год за годом рос братский капитал, ширилась деятельность Братства. Для координации всей этой работы в Костроме был создан Совет Братства. И с 1884 года отделы Братства стали открываться и в других местностях костромского края. Прежде всего в селах Домнини и Хрипели, связанных с памятью об Иване Сусанине и спасении будущего царя Михаила Романова.

Домнинско-Хрипелевский отдел был открыт в 1886 году. В обоих селах были созданы одноклассные церковно-приходские школы в специально выстроенных для этого зданиях. Прекрасное здание Домнинской школы при Александровском Братстве - каменное, двухэтажное, красного кирпича служило школой и советской власти, пока она не была закрыта как неперспективная: в селе практически не осталось детей школьного возраста. Сейчас в ней разместилось сельскохозяйственное подворье Костромского Богоявленско-Анастасиного монастыря. Именно в этом отделе Братства в 1894 году была открыта учебная сельскохозяйственная ферма, целью которой было знакомить крестьян этого прихода с новейшими способами обработки земли, сельскохозяйственными орудиями, культурами. Землю под нее пожертвовал крестьянский мир. Эта ферма была своеобразным образцом целесообразного ведения мелкого крестьянского хозяйства на малопродуктивной земле. Со временем все окрестные крестьяне стали брать здесь семена полевых культур. Отсюда по окрестным деревням распространились малоизвестные населению этих мест кормовые и огородные растения: клевер, гречиха, огурцы, капуста. Фермой занимался сам костромской губернский агроном А.К.Ковальковский. С течением времени она стала приносить Братству немалый доход, который шел на другие благотворительные мероприятия - был открыт амбулаторный пункт, богадельня для бедных женщин прихода, женская рукодельная школа, слесарные мастерские. Все они в свою очередь приносили Домнинско-Хрипелевскому отде-

лу доходы, находя и исполняя различные заказы.

А около д.Деревеньки, на родине Ивана Сусанина, на средства Братства была выстроена небольшая каменная часовня. Торжественное освящение ее было приурочено к юбилейным торжествам 300-летия царствования Дома Романовых.

В 1887 году по просьбе жителей г.Макарьева был открыт Макарьевский отдел. В Макарьевском Унженском монастыре на поклонение гробу преподобного Макария Унженского дважды по преданию «пешком и босый» ходил Михаил Романов вместе с матерью - в 1612 и 1619 гг.

Последним был открыт Спасо-Запрудненский отдел в Костроме, на месте явления чудотворного Феодоровского образа Божьей Матери.

Ежегодные подробные отчеты Совета Братства, объединявшего все четыре местности, печатали «Костромские епархиальные ведомости». К юбилейным торжествам 1913 года Братство подготовило и издало прекрасный исторический очерк, посвященный 35-летию его деятельности. Он был составлен Иваном Студитским, товарищем председателя Совета Братства, иллюстрирован фотографиями. Устав, отчеты, очерк о деятельности Братства, материалы, постоянно публиковавшиеся в костромской печати, сохранили для нас этот опыт благотворительной деятельности. Опыт, который так необходим нашему обществу сейчас.

Татьяна Войтюк.

1. Либеров А. Вопрос о нищенстве. Костромские епархиальные ведомости - 1885. 186 9. С. 246-247.

2. Там же. 1906. 186 19. С. 334.

3. Устав Александровского Православного Братства, состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством. СПб. 1885. С. 5.

4. Там же. С. 7-8.

5. Студитский И. Состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Александровское Православное Братство в Костроме. Исторический очерк. 1879-1913. М. 1913. С. 27-28.



ТВОРЕНИЕ МИЛОСТИ

История благотворительности во многом поучительна. Все возвращается на круги своя. С благословения Владыки Александра, епископа Костромского и Галичского, вновь учреждено при Костромской епархии Александровское православное братство. В уставе деятельности его - научить граждан новой России творить благо для ближнего. Братство снова берет на себя подвижническую задачу, став духовным центром милосердия в Костроме, пройти путь своих предшественников. Но, к сожалению, сегодня не хватает средств на реставрацию церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе, чтобы возродить приход, деятельность которого и положила начало братству. Традиции эти продолжает женский Богоявленско-Анастасин монастырь. С его настоятельницей игуменьей Иннокентией наша беседа о том, как прорастить зерна, брошенные на костромскую землю благотворителями Александровского православного братства более века назад.

- Наверное, трудная задача - так воспитать человека, чтобы сострадание было житейским правилом? Как в «Домострое»: «...всякого скорбного, и бедного, и нуждающегося, и нищего не презри; введи в дом свой, напои, накорми, согрей и одень со всею любовью и чистою совестью...»

- Поверьте, очень трудно. В отличие от предшественников, нам

приходится вести нравственное и религиозное просвещение в атеистическом обществе, где понятие милосердия десятилетиями обюрокрачивалось. Неверующему человеку очень трудно бывает понять бескорыстные мотивы жертвенности, потому что для него нет понятия греха. Скажем, грех накопительства. В духовно

развитом обществе, какой была Россия XIX века, он не только осуждался миром, но и самоосуждался. В этом разница прошлого и настоящего. Если не веришь в Бога, творение милости как бы перепоручается государству. Право каждого на жертвенный поступок, который возвышает личность, гасится. То есть я хочу сказать, что атеизм уже предполагает, что деятельность официальной службы милосердия может быть лишена вообще какого-либо духовного содержания.

Если же человек получает церковное воспитание, благотворительная инициатива, сострадание естественны для него, как молитва утром и вечером.

- Повторим ли, скажите, опыт Александровского православного братства сегодня?

- Его повторение - коллективный наш долг, особенный еще и тем в нашей стране, что надо искупить вину за ожесточившихся

На снимке: настоятельница монастыря игуменья Иннокентия с сестрами.



В просфорной.

предков наших, которые разрушали храмы и веру, а это возможно только через покаяние идущих вслед поколений. Одни церковные люди без помощи мира этого сделать не смогут.

Приведу пример. Несколько лет решается вопрос о передаче монастырю больничного корпуса, где сейчас в аварийных условиях живут люди. Епархия берется отремонтировать корпус, по примеру братства открыть здесь первое благотворительное учреждение для престарелых больных людей. Уже сейчас у нас из 72 монахинь и послушниц более 40 человек - убогие и калеки. Им нужны человеческие условия для жизни в монастыре. Заплесневелые подвалы для учреждения богадельни не годятся. Мы собираемся взять к себе верующих людей из домов престарелых области. Люди там давно ждут причастия, духовной помощи.

В больничном корпусе можно будет открыть и лечебницу для тех, кто безнадежен для официальной медицины или из-за возраста лишен больничной койки в государственной больнице.

Есть у монастырской общины теперь машина «скорой помощи», среди сестер - врач-терапевт, детский врач, санитарки, ждем на жительство в монастырь врача-профессора из Петербурга.

Такая служба милосердной медицинской помощи в монастыре и для города с его многочис-

ленными социальными проблемами была бы полезна. Но если раньше губернаторы дорожили своей репутацией благотворителей, сегодня, очевидно, что-то мешает представителям власти выполнять свои обещания, данные монастырской общине.

История Братства, слава Богу, сохранила имена тех, кто бесплатно помогал устроить в городе такую врачебную службу когда-то. Это костромские земские врачи, и прежде всего, В.Н.Золот-

ницкий. Он вел прием в лечебнице Братства, посещал больных на дому во всякое время, безвозмездно раздавал лекарства бедным, популярные наставления об уходе за больными детьми. Сегодня таких помощников нам, к сожалению, не хватает.

- Не так давно, кажется, состоялось освящение монастырского подворья в селе Домнино, где сто лет назад Братство открывало свои первые учреждения: богадельню, лечебницу, школы ремесленных знаний и т.д. Скажите, Матушка, что удалось вам восстановить здесь?

- Много сил было потрачено на ремонт здания школы, где теперь подворье, обустройство фермы, покупку коров, овец, лошадей. Здесь есть свой птичник. Но сегодня хозяйство убыточно из-за отсутствия кормов. Отведенные земли находятся в зоне рискованного земледелия, обещанной колхозом техники до сих пор нет. Но все же мы верим в человечность и великодушие представителей областной власти, которые еще осенью прошлого года обещали все это выделить. Ведь предполагается, что именно это хозяйство будет кормить престарелых и инвалидов, что нашли приют под крышей монастыря. Надо хозяйству помочь встать на ноги. От имени



На Домнинской ферме





На приеме у медсестры

верующих, больных и убогих, молю о помощи Божией в этом деле.

- *А о людской?*

- Что правда, то правда. Немного таких подвижников теперь, как основатели Александровского православного братства. Все лучшее несет истинный христианин в храм Божий и монастырь, имею в виду духовные дары. Милость эта тихая, не требующая огласки.

А вот о пожертвованиях материальных, может быть и стоит сказать. Семья из Швейцарии, Урс и Маклайне, помогли в средствах на обустройство сельскохозяйственного подворья. Понимание к нуждам монастыря всегда встречаем у человека добрейшей души Леонида Михай-

ловича Малкова, председателя колхоза имени 50-летия СССР. Виталий Романович Виноградов, председатель строительного кооператива «Виктория», помог нам в восстановлении и строительстве монастырских помещений. Курсанты химучилища работали на подготовке подвалов для жилья, где сейчас ютятся до 15 послушниц в комнате. Исполняя труд молитвы за всех страждущих, сестры с терпением несут крест свой, благодаря за помощь людей, которые бескорыстно помогают чем могут.

Беседу вела
Антонина Белозерова.

СНЕЖИМ ЧЕБДОМЖИ

Для тех,
кто хочет принять
посильное участие
в возрождении
традиций
благотворительности,
сообщаем телефон
канцелярии
Богоявленско-
Анастасиинного
монастыря: 57-47-07.
Адрес: г.Кострома,
ул.Богоявленская
(Симановского), 26,
настоятельница
монастыря игуменье
Иннокентии.
Кроме средств,
которые собираются
сегодня
на реставрацию
колокольни,
на строительство
ограды и ремонт,
нужны пожертвования
(семена и рассада)
для возрождения
хозяйства
в селе Домнино.
Монастырская
швейная мастерская
нуждается в любых
материалах,
в иконописной
мастерской монастыря
с радостью примут
личные дары
костромичей на помин
души умерших
близких,
монастырская
библиотека готова
принять
на нужды просвещения
церковные книги
и учебные пособия
для воскресных школ.

НАЧАЛО КНИЖНОГО ПУТИ

75 лет областной научной библиотеке

Весна 1918 года, когда началось формирование собрания областной научной библиотеки, не располагала к идиллическим размышлениям. Новая власть заявляла свои права. Предоставим слово очевидцам. Кологривский лесничий, краевед, коллекционер и библиофил Вячеслав Павлович Чистяков пишет письмо Василию Ивановичу Смирнову, секретарю Костромского научного общества. Именно оно взяло на себя заботу о брошенных на произвол судьбы и варварски расхищаемых древностях, и, в частности, фамильных книжных собраниях.

«Кологрив, 2-15 августа 1918 года».

Многоуважаемый Василий Иванович.

В дополнение к письму, отправленному в Научное Общество мною и Н.И.Ладыженским о положении дела с его библиоте-

кой и коллекциями, сообщаю Вам подробности, рисуящие более рельефно положение дела. Чумбаров-Лучинский, видя между коллекциями Ладыженского собрание старых икон и складни, обращаясь к хозяину, сказал: «Вот эту дрянь Вы можете убрать отсюда». На просьбу мою оставить конфискованные у меня книги в моих-то шкафах, он-то есть Чумбаров, указав на переплетенные и некрасивые книги, по внешности собр. сочинений иностр. писателей (Диккенс, Додэ и др.), сказал, что «такую дрянь нечего помещать в шкафы»: Член Исполнительного Комитета Калинин (крайне недалекий субъект), ведя работы над разборкой и описанием старинных книг из собр. Ладыженского, сказал, что «было б гораздо проще облить их керосином и сжечь». Чумбаров-

Лучинский, ворвавшись в мою квартиру, хотел немедленно звать красноармейцев, чтобы изъять все книги и свалить их в кучу в прихожую библиотеки (так как последняя была заперта) и с большим трудом пришлось отговорить его от этого и дать мне срок для составления описи книг. При этом он, находясь в крайне возбужденном состоянии, сказал мне, что если при обыске после конфискации книг, у меня найдена будет хотя одна книга, то я буду «расстрелян на месте». Когда после конфискации нижнего этажа моего дома (для библиотеки) он намерен был конфисковать также и верхний этаж, где живу я, я заметил, что он уже выгнал на улицу семью моего брата в 11 человек и хочет выгнать и мою семью в 13 человек, а в двух моих семьях учится в школах 14 чело-



Областная научная библиотека сегодня - богатейшее в городе книжное хранилище, здесь свыше 2 млн. томов, уникальные издания времен изобретения книгопечатания. Например, Василий Великий. "О постничестве", 1594 г., русские литературные альманахи и сборники XVIII, XIX столетий ("Аглая", изд. Карамзина, «Полярная звезда», изд. Рылева и Бестужева, «Северные цветы», изд. Дельвига), прижизненные издания классиков русской и зарубежной литературы, книги с автографами А.Н.Островского, П.И.Бирюкова, других известных в России людей, книги с экслибрисами российских знаменитостей, таких изданий в библиотеке более 12 тысяч, не считая редкой коллекции краеведческих изданий из 19 тысяч томов.

век, Чумбаров с злобою сказал: «Это вам, буржуйам, месть за Ярославль». Чего же после этого ожидать было в будущем и как можно было не опасаться за судьбу книг и коллекций. Идя вполне навстречу мысли об приведении музея в порядок и в вид доступный для общего пользования, владелец Н.И.Ладыженский заявил Чумбарову-Лучинскому, что он на свой счет улучшит и приспособит помещения дома для музея, улучшит нижний этаж дома, сделает теплую лестницу и пр. Но все это было не принято во внимание и Чумбаров ответил, что он не оставит коллекций в доме Ладыженского по одному тому, что он в этом случае будет чувствовать себя их хозяином.

Мысль о рассылке части книг по деревням уезда, по слухам, до

сих пор не оставлена Чумбаровым и, если в деревню будут посланы книги совсем не нужные для народных масс (что весьма вероятно), то гибель книг - неизбежна. Конфискованные в городе нужные книги свозились в нижний этаж всего дома и их скопилось сейчас до 25-30000 томов. Сгруживание такой массы книг в деревянном доме представляет громадную опасность. А если, вдруг, пожар. Спасти книги будет невозможно, все должно погибнуть. Об этом Чумбаров и им подобные не думают.

В данный момент опись книг и коллекций Ладыженского не окончена и продолжается: торопливость и нервозность Чумбарова немало мешают этой работе. Все книги Ладыженского перевезены в общую библиотеку, а остальные коллекции после

долгих поисков для них дома и выходок Чумбарова оставлены пока в особом доме Ладыженского, где они ранее и находились. Мы с Ладыженским подозреваем, что коллекции избавлены от перевозки, их поломки и утерь благодаря вмешательству в это дело со стороны Костромского Научного Общества и крайне признательны за это. Оставление коллекций в доме Ладыженского дает более гарантий за их сохранность. Но как далее будет организована охрана, кто будет наблюдать за будущим музеем - в эту тайну командир положения Чумбаров не посвящает никого. Комиссия библиотечно-музейного дела, о которой он кричал, до сих пор не образована, да и кто войдет в нее. Ключи от дома, где помещается коллекция, уже перешли в третьи руки и в на-



От разгрома фамильные библиотеки дворянских «гнезд» спасала провинциальная интеллигенция. На снимке перед вами первые сотрудники областной научной библиотеки. Это они трудились над разборкой спасенных книг, составляли первые каталоги библиотеки, оборудовали книгохранилища. Кроме фамильных коллекций ими принято в дар от Костромского научного общества 40 тыс. томов, от букинистов Лапина и Катаева - 3 тыс., из костромского ломбарда - 40 тыс. книг и журналов, от Дворянского собрания - 2 тыс. книг, из кафедрального собора - 1,5 тыс. Первый директор библиотеки, страстный книголюб Александр Александрович Антонов (в третьем ряду третий слева) организовал сбор книг у населения. В фонд библиотеки он передал личное собрание - 1200 томов.

стоящее время находятся в руках совершенно неизвестного субъекта. Будьте любезны сообщить Ваше мнение о том, не может ли осуществлению лучшей организации дела охраны будущего музея академика Ладыженского открытие здесь, в Кологриве, отделения Костромского Научного Общества. Как осуществить это, согласно параграфам 4 и 5 устава Общества. Небольшая группа лиц (в том числе и я) давно думала об этом, но не торопилась это сделать, опасаясь открытием Отделения Общества раздражить такого субъекта, как Чумбаров, от которого возможно ждать еще более худших выходов. Пожалуйста, не откажите сообщить о возможности открыть здесь отделения Общества и о тех шагах, которые предприняло КНО для охраны коллекции г. Ладыженского.

С соверш. почтением и уважением всегда готовый к услугам

Чистяков.

Мой адрес: Кологрив, В.П. Чистякову".

В ответ на письмо из Кологрива КНО выхлопотало охранную грамоту для библиотек и коллекций из усадеб, подлежащих национализации. С этого началось создание Кологривского музея и будущего фонда областной научной библиотеки.

Таким образом работа по спасению культурных ценностей в Костромской губернии была начата весной, задолго до создания официальных структур, дающих государственную охранную грамоту. Общество командировало своих представителей в самые отдаленные концы губернии - М.М.Зимин, земский служащий и краевед, отправился в Кинешемский уезд в с. Есиплево и усадьбу Новинки; безработный учитель и знаток древностей Ф.А.Рязановский - в Солигаличский, в усадьбы: Черевиных - Нероново, Куприяновых - Патино, Мариных - Погарь. Чухломский уезд обследовал бывший библиотекарь костромской духовной семинарии В.В.Звездин. В Буйском уезде работали Соколов и Друлис, в Галичском и Солигаличском - В.К.Магнитский².

Их встречали усадьбы, еще хранившие тепло прежних владельцев, часто живущих недалеко от прежнего гнезда, в какой-

нибудь крестьянской избушке, и наблюдающих, как гибнет культурный слой, создававшийся поколениями их предков. Вот, например, какой увидел В.Магнитский родовую усадьбу Вяземских Воскресенское: «Особый отпечаток порядочности и порядливости отмечает эту усадьбу, он заметен и в доме, и в библиотеке, и в домоводстве, и в переписке, и на коллекциях, и даже в ученических тетрадях детей Вяземских. Разнообразие жизненных проявлений также отличает Вяземских. Они и сельские хозяева, и музыканты, и охотники, и пчеловоды, и переплетчики, и слесари, столяры, коллекционеры (...). В доме хороший рояль, две скрипки. Наверху старый клавиесин и орган (...). Внутренность дома говорит, что хозяева выехали только недавно, и может быть, не совсем. Часы идут, отрывной календарь показывает 24 августа 1918 года, зеркала, столы и стулья стоят на своих местах и только некоторые комнаты получили новое, не свойственное им назначение. По стенам висят картины, в библиотеке много фотографий... В углах сохранились св.Иконы, библиотека сохранилась». (Копия отчета хранится в ГАКО, в фонде А.А.Григорова).

Задачей посланцев Костромского Научного Общества было сохранить хотя бы осколки этой жизни, малую их часть, сколько возможно. Рязановский привёз - 32 тюка весом 104 пуда «с книжными и музейными материалами», Магнитский доставил в общество «35 пуд. музейных и архивных материалов».

В Костроме собранное распределялось - часть хранилась в музее местного края, принадлежавшем научному обществу, часть - складывалась в здании бывшей духовной консистории, где на первых порах и размещалась научная библиотека. Она создавалась по отношению к Костромскому Научному Обществу «дочерним» обществом народных университетов, поставившим своей задачей открытие в Костроме университета. Собственно, идея эта уже несколько лет вынашивалась членами КНО, и, в частности, Василием Ивановичем Смирновым. Он мечтал, еще до революции, о создании в Костроме Дома Науки, где помещился бы и университет, и научная библиотека, и архив, и музей... Тогда не нашлось здания.

Между февралем и октябрём 1917 года Смирнов оказался ненадолго причастен к местному само-



В первый год работы библиотеки в нее записалось 878 читателей, в основном учащиеся и служащие. На снимке: актив клуба «Юный читатель», открытого сотрудниками-книголюбями.

управлению, и главное, что ему удалось добиться, - это передача в пользование КНО здания музея архивной комиссии, но там едва-едва разместили собственно музей.

Библиотека же оказалась на Мшанской, в бывшей консистории, а позже, когда университет все же был создан, переехала поближе к нему - в особняк купцов Дурыгинных на пр. Луначарского (здание культпросветучилища). Там библиотека и оставалась до 1965 года, пока не было построено нынешнее здание.

Она стала называться Костромской центральной научной библиотекой и гордо носила это звание до 1920 года, когда ее переименовали в Костромскую центральную библиотеку-коллектор. Это техническое название точно отразило тот новый механизм смешения и перераспределения книжных собраний, что тогда исповедовался. Прежние библиотеки были портретами своих владельцев.



Экслибрисы графа Аракчеева и князя Воронцова на книгах из ценного фонда.

Они были одушевлены их интересами, пристрастиями, судьбой. Здесь же главным было - «взять и все поделить...».

Библиотекари и устроители библиотек старались сохранить целостность собраний. Но просто

иногда не хватало времени и сил разобрать все эти «пуды» свезенного добра. Оно так и лежало - тюками, пудами... Со временем фамильные фонды рассеялись по разным библиотекам, смешивались, и сегодня нужны усилия, чтобы восстановить их принадлежность, реконструировать первоначальные собрания, начать писать портреты заново.

Под крышей областной научной библиотеки собирались не только частные библиотеки. Такова же была судьба древнейших книжных собраний духовной семинарии (восходящих к середине XVIII века), соборной библиотеки (1791 г.), которая помещалась на кремлевском холме в куполе теплого Богоявленского собора.

Значительно фонд научной библиотеки пополнили книги губернской гимназии, благородного и общественного собраний, частных публичных библиотек - всех тех организаций и обществ, чье существование показалось новой власти излишним.

Сегодня только экслибрисы и владельческие надписи позволяют нам проследить путь, которым та или иная книга пришла в ценный фонд библиотеки. Но это тема для отдельного исследования.

Лариса Сизинцева.

1. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 191, н/обр.
2. ОПИ ГИМ, ф. 54, л. 742, л. 45-45 об.
3. ОПИ ГИМ, ф. 54, л. 742, л. 46-46 об.

ИМЕЕМ СООБЩИТЬ



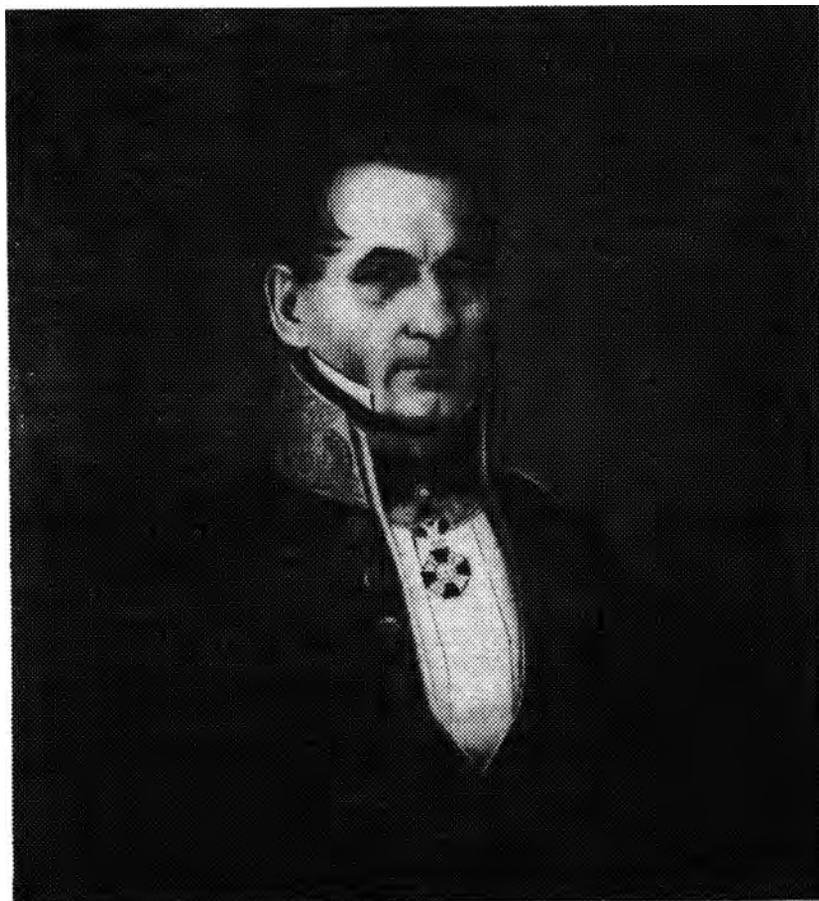
Выставка уникальных книжных изданий начала века, посвященных празднованию 300-летия Дома Романовых и открытая в день рождения областной научной библиотеки, все еще работает здесь. И привлекает она, судя по отзывам, не только историков, библиофилов, коллекционеров, но обычных читателей, которые с помощью книги умеют путешествовать во времени, наслаждаясь ароматом истории и развивая воображение. Три века российской культуры, три века государственности от Михаила до Николая Романовых составляют историческое пространство этого увлекательного путешествия, предложенного сотрудниками библиотеки. На выставке много необыкновенных заповедных уголков, куда не ступал глаз широкого читателя. Вот, скажем, уникальный сборник материалов по истории предков Михаила Федоровича, собранный еще самим Селифонтовым. Здесь подарочные издания о царской охоте на Руси, о путешествиях наследников по Востоку и костромской земле, юбилейный альбом с рисунками профессора Верецагина, известные сятинские издания для народа, именные экземпляры редких книг... Современные издатели тоже внесли свой скромный вклад - совсем недавно к открытию историко-культурного фестиваля «Вехи» переиздана книга-альбом известного костромского историка Николая Виноградова, посвященная 300-летию царствования Дома Романовых в Костромской губернии. Впервые переизданы книга священника Евтихия Вознесенского «Воспоминания о путешествиях Высочайших особ Императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии», «Сказание о спасении от поляков Михаила Федоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина», прекрасно иллюстрированное. Остается лишь добавить, что возможным это стало благодаря содружеству областного государственного архива с дирекцией фестиваля «Вехи», которая профинансировала подготовку таких подарков читающей публике, интересующейся историей.

Свидетельства Архива Документов

Портретная галерея дворянского собранин

В русском искусстве конца XVIII- начала XX столетий наряду с помещичьими и купеческими галереями существовали также и галереи ведомственного типа, представлявшие собою собрания портретов или картин при официальных учреждениях, например, галерея портретов выдающихся деятелей края в доме костромского дворянства.

Дом дворянского собрания на Павловской улице в Костроме был торжественно открыт зимой 1839 года, но построен он был гораздо ранее - в 80-х годах XVIII столетия купцом Дурыгиным. Идея покупки купеческого особняка для костромского дворянства, остро нуждавшегося в новом помещении, исходила от губернского предводителя Сергея Федоровича Купреянова. Он же осуществил сбор средств в сумме сорока семи тысяч рублей на по-

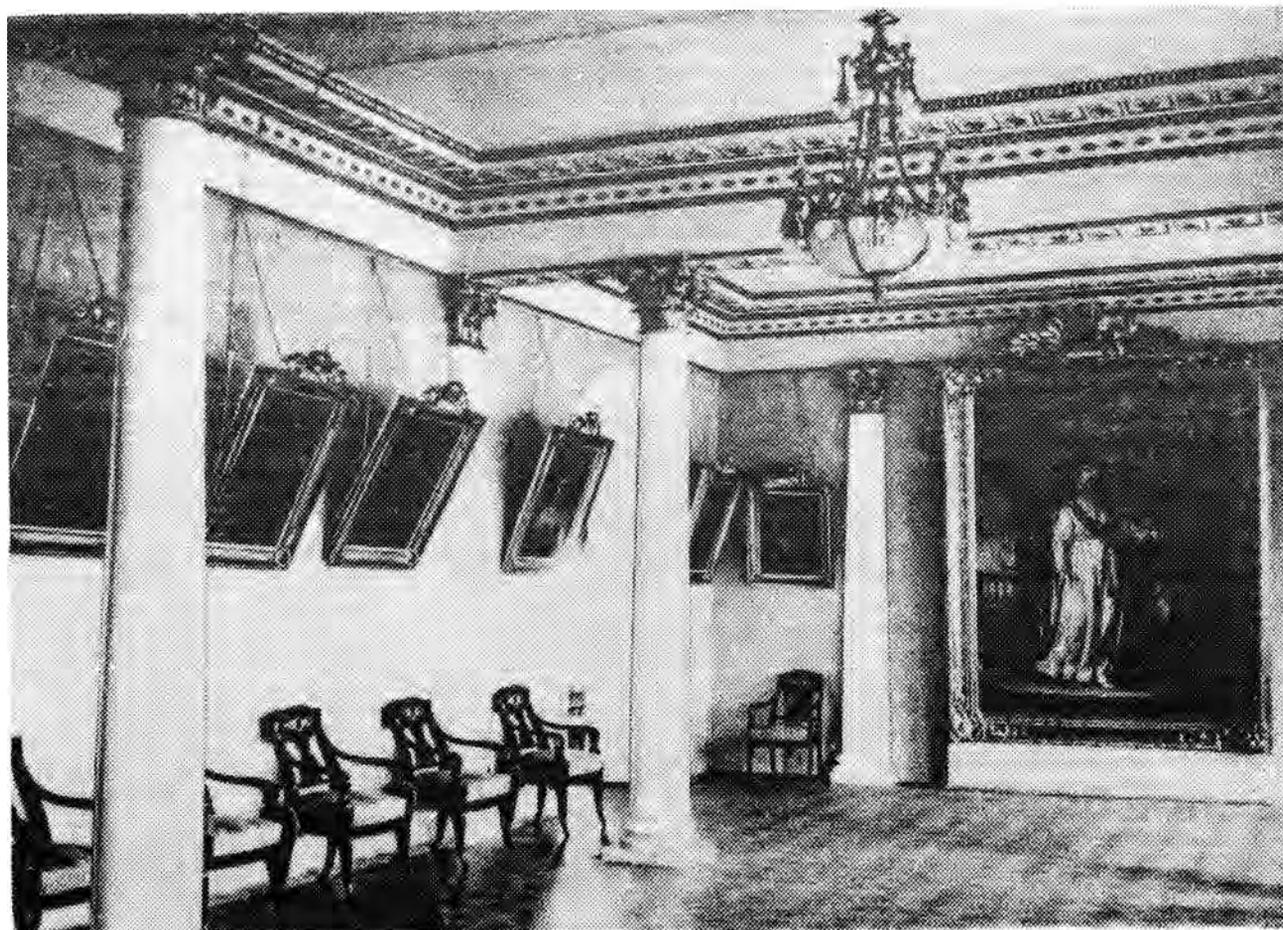


Неизвестный художник. Портрет С.Ф.Купреянова, 1840-е годы.

купку здания. Купчая крепость была совершена в июне 1837 года, но дом требовал частичной перестройки. План и смету представил губернский архитектор М.М.Праве, он же и руководил работами под контролем С.Ф.Купреянова. Окончательно отремонтированный, лучший по отделке в Костроме дворянский дом обошелся заказчиком в общей сложности в 115888 рублей, и он стоил того, и приехавшие в

собрание 1839 года дворяне выразили строителям высшую степень удовлетворения и восхищения.

Открытие дома костромского дворянства нашло отражение в романе «Масоны» А.Ф.Писемского, где под именем Петра Григорьевича Крапчика был изображен Сергей Федорович Купреянов. В память заслуг своего предводителя благодарные костромичи поместили его портрет в дворянском доме и он



Екатерининский зал Дома костромского дворянства.

стал первым экспонатом в будущей галерее выдающихся деятелей края.

Портрет С.Ф.Купреянова - оригинальный, прижизненный, был написан неизвестным художником середины XIX века. В галерею он попал, скорее всего, из квартиры предводителя, находившейся в здании дворянского дома.

Планировка здания соответствовала его назначению: собирать дворян губернии для обсуждения текущих дел и проведения выборов; здесь же устраивались балы, концерты, торжественные вечера, званые обеды.

В доме имелось 38 комнат, размещенных на трех этажах. Правую часть первого этажа занимали квартира предводителя, канцелярия и архив. Левая - была отведена залу депутатского собрания. На втором этаже размещались: Большая или Золотая гостиная, позднее Екатерининский зал, Белый зал с

хорами и Малая Григоровская гостиная. Третий этаж предназначался для приезжих и включал в себя комнату уездных предводителей, столовую, библиотечную и читальню.

Официальные помещения - Белый и Золотой залы - требовали торжественного оформления, прежде всего традиционных портретов царствующих особ. Поиски этих произведений нашли свое отражение в ряде документов, в частности, в письме губернского предводителя А.И.Шипова к Н.Н.Селифонтову от 14 декабря 1884 года:

«...У меня с вчерашнего дня еще накопилась к Вам небольшая просьба, которую позволю себе изложить здесь; одиннадцатого вечером было открыто Чрезвычайное дворянское собрание для обсуждения способов чествования предстоящего юбилея Дворянской грамоты 21 апреля будущего 1885 года. На собрании этом мне... поручили

приобрести для залы нашего Костромского дворянского собрания портрет Екатерины II и на расход назначили примерно 500 рублей. Между тем Буйский предводитель Виктор Всеволодович Сипягин мне сообщил, что один товарищ его Нард, живущий в Петербурге, желает продать этот портрет работы художника Лампи, а вчера я уже получил от Нарда телеграмму, что он согласен продать за пятьсот рублей. Тотчас же в моей мудрости решил я просить Вашего совета и помощи. Хотелось бы иметь верные сведения: действительно ли хорош портрет и стоит ли он этих денег?.. Не решаюсь Вас беспокоить лично, но у Вас, конечно, много знакомых знатоков живописи, которые вероятно не откажут это исполнить. Обращаюсь в этом случае к Вам, как дворянину нашей губернии».

Благодаря этому письму проясняется история появления в

галерею портрета Екатерины II, кисти художника XVIII столетия Джованни-Баттиста Лампи, произведения не дошедшего до нас, но известного по старым фотонимкам.

В следующем году дворянин Г.Н.Вишневский выдвинул идею, чтобы портреты двух жертвователей на воспитание дворян были написаны и помещены в Большом зале дворянского дома. Назвал он и имена этих меценатов: Василия Иоакимовича Дурново и Александра Николаевича Григорова. Однако лишь через 13 лет его предложение было реализовано.

В 1899 году, во время столетнего юбилея Александра Николаевича Григорова, был заказан портрет масляными красками на холсте в позолоченной деревянной раме. Он был писан с фотографии, сделанной в 1866 году по случаю награждения А.Н.Григорова орденом святого Владимира III степени. Фото для написания портрета предоставил

внук изображенного Иван Иванович Григоров. За написание портрета живописцу было уплачено 300 рублей, кроме того, возмещены расходы на покупку холста и красок, а также на изготовление рамы.

Послереволюционная судьба этого произведения была печальна. Вместе с другими портретами дворянского собрания он исчез в неизвестном направлении: то ли был уничтожен, как ряд царских изображений, то ли попал в музейное собрание, потеряв свое имя, то ли осел у какого-нибудь коллекционера.

В 1985 году лично мне удалось найти его в фондах музея изобразительных искусств среди многочисленных портретов неизвестных лиц, благодаря фотографии, полученной от правнука мецената-старейшего, ныне уже покойного, краеведа Александра Александровича Григорова, который тогда же приехал в музей посмотреть на находку и безоговорочно признал

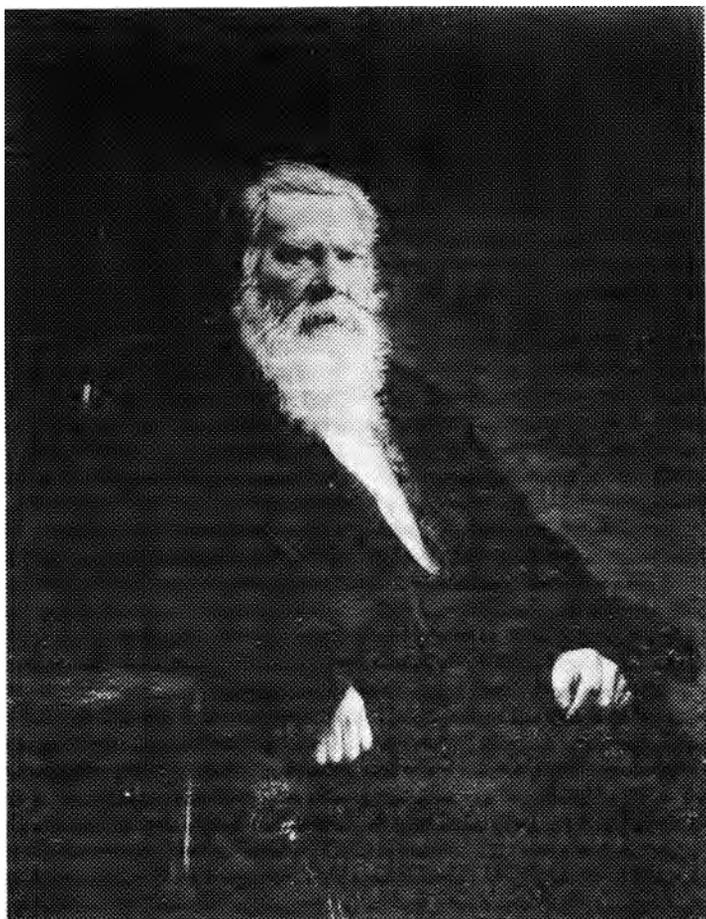
своего предка.

Тогда же по материалам семейного архива А.А.Григорова удалось составить биографию его прадеда.

Александр Николаевич Григоров родился 14 февраля 1799 года в селе Липки Тульской губернии. Его отец подпоручик Николай Васильевич во время войны 1812 года перевез семью в костромское имение жены, где она и обосновалась. Отрочество будущего мецената прошло на костромской земле, там он получил приличное домашнее образование, затем в 1818 году по примеру отца молодой человек поступил в военную службу, в артиллерию. Однако, уже через пять лет он вышел в отставку с чином поручика: похоже его военная карьера не привлекала.

По возвращении домой, в 1823 году, он женился на молодой вдове Марии Александровне Овциной, урожденной Полозовой, в которую был влюблен еще в юности. Молодые поселились в Березовке Кинешемского уезда, часть этого имения Григоров получил по наследству в 1817 году после смерти матери. Александр Николаевич занялся сельским хозяйством и служил по выборам. Так в 1817-28 годах он состоял дворянским заседателем в Кинешемском уездном суде.

В 1834 году неожиданно заболела и умерла его жена, оставив четырех детей: сыновей Кронид, Митрофана, Ивана и дочь Людмилу. Несмотря на трудное семейное положение, Александр Николаевич долго не решался вступить во второй брак и лишь в 1851 году после семнадцатилетнего вдовства, вырастив детей, он женился вторично на Александре Васильевне фон Галафре, урожденной Голубковой, которая к тому времени вдовствовала уже вторично. Она приходилась родной сестрой Платону Васильевичу Голубкову - известному миллионеру-меценату, владельцу золотых приисков в Сибири. После его смерти в 1855 году супруги Григоровы получили богатейшее наследство, которое решили употребить на благо общества. И случай вскоре представился: в 1856 году министр просвещения А.С.Норов поднял вопрос о необходимости правильного женского образования в России, о необходимости открытия школ для де-



В.А.Колесов. Портрет Ф.В.Чижова.

виц в губернских и уездных городах. Этот призыв правительства нашел отклик прежде всего в Костроме. В августе 1857 года на средства А.Н. Григорова было открыто первое в России Всесословное среднее женское училище, разместившееся в доме Солодовникова на Павловской улице (ныне училище культуры). Григоров ежегодно вносил плату учителям, оплачивал наем квартиры и отопление. В 1859 году он купил у купца Стригалева дом на Верхне-Набережной улице (ныне ул. I Мая, пединститут) и с августа 1860 года училище разместилось в собственном здании, преобразовавшись из 3-классного в 6-классное. Для лучшего обеспечения училища А.Н. Григоров пожертвовал ему 1000 десятин земли с 240 душами временнообязанных крестьян в деревнях Березовке, Кобячихе и Малинках Кинешемского уезда. Ежегодный доход училища составил 950 рублей.

Летом 1864 года, в признание заслуг основателя, училищу было присвоено название «Григоровское».

На следующий год при училище был открыт пансион на 40 девиц из потомственных дворян Костромской губернии, прозванный Романовским, а в 1868 году на средства того же А.Н. Григорова в здании училища была устроена домовая церковь.

В год смерти мецената в 1870 году женское училище было преобразовано в Григоровскую женскую гимназию. Имя ее основателя регулярно упоминалось на торжественных актах гимназии при праздновании юбилейных лет. Создание его портрета в 1899 году - дань памяти благодарных костромичей.

Если в конце XIX века портретная галерея дворянского собрания находилась еще в зачаточном состоянии и насчитывала лишь несколько произведений, то в начале XX столетия происходит ее интенсивное развитие. Это подчеркнул в своем отчете за 1901 год губернский предводитель А.И. Шипов.

«В настоящее время, - констатировал он, - имеется только два портрета жертвователей: Василия Иоакимовича Дурново и Александра Николаевича Григорова; в минувшем году Константин Петрович

Васьков доставил небольшие, но очень удачные портреты своего дяди Константина Федоровича Васькова и своей тетушки Юлии Федоровны Захаровой, для снятия с них больших портретов... но я за неимением здесь местных художников, а также достаточного количества свободных денег, выполнением этим остановился».

И все же намерение свое А.И. Шипов исполнил в следующем году: по приходно-расходной книге 1902 года значитесь: «Художнику Леонтовскому за исполнение двух портретов К.Ф. Васькова и Ю.Ф. Захаровой (заплачено) 200 рублей».

Краткие сведения о художнике опубликованы в справочнике Императорской Академии художеств С.Н. Кондакова, с. 113.

«Леонтовский Александр Михайлович, р. 1865 г., вольнослушатель Академии художеств с 1885 года, ученик с 1888 по 1894 год. В 1894 году получил звание неклассного художника III степени».

Видимо, Александр Михайлович Леонтовский не был костромичом, поскольку, получив очередной заказ на портрет жертвователя В.Н. Кетова, он совершил денежные операции по пересылке произведения заказчику, что было бы ненужным, если бы он жил в Костроме.

Ни одна из трех работ А.М. Леонтовского, написанных для дворянской галереи, до сих пор не обнаружена, однако, одну из них, изображающую Юлию Федоровну Захарову, мы можем представить по дошедшей до нас фотографии фрагмента галереи, ведь она единственная женщина, представленная в собрании, включая портреты цариц.

Но не так долго пришлось костромским дворянам искать художников на стороне.

В 1905 году в Кострому вернулся молодой художник Николай Павлович Шлеин, только что окончивший два учебных заведения: Московское училище живописи, ваяния и зодчества, по классу В.А. Серова (1889-1900) и Высшее Художественное училище при Академии Художеств под руководством В.Е. Маковского (1900-1903). Был он и пенсионером Академии Художеств за границей. Разумеется, местная элита не оставила его своим вниманием и сделала пробный заказ.

Бывший в то время губернским предводителем Михаил Николаевич Зузин в трехлетнем отчете за 1908-1910 года писал:

«Исполняя постановление чрезвычайного губернского дворянского собрания мною был заказан художнику Н.П. Шлеину портрет А.И. Шипова, бывшего в течение семи трехлетья губернским предводителем дворянства. Портрет был писан с фотографической карточки, по указанию семьи покойного и вывешен... в Екатерининском зале».

Увы! Портрет пока не обнаружен.

Вскоре у Н.П. Шлеина появился конкурент - московский художник Владимир Алексеевич Колесов, приехавший в Кострому еще в 1890-х годах и служивший учителем рисования в костромских училищах. Он также получил заказ на портрет жертвователя Г.Н. Макарова, оставившего на стипендии в Высших учебных заведениях капитал в 668 тыс. рублей.

Еще три года назад мы почти ничего не знали об этом художнике, но встреча с его внуком - московским писателем Евгением Николаевичем Колесовым помогла собрать необходимый биографический материал. Владимир Алексеевич был сыном профессионального художника Алексея Михайловича Колесова. По окончании Московского училища живописи, ваяния и зодчества он приехал на работу в Кострому. Преподавал рисование в женском епархиальном училище и в промышленном училище им. Чижова, имел частную художественную студию. Сам был отличным живописцем графиком, занимался и театрально-оформительской деятельностью. Им создана серия портретов костромских деятелей, из которых лишь единицы дошли до нас и, в том числе, портрет крупного предпринимателя и финансиста Федора Васильевича Чижова, до начала 1980 годов хранившийся в фондах музея изобразительных искусств под названием «Портрет неизвестного старика». Создание портрета мецената было приурочено к столетию со дня его рождения. В отчете предводителя дворянства за 1911-13 года, в графе расходы значитесь: «художнику Колесову



Неизвестный художник. Портрет Н.Н.Селифонтова. Нач. XX в.

за написание портрета Ф.В.Чижова 50 рублей».

Известно, что Ф.В.Чижов составил свой капитал, участвуя в товариществе по строительству Московско-Курской железной дороги, после выкупа которой в казну получил свою долю - шесть миллионов рублей. Он имел также пай в Архангельско-Мурманском срочном пароходстве. Свой капитал предприниматель завещал молодежи, справедливо полагая, что она может достигнуть прочного положения в жизни лишь через труд и науку, а потому и предназначил деньги на устройство в Костромской губернии пяти профессиональных училищ, в которых наряду с общеобразовательными предметами изучались бы ремесла и технические производства.

«Причина почему я выбрал Кострому, - говорил меценат, -

не столь рациональная, сколько моя личная, сердечная. Я родился в Костроме, в ней получил первоначальное образование, в ней же положено начало моему нравственному образованию...».

Костромское дворянство по праву гордилось выдающимися представителями своего сословия, стараясь увековечить их память для будущих времен. Имея в резерве двух профессиональных художников Н.П.Шлеина и В.А.Колесова, оно посчитало возможным расширить рамки своей галереи. Как сообщалось в отчете председателя за 1911 год на очередном собрании: «В.Н.Верховский полагал, что следовало бы поместить в дворянском доме портреты наших писателей: Потехина, Писемского, Островского и Плещеева. Сергей Иванович Бирюков полагал, что из костромских дворян очень многие известны своей деятельностью на общественной и го-

сударственной службе и поэтому следовало бы иметь портреты и этих деятелей». Собрание постановило: принять желательным поместить в дворянском доме портреты дворян, выдающихся на поприще государственном, общественном и литературном, а спустя два года отмечалось, что: «художником Шлеиным написаны портреты Островского, Потехина, Плещеева и Писемского». Все эти писатели тесно связаны с нашим краем. В настоящее время два портрета А.Н.Островского (копия с В.Г.Перова) и А.Ф.Писемского (копия с И.Е.Репина) находятся в фондах костромского историко-архитектурного музея-заповедника, судьба же других неизвестна. След обрывается на библиотеке Крупской, где эти произведения хранились в довоенное время.

Удовлетворенные работой художника, дворяне сделали ему заказ на целую серию царских портретов, тем более, что приближался большой юбилей 300-летия Дома Романовых. В отчете председателя за 1913 год отмечено: «16 портретов размещенные в Екатерининском зале исполнены художником Н.П.Шлеиным за 2750 руб.».

Пока они, к сожалению, не вычленены из общей массы царских портретов, хранящихся в запасниках обоих костромских музеев.

Костромское дворянство выдвинуло из своей среды и ряд крупных ученых: астронома Ф.А.Бредихина, металлурга К.П.Поленова, геолога А.И.Антипова и др. В галерее дворянского собрания был представлен портрет ученого-термохимика Владимира Федоровича Лугинина, который не так давно удалось извлечь из фондохранилища музея изобразительных искусств и атрибутировать.

В.Ф.Лугинин - ученый-термохимик (1834-1911), по рождению москвич, владел богатейшим лесным имением в Ветлужском уезде и усадьбой в сельце Рождественском в 30-ти км от Шарьи с пятью тысячами душ крепостных крестьян. Воспитывался он в Михайловском артиллерийском училище. Годы русско-турецкой войны был на фронте, участвовал в Дунайской компании, взятии крепости Силистрии, защищал Севастополь. Он был участником де-

мократического движения 1860-х годов, примыкал к «молодой эмиграции».

В 1860-х годах Лугинин изучал химию в Гейдельберге и Париже, работал в Петербурге в своей частной лаборатории (1874-81), затем в медико-хирургической академии, а в 1889-1905 гг. - в московском университете, где основал на свои деньги термолабораторию. С 1899 г. - профессор. Опубликовал ряд работ по термохимии.

Портрет ученого, представленный в галерее дворянского собрания, был написан в Париже неизвестным художником на рубеже XIX и XX веков. На оборотной стороне холста сохранился штамп овальной формы с названием города. Время создания произведения высчитано приблизительно, исходя из возраста изображенного и годов его пребывания во Франции.

Идентичный портрет ученого помещен на фронтиспise книги Ю.И.Соловьева и П.И.Старосельского «В.Ф.Лугинин», М., 1963 г. Иллюстрированный портрет является копией с нашего оригинала, сделанной дочерью ученого М.В.Волконской.

Несколько особняком стоял в галерее дворянского собрания портрет ученого-археографа и библиофила Николая Николаевича Селифонтова (1835-1900). Это произведение появилось в дворянском доме после смерти его в 1901 году. Согласно некрологу П.И.Илинского портрет был помещен в музей древностей при костромской губернской ученой архивной комиссии, многолетним председателем которой был покойный. Это помещение находилось в нижнем этаже дворянского дома, где нашла приют и сама комиссия.

В год трехсотлетия Дома Романовых портрет был перемещен в здание нового Романовского музея, где во время приезда в Кострому его видел Государь Император и отметил чрезвычайное сходство с покойным. После революции портрет сенатора Н.Н.Селифонтова разделил судьбу многих произведений: был погребен в глубину музейного хранилища, потерял свое имя и стал «неизвестным сановником».

Справедливость удалось восстановить семь лет назад в год столетия костромской архивной комиссии и столетия ее председателя.

Работа по реконструкции портретной галереи Костромского дворянского собрания далеко не завершена. Говорить о необходимости продолжать ее излишне, так как значимость ее очевидна.

Елена Сапрыгина.

ИМЕЕМ СООБЩИТЬ



Не менее торжественным, чем в 1839 году, было открытие Дворянского собрания во время историко-культурного фестиваля «Вехи» в 1993 г. Правда, на Пушкинский бал, как когда-то, уже не подвозили экипажи бело-воздушных дам. Костромских дворян, помнящих о своем происхождении, осталось мало. Зато московское дворянство, гостившее у нас в эти дни, было приятно поражено традициями, которые возродил заново отреставрированный художественным музеем Дворянский дом. Прежде всего здесь восстановлена портретная галерея выдающихся деятелей края, писателей, ученых, почетных граждан города, меценатов, чьими стараниями создавались в Костромской губернии первые учебные заведения. На III этаже выставлены портреты крепостного художника Григория Островского из Солигалича, а также другие собрания дворянских портретов из фондов музеев Костромы, Солигалича, Чухломы, Галича, Судиславля.

Но самая парадная и редкая выставка ждет посетителей в Большой Золотой гостиной - это произведения живописи XVIII-XIX вв., в числе которых восемь портретов из собрания Государственного исторического музея. Три месяца будут они гостить в Костроме, что стоило 250 тыс.рублей. Впервые на этой выставке с названием «Представители царственного дома Романовых» можно увидеть редкие полотна кисти неизвестных художников: портрет Елизаветы Петровны, Анны Иоанновны, Павла I - копия портрета работы Ж.Л.Вуаля.

Но самым великолепным подарком «Вех» костромичам стал концертный Белый зал с хорами, где нам с вами еще повезет послушать лучшие голоса России и Костромы.



*Тут правда царствует другая,
Тут умолкает шум и гам.
И тут слова не помогают,
Они мешают только нам.*

*Но даже то необычайно,
Что нам почувствовать дано:
Сия великая есть тайна,
Как было сказано давно.*

Валентин Сидоров

Автопортрет с семьей. Фото М.Ф.Риттера. Начало XX века.

ЖУРНАЛЬНЫЙ



Журнал «Известия Костромского губернского земства» начал выходить в Костроме с января 1912 года. Ежемесячно его подписчики, заплатившие в агрономический отдел земской управы 1 руб. 20 коп., могли узнать много полезной и интересной информации из области сельского хозяйства губернии начала века. Кроме вопросов, отражающих земскую жизнь губернии, на страницах этого журнала читатель мог найти практические советы, как научиться хозяйствовать на земле, как воспитывать домашних животных, разводить сады, перерабатывать и хранить сельскохозяйственные продукты. В современности опыта прежних земледельцев может убедиться и наш читатель, познакомившись с этой подборкой из выпусков журнала за 1913 год.

АРХИВ

СЪЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛЬНЯНОГО ДЕЛА

Во второй половине марта 1913 г. созывается в Москве второй Всероссийский съезд представителей льняного дела, в программу которого входят вопросы: по льноводству: организация опытов по культуре льна; курсы и лекции по льноводству; техника льноводства и т.д. По промышленности: новейшие данные по наследованию технических свойств льняного волокна; русское и иностранное льнопрядение; льнообделочные заводы, их устройство и деятельность; очистка льна от костры; новые области применения льна; что дает нам льняное дело и что оно может дать; льняные выставки.

БУДУЩЕЕ ХМЕЛЕВОДСТВА В РОССИИ

У нас производится для целей пивоварения хмеля свыше 250000 п.хмеля, а на заводы необходимо меньше этого количества, причем, часть хмеля для пивоварения привозится из-за границы. Следовательно, уже теперь нашим общественным организациям нужно заняться выписыванием заграничного хмеля из русских пивоваренных заводов и постепенно стараться вывозить свой хмель за границу. Иначе может произойти перепроизводство хмеля и тогда хмелеводству придется уже не расширяться, а сокращаться.

ЖЕНСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

В Елабужском уезде Вятской губернии на Асаповской земской ферме открывается едва ли не первая в России земская женская низшая сельскохозяйственная школа. В школе будет практически преподаваться сельскохозяйственное домоводство, скотоводство, молочное хозяйство, огородничество, садоводство. Курс обучения трехлетний. В первый класс принимаются девочки в возрасте с 14 лет, прошедшие курс двухклассных начальных училищ.

Деятельность Шунгенского показательного огорода

ОПЫТ БОРЬБЫ С ВРЕДИТЕЛЯМИ ОГОРОДА

В борьбе с жучком испробованы следующие средства: керосиновая эмульсия, джипсин, заменяющий собой парижскую зелень и табачный

экстракт. Лучшие результаты дал табачный экстракт. Работы по опрыскиванию экстрактом производились следующим образом: на ведро воды вливалось полфунта приготовленного завода экстракта, взбалтывалось и затем, по большей части во второй половине дня, производилось самое опрыскивание. К вечеру того

же дня часть жучков лежала на листьях уже мертвыми.

Пыль на Костромской фабрике у Чумакова сейчас полными возами сжигается. В случае применения, целые сотни пудов можно будет получить по самой недорогой цене.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЗРАСТА У ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ

Продолжительность жизни лошади считается, в среднем, равной 25-30, а период роста ее - 5 годам. Отдельные экземпляры достигают весьма глубокой старости: в истории известны случаи, когда лошади жили по 60-75 лет (напр., лошадь Фердинанда I-го). Даже у нас в России, где, в общем, эксплуатация сил лошади ведется мало целесообразно, можно встретить 40-летних лошадей.

Крупный рогатый скот живет в общем 20-30 лет, причем период роста у него продолжается около 4-5 лет. Отдельные экземпляры достигают возраста 40 и более лет.

Овца и коза живут в общем лет 15-20 и даже 25, хотя следует заметить, что среди этих животных редко попадаются экземпляры старше 10-летнего возраста. Период роста у овец и коз приблизительно равняется 3,5-4 годам. Отдельные экземпляры живут по 30 и более лет.

Продолжительность жизни свиньи - 20 лет. Отдельные экземпляры живут до 30 лет. Растут свиньи 1,5-2 года и даже более.

Собаки в общем живут до 20 лет, кошки - до 15 лет. Период роста у первых оканчивается обыкновенно к 2 годам, а у кошек в 1,5 года. В литературе упоминается о собаках, павших в возрасте около 30 лет, и о кошках, умерших в возрасте более 20 лет. Нам также в России приходилось видеть собак в возрасте более, чем 20 лет.

Верблюды живут лет 50-60. Рост у них прекращается в 8 лет. Отдельные экземпляры живут до 100 лет.

Продолжительность жизни у домашних птиц: куры доживают лет до 12-15, гуси - до 30 и более лет, голуби - до 20 лет.

Кролики живут до 7-8 лет. Период роста у них равен 1 году.

ПЕРВАЯ ВЕСЕННЯЯ РЕВИЗИЯ

Квадратный дюйм пчелиного сота содержит с обеих сторон 48 ячеек. Зная это, определяется сила семьи согласно величины рамки того улья, в каком находятся пчелы; допустим, что рамка состоит из 187 кв.7 дюймов пчелиных построек, это составит 8976 ячеек в каждой рамке.

Для согревания детвы нужна температура улья в 27 гр. по Реомюру. Чтобы держалась такая теплота улья при всяком колебании температуры весеннего воздуха, необходимо, чтобы на каждой рамке упомянутого выше размера, сидело пчел не менее одного фунта или 5000 штук.

Для того, чтобы правильно определить силу семьи, записывается число дня и месяца производимой ревизии, а чтобы знать усилится ли данная семья к началу главного взятка, нужно знать, когда он начинается, для чего берутся к сведению прошедшие года, а так как взятки начинаются ежегодно неравномерно, берется среднее число.

Предположим, что ревизия производилась 10-го апреля, а начало главного взятка предполагается 13-го июня. Из этого видно, что до начала главного взятка со дня первой ревизии успеет выплодиться три поколения молодых пчел, числом до 80784 штук, почему, казалось бы, к началу главного взятка рабочая армия улья будет довольно многочисленной; но такое понимание будет неверно, в данном случае придется принять в расчет следующее: во-первых, только что выплодившиеся пчелы, в силу законов природы, вылетают за взятком не ранее двух недель со дня своего рождения, во-вторых, естественными факторами доказано, что в рабочее время, весной и летом, пчелы живут не более 7-6 недель, из чего видно, что первое поколение выплода пчел после первой ревизии до главного взятка не доживет, а равно и все перезимовавшие пчелы успеют растеряться. Последнее, т.е. третье поколение выплода пчел, на основании выше сказанного, к началу главного взятка тоже еще не будет готово, почему рабочую

силу улья составят пчелы только второго выплода, армия которых и будет состоять из 26928 работниц.

СОХРАНЕНИЕ ЯИЦ ВПРОК

В хозяйстве имеет громадное значение сохранять к зиме яйца, потому что цена на них поднимается чуть ли не вдвое, да и рынок часто в зимнее время поставляет товар недоброкачественный. Практика показала, что яйца, снесенные весной, и потом могут быть сохранены в продолжение года, почти без ущерба. Лучший способ и доступный для всех - это смазывание вазелином. Берется суконная тряпка, погружается в вазелин и наводится на все яйцо тонкий слой вазелина. Затем дают время вазелину втираться в поры яичной скорлупы и складывают в сухую мягкую полову, соломенную резку или сухое зерно и ставят в прохладное место. Слой вазелина предохраняет яйцо от высыхания, преграждает доступ в яйцо внешнего воздуха и всякого рода бактерий.

ГОРЧИЦА ДЛЯ КУР

Мало кому известно, что столовая горчица может служить прекрасной приправой к корму кур. Прибавляемая ежедневно к мягкому корму, в количестве одной чайной ложки на 8-10 штук кур, она очень хорошо влияет не только на общее состояние птицы, но и на ее носкость.

О ВОСПИТАНИИ ТЕЛЯТ

У крестьян, лишь только родится теленок, ему дают молока вдоволь, т.е. теленок пьет до тех пор, пока не отойдет сам. От этого телята часто гибнут, у них появляется понос, и теленок сначала худеет, потом у него пропадает аппетит, он ничего не ест и погибает от истощения. Поэтому, лучше не давать много молока сначала, а лучше всего давать молока больше, когда теленок уже окреп (доводя до 20-25 ф. в сутки к 2-месячному возрасту).

ВОСПОМИНАНИЯ КОСТРОМИЧА

Находясь в железнодорожном тупике, город Кострома был тих и малолюдн, каждое новое лицо обращало на себя внимание. Однажды в жаркий июньский день компания купечества обедала на террасе гостиницы «Кострома», что рядом с присутственными местами за церковью Воскресения на Площадке. Обедавшие, среди которых был солигаличский купец, солигаличский же церковный староста Николай Николаевич Собенников, усмотрели идущую по тротуару незнакомую даму и заспорили на десять рублей, естественный или искусственный у нее бюст. Решили доверить расследование Собенникову, который бросился за ней и, увидя, что она вошла в Большую Московскую гостиницу на Павловской улице, обратился за разъяснениями (за известную мзду) к швейцару. Получив от него сообщение, что дама «подходящая», Собенников, постучав в номер, обратился к даме с просьбой разрешить спор относительно ее бюста, сказав, что он спорил на десять рублей за то, что бюст у нее натуральный и, если это так, то он выигрыш готов отдать ей. Она сказала, что безусловно все в натуре, но Собенников попросил, нельзя ли удостовериться, после чего она вынула одну грудь довольно большого размера, и он, дотронувшись для большей верности двумя пальцами, вручил ей с благодарностью десятку и помчался обратно на террасу получать выигрыш. В результате в выигрыше оказался ресторатор, так как компания гуляла до самой ночи. В те годы простота нравов была большая, да и скука тоже, так что такое происшествие никого не удивило.



В Гостином ряду напротив присутственных мест был часовой магазин Азерского. На крыше

Окончание. Начало в №1/92

этого магазина была большая вывеска «Магазин Женева». Большинство жителей считали, что магазин принадлежит владельцу по фамилии Женев. Недалеко от этого магазина была торговля готовым платьем третьего сорта, главным образом из лодзинского материала. Принадлежала она Морковникову и именовалась неведомым для костромичей словом «Конфекция». Магазин был оборудован следующим образом: окна завешены готовым платьем, так, что в магазине царил полумрак, а при наступлении темноты зажигалась лампа с каким-то особым голубым стеклом; лампа была керосиновая, свету давала мало, и полумрак не давал возможности рассмотреть дефекты и окраску материала. Для оживления оборота против магазина на галерее прохаживался юркий еврейчик, у которого на руках была пара брюк. Увидя зазевавшегося крестьянина, он хватал его за руку и волок в магазин. Если клиент не отбивался, то как только он попадал в «конфекцию», на него набрасывались со всех сторон два или три приказчика, совавшие го-

товое платье прямо в лицо. Торговались до седьмого пота, а в случае, если покупатель уходил, то за ним мчались на улицу и тащили за полы обратно в «конфекцию».



Костромской купец Клеченов торговал мануфактурой в Гостином дворе. Это была самая крупная торговля мануфактурой в городе. Примерно в 1908-1909 годах он крупно пожертвовал на какой-то приют, за что получил орден, по праздникам надевал его на шею. После его смерти два сына никак не могли поделить отцовское наследство и, к удовольствию публики, начали печатать в местных газетах большие письма, обливая друг друга помоями. В конце концов местные адвокаты оказали помощь и кое-как улагодворили обоих наследников. Но торговля захирела, и вскоре магазин перестал существовать. Открылся другой мануфактурный магазин — Кириллова, но значительно меньшего размера. Братья



Здание конторы Табачной фабрики Чумаковых. Фото В.Н.Кларка. 1908 г.

же Клеченовы вскоре скрылись с костромского горизонта.



Дмитрий Иванович Михин, сын фабриканта, получив в наследство капитал, сам не торговал. Чтобы не скучать, а не от нужды, был агентом страхового общества. Построил дом на Мшанской улице, где и жил с женой. Детей не было. Любил компанию, любил покутить, иногда выкидывал разные «коленца». Так, однажды летом он нанял извозчика и велел ему ехать на бульвар по главной аллее, где в тот момент было много гуляющих и играл военный оркестр. Так как извозчик ехать боялся, Михин вырвал у него вожжи и сам правил лошадей. Так он доехал до середины бульвара, где был ресторан. Публика была возмущена, и поэтому тут же был составлен соответствующий протокол и Михину пришлось заплатить. В другой раз, проезжая из Москвы в Кострому, он на перроне Ярославского вокзала вел себя так громко, что к нему подошел околоточный и сделал ему замечание. Михин в ответ на это сказал: «Да знаете ли, милостивый государь, что я племянник Таврического губернатора, и это вам даром не пройдет». Сие так подействовало на околоточного, что он побледнел, вытянулся перед Михиным и стал униженно просить: «Ваше превосходительство, не губите, по недомыслию умствования» и т.д. Михин милостиво сказал: «Ну так и быть, я человек не злой». Затем Михин сел в вагон, но незадолго до отхода поезда на перроне появился какой-то михинский знакомый и крикнул: «Куда едешь, Дмитрий?» — и все запанибрата. В результате Михина этот околоточный привлек к ответственности, и ему пришлось просидеть в кутузке две недели. После этого за ним сохранилось прозвание «племянник таврического губернатора».



Буйский купец Василий Кузьмич Галанин имел лет шестьдесят с гаком, но был крепок, видом напоминал Льва Толстого, с такой же густой шевелюрой. У него было несколько взрослых женатых сыновей, красивых и здоровых

молодцов. А говорили, что у Галанина было этак около трехсот тысяч капитала, хотя и ходил он в сильно поношенной поддевке и старом картузе. Против Буя Кострома была столица, и когда Галанин приезжал, то начинал кутить с женским полом легкого поведения, до которого он был большой «аморант». Однажды во время очередного кутежа с обильными возлияниями две девицы незаметно выудили у него из кармана две тысячи рублей. Так как оказались они очень болтливыми, полиция об этом узнала, хотя Галанин никому ничего о пропаже не говорил. Полиция этих девиц прижала и деньги отобрала. Когда же явились с деньгами к Галанину, он объявил, что у него ничего не пропадало, никаких девиц он не знает. Как ни доказывали ему, он так и не взял денег, не желая фигурировать на суде, чтоб купечество не знало, — иначе подорвется кредит. Полиция вынуждена была вернуть деньги «владельцам».



На берегу Волги чуть выше сора стояла пристань Товаропассажирского пароходства Набатова, небольшие одноэтажные пароходы которого ходили по Костромке до Буя. Летом, когда река мелела, приходилось высаживать пассажиров на берег для уменьшения осадки парохода, пока пароход не пройдет мелкие места, после чего снова грузились и ехали до следующей мели. После 1905 года Набатов организовал местное сообщение до села Красного с остановками по всем населенным и дачным местам. На этой линии ходили небольшие винтовые пароходы, некоторые с двигателями внутреннего сгорания.



На Молочной горе, которую некоторые костромичи именовали «Молосной», с левой стороны глядя на Волгу, была чайная обществу трезвости, в которой подавались дешевые обеды, а прислуживали женщины в белых колпаках, почему эта столовая именовалась Колпаки. Обычно здесь же устраивались бесплатные поминальные обеды для бедных, о чем

заранее делалась публикация в местных газетах.



Ни в одном из волжских городов не было так много женщин, полоскавших белье в реке, как в Костроме. Для этой цели городская управа соорудила у Молочной горы недалеко от перевоза специальный плот. Труд этот был тяжелый, в особенности зимой, когда руками полоскали на морозе и ветру в ледяной воде. Белье приносилось прачками обычно в двух корзинах на коромыслах.



В Костромской губернии в старых дворянских имениях, да и в самом городе было очень много старинной мебели, картин, фарфора, бронзы и тому подобного. В начале XX века в городе появился некий Уквасов-Шляндин, открывший на Русиной улице рядом с Общественным собранием антикварный магазин по покупке и продаже старины. Просуществовал он несколько лет, выкачав очень много старины. В конце концов Уквасову-Шляндину пришлось быстренько покинуть Кострому, так как он был уличен в подделке старинной мебели. Открылось это благодаря тому, что он не поладил с артелью мастеров, изготовлявших эту «старину», так как он пытался их обсчитывать. Были еще и антиквары, имевшие небольшие лавочки внутри Гостиного двора, Китаев и Лапин, но это были антиквары мелкого масштаба, зачастую не понимавшие в старине, благодаря чему знатоки случайно приобретали хорошие вещи за низкую цену.



Жена председателя Окружного суда Чемодурова и жена костромского губернатора Князева (в Костроме он был года три, в 1899-1902 годах, а затем сделался Иркутским генерал-губернатором) — обе дамы были весьма высокопоставленные, получили воспитание в привилегированных институтах. Очень быстро сошлись характерами и долго друг без друга не могли обойтись. Это продол-

жалось до тех пор, пока у них не зашел разговор, чей род древнее. Ни одна из дам не желала уступить в столь важном в дореволюционное время вопросе. Отстаивая каждая древность своего рода, они окончательно рассорились и, если бывали друг у друга, то только в пределах требуемых провинциальным служебным этикетом.

Должность костромского воинского начальника долгое время занимал полковник Токмачев. В молодости он служил в гвардии, благодаря чему мог сделать блестящую карьеру. Однако, женившись на женщине незнатного происхождения, не то на мешчанке, а может быть, и просто прислуге, он вынужден был из гвардии уйти. Жена его не скрывала, как это бывало в те времена, своего «низкого» происхождения и, не будучи образованной, погибала такие словечки и обороты речи, от которых чиновные дамы передергивались, но на полковницу это не производило ни малейшего впечатления. По выслуге лет Токмачева произвели в генералы, а его Устинья Федоровна сделалась, к большой зависти местных чиновниц, «енеральшей». Дама она была энергичная и хозяйственная. Надев новые брюки с лампасами т.е. генеральские, Токмачев, будучи на пикнике и прыгая через костер, эти новые брюки прожег. «Енеральша» после этого заперла их в сундук и не выдавала новому генералу две недели, заставив его ходить в старых, полковничьих.

Все встречавшие обязательно спрашивали: «Куда же девались, Ваше превосходительство, лампасы?» На что бедный генерал безнадежно махал рукой говоря: «А ну их к черту, этих баб!».

Арестантские роты были расположены на Верхней набережной на углу Спасской улицы. Ежедневно человек 50 и зимой, и летом запрягались в сани или телегу, на которой была помещена большая кадка для воды, и под конвоем они тащились в гору за водой к водоразборной башне, которая помещалась на углу Царевской и Спасской улиц. Труд арестантов считался дешевым и поэтому начальство предпочитало не использовать для перевозки лошадей. Водопровод же в это учреждение был проложен только в 1912 году, после чего надобность в перевозке воды отпала.

В Костроме и ее губернии было распространено сторообрядчество и, «чем дальше в лес», тем больше было всевозможных толков со всякими «богородицами», начетчиками и тому подобными пророчками. Были всевозможные прыгуны, вертуны, хлысты, скопцы. Обычно каждая такая немногочисленная группа была хорошо законспирирована, так что бороться с изуверствами было затруднительно, а были у них разные обряды, носившие уголовный

характер. Один из них был — Красная смерть. По воззрениям этой группы, в царство небесное мог попасть только тот, кто умрет при помощи Красной смерти, а не естественным способом. Поэтому когда кто-либо из них заболел и старцы решали, что дело не пойдёт на выздоровление (а к докторам обращаться считали они за смертный грех), то они и родственники являлись к постели больного, зажигали свечи и производили нечто вроде отпевания, причем болящий был еще в полном сознании. Пропев положенные молитвы, к постели больного приближалась старая (обязательно старая) девка и, наложив на голову подушку в красной наволочке, садилась на нее, удушая больного под пение церковных молитв. Похороны делались без большого шума, дабы не привлечь внимания полиции. Впрочем, таковая обычно в такие дела не вмешивалась, так как изуверы, будучи достаточно зажиточными, умели уболаговорить нужных людей, а сами они были столь конспиративны, что обнаруживались их деяния чрезвычайно редко.

Для укрепления Православия войска, расположенные в городе, должны были принимать участие в церковных «мероприятиях». Так после архиерейской службы, обедни и благодарственного молебна в царские дни устраивался обязательный парад войскам около собора. Кроме того, при встрече иконы Николая Чудотворца из Бабаек вдоль улицы выстраивались войска, а после прохождения мимо них крестного хода замыкали шествие. На Пасхе во время крестного хода участвовал военный оркестр, игравший какой-либо марш. В зимнее время, несмотря на морозы, солдатам приходилось стоять на снегу, ожидая окончания богослужения. Начальство, т.е. офицеры, имели возможность отогреться по очереди в соборе, солдаты же мерзли на морозе. Особенно тяжело приходилось солдатам при шествии на Иордань, т.е. шестого января; обычно в лютые морозы солдаты шли за медленнодвигающимся крестным ходом от собора через Молочную гору до Волги, где заранее вырубалась прорубь (или,



Вид на Богоявленский монастырь. Фото М.Ф.Риттера. 1910-е годы.



Воскресенская площадь. Фото М.Ф.Риттера. 1910-е годы.

как говорили, «пролубь») и совершалось водосвятие.



Вдовица маленького чиновника Росницкого была старушка весьма подвижная и любознательная, имела широкий круг знакомств среди костромских кумушек. Не допускала мысли, чтобы свадьбы или похороны обошлись без ее присутствия. В салопе древнего фасона и при черном чепце, украшенном стеклярусом, она энергично проталкивалась в церкви вплотную к венчающимся и внимательно смотрела кто встанет первым на атласную дорожку, считала своей обязанностью пощупать платье невесты для определения качества и цены материала, на похоронах она мчалась к самому гробу и рассказывала потом своим приятельницам и единомышленницам, что «покойник был как живой», что покров был купленный, а не взятый в церкви и так далее.

У нее был единственный сын, Владимир Васильевич, лет около сорока. Будучи человеком болезненным, вероятно, из-за почек, он был одутловат и постоянно обливался потом, за что был прозван Володей Пареным. Мамаша долго старалась найти ему подходящую невесту, но сватовство как-то не получалось. В конце концов его женила на засидевшейся девице. Когда его знакомые встречали и спрашивали: «Вы, говорят, Владимир Васильевич, женились, на ком же?» — он неизменно отвечивал: «А знае-

те, у нее двухэтажный на каменном фундаменте, с антресолями дом рядом с Духовной Консисторией». На Волге ниже собора, у самой беседки в 1913 году появился плавучий ресторанчик, который, впрочем, скоро прогорел, так как костромичи предпочитали пользоваться рестораном на бульваре и при гостинице «Кострома». Плавучий ресторан помещался на барже; сохранился снимок, из которого можно извлечь сведения о ценах. На вывеске было написано: «Обеды с одного часу дня до семи вечера — 50 копеек, ужины с семи часов до двух часов ночи — 75 копеек».



Волжские речники строго блюли заветы и обычаи, установленные предками. Ни один пароход или баржа не начинали навигацию в день недели, на который в этом году приходился день Благовещения. Несмотря на самые благоприятные условия в этот день, суда стояли у берега. Но если они отплывали накануне или раньше, то движение шло обычным порядком.



Сонное захолустье оживлялось в праздники Рождества и Пасхи. Всевозможные экипажи зачастую очень старинные, перевозили духовенство, объезжавшее своих прихожан со славой. Обычно батюшка сидел с дьяконом, а сторож или псаломщик

присаживался с кучером или извозчиком. По установившемуся обычаю, много народу обычно в 12 часов съезжалось для взаимных поздравлений в помещении городской думы, где в большой зале бывали уже накрыты столы с легкой закуской и питьем. Входная плата стоила один рубль. «Обжорная часть» доставлялась обычно рестораном из гостиницы «Кострома», считавшейся лучшей по кулинарии. Обычно присутствовали все гласные думы, представители земства, торговли и промышленности, адвокатура и либерально настроенная часть тогдашнего общества. В небольшом числе присутствовали и представители администрации, для которых устраивался генеральский стол, который возглавлялся городским головой. Все усаживались и довольно быстро оканчивали с закусками, спеша дальше с визитами. Шум и гам быстро стихал.

Совсем другой характер носил съезд для взаимных поздравлений в Дворянском собрании, куда съезжалось все служилое и чиновное сословие. В отличие от городской думы, где были только мужчины, в Дворянском собрании были и жены местного высшего губернского чиновничества, которые рассаживались в кресла вдоль стен зала и, ожидая, когда к ним подойдут с поздравлениями, зорко наблюдали, к кому первому подходит тот или иной поздравитель. Здесь было тихо, чопорно и скучно, никаких закусок и угощений не было. Большинство из мужчин приезжали в мундирах в полной парадной форме. За вход взимался также один рубль. За покрытием расходов все, что оставалось, отчислялось в пользу Общества Спасения на водах, в подтверждение чего у входа стоял спасатель — штатный служащий в форме матроса, держащий в руках кружку для пожертвований, изготовленную в виде лодки. Обычно туда никто ничего не опускал, считая, что уже поддержал Общество, заплатив за вход. Среди служилого элемента считалось, что быв там и поздравив знакомых, этим освобождаешься от необходимости расходоваться, устраивая у себя на дому праздничный прием.



КОСТРОМСКИЕ ДВОРНИКИ

О начале их утренней деятельности сонных горожан извещали привычные звуки: летом - старательно шаркали метлы, зимой - скрежетали лопаты, стучали ломы. Дворницкая братия в городе разделялась по служебной принадлежности: управские метельщики, мусорщики (от городской управы), ведомственные дворники (при государственных учреждениях: присутствиях, управах, учебных заведениях и т.д.), дворники, уборщики (при заведениях торговых и промышленных), дворники обывательские (при частных владениях).

По внешнему виду, казалось, дворники исполняют в равной мере одинаковую работу, однако же труд их различался весьма существенно. Он зависел от положения хозяйского дела или ведомства. Улицы имели разную степень обустроенности: в центральных кварталах проезжие части их бы-

ли замощены, тротуары имели твердое покрытие, канавы и протоки отличались добротностью. Отступая к окраинам, улицы стояли немощены, тротуары отделялись от них едва заметными желобками стоков. Между тем, обязательные думские постановления - главный документ по содержанию улиц, этих обстоятельств не учитывал, а требования ко всем уличным участкам предъявлялись одинаковые. Отсюда выходило: служба дворников на главных улицах была много легче, чем в прочих городских частях. Улицы губернского центра состояли вперемежку из участков владельческих, общественных, ведомственных. На всех владельцев в равной степени распространялась натуральная повинность за исправным содержанием квадратных сажень земли собственной (усадебной) и общественной (уличной). Размеры участков

общественной деятельности «около домов, земель» устанавливались так: «...все тротуары, а улицы до середины и до соседней границы содержать в чистоте и исправности». Граница, в особенности при перемене хозяев, часто становилась предметом резких споров, скандалов, оскорблений. Они в конечном счете заканчивались установкой выверенных рубежных знаков, строго разделяющих дворницкие территории владельцев.

Время дворницкому делу городское начальство положило: «рано утром до появления народа, или поздно вечером по прекращении движения». Дворники, имея свой взгляд на занятия, кроме времени установленного, мели «...улицы среди беладня, пуская клубы пыли в глаза публики». Главными вызывателями «ненормальных явлений» числились управские метельщики, арестанты-подметальщики,



Метельщики Городской Управы на Сусанинской площади. Фото М.Ф.Риттера, 1915 г.

дворники частных обозов. Город не располагал достаточными средствами для содержания большого штата чернорабочих и поэтому отдавал часть работ по очистке улиц исправительному арестантскому отделению и частным рабочим обозам. Правда, все равно сил этих не хватало, как не хватало и отведенного делу времени.

Артель городских дворников-чернорабочих была самой малочисленной. Количество служащих в ней зависело от сезона. Для примера состояния артели в году воспользуемся цифрами городской управы за 1911 год: январь - 5 чел., февраль - 7 чел., март - 14 чел., апрель - 17 чел., май, июнь, июль - 15 чел., август - 12 чел., сентябрь - 10 чел., октябрь-ноябрь - 6 чел., декабрь - 5 чел. Отсюда видно, что весна для дворницких занятий - самая многотрудная пора. Кроме того, по дворницкому взгляду, она бывала и сезоном справедливости наград. Весеннее солнце вытаивало из снежных сугробов и ледяных завалов дары - зимние обывательские потери. Возможность совершать находки - это была одна из отрадных сторон грязного, незавидного существования, за малоденежное вознаграждение. Вообще в году самым благодарным временем для находок считались вечера после ярмарочных событий, больших городских праздников и утра следующего дня. В такие часы метлы рабочих действовали тщательнее обычного, и случалось, выгребали из укромных мест самые неожиданные предметы: деньги, деловые бумаги разнообразного свойства, документы, всякие карманные предметы. Отношение к денежным находкам дворники имели спокойное. Документы и бумаги зачислялись в высший разряд находок. Награда в таких случаях могла быть самой неожиданной - она определялась степенью важности для потерявшего. Управские и ведомственные очистители передавали их начальству и ожидали награды. Случалось, что за благородный поступок не выходило ничего, но зато возрастала добродетельная репутация служащего. Если владелец не объявлялся - находку возвращали нашедшему.

Круг обязанностей дворницкого общества определялся обязательными по-

становлениями, составленными городской думой: «...в зимнее время снег с тротуаров сгребать и сметать, накопившиеся же кучи свозить, а образовавшиеся от снега на тротуарах возвышения скалывать и, чтобы не было скользкости, посыпать песком; во время оттепели снег с кровель счищать и отвозить или раскидывать, не оставляя на местах в кучах и не допуская, чтобы снег сам валился с кровель, в летнее время тротуары и мощеные улицы непременно каждую неделю раз, или по мере надобности, мести и накопившуюся на мостовой землю убирать». Тут же в документе содержались требования к правильному содержанию усадебных дворов.

Ищу дворника.

Марьянская ул., д. № 10, кв. 3
без рекомендаций не являться.

Сбором мусорных куч и свозкой их с обывательских участков занимались частные рабочие обозы. Городские владения обслуживались управскими и арестантскими обозами. Сухую «сметку с улиц», строительные отходы, вообще «безвредный мусор» на загородные свалки не вывозили. Для него подыскивали в городской черте овраги, ямы, промоины вблизи рек. Свалочные земельные участки по заполнению отдавались с торгов под застройку. Назначая новые места свалки, городская управа непременно оповещала жителей через газеты. Таким же способом в весеннее время она приглашала обывателей, имеющих сады и огороды, «...воспользоваться назьемом для удобрения полей», который сгребался заранее в кучи перед городскими владениями.

Дворники, состоящие в городской службе, трудились усердно, зарабатывали репутацию исполнительных, трезвых, хорошего поведения работников, ожидая случая перебраться к хозяину-обывателю. Заполучить хорошее место в частной усадьбе, у доброго барина, с квартирой, столом и немалым жалованием - вождельная мечта всех управских подметальщиков. Такое место, и даже более скромное, без отличной рекомендации не получить. Справная казенная бумага могла быть рекомендательным видом в новую жизнь. В благополучную усадьбу брали дворников семей-

ных, трезвых, честных, работающих. По прошествии испытательного срока, назначаемого хозяином, новому работнику разрешалось взять в дом семью. Кроме прямых дворницких обязанностей им приходилось исполнять всякую хозяйственную работу, быть зрителями и сторожами, встречать въезжающие и провожать экипажи на выезде, подменять кучеров, истопников и еще много всякого другого. Во время пригляда за улицами больше всего хлопот им доставляли проезжие транспортные лошадки, которые имели обыкновение оставлять после себя известного вещества кучи. Неуборка их по недогаду вызвала неудовольствие полицейских чинов, надзирающих за состоянием улиц. Они с дворниками водили профессиональную службу, и в полицейских книгах значились все, составляя верный штат общественных осведомителей. О поведении дворников было записано в обязательных постановлениях: «...не позволять им располагаться на скамейках или спать у ворот и внахальство (наказ хозяевам - А.А.), чтобы они обращали внимание на всех проходящих и выходящих из домов для предупреждения воровства и других преступлений, в особенности в летнее время».

Не все домовладельцы имели возможность содержать дворников. Некоторые жители сами управлялись с их делом, другие принимали дворников «на сезон», третьи пользовались услугами проходящих очистителей. Приходящих дворников брали больше по зимам. Жители дальних кварталов следили за уличными участками неохотно, предпочитая по несколько раз в году платить штрафы, нежели заниматься к делу лицо. При этом они все равно оставались «в барыше». В 1913 году месячное содержание дворника обходилось обывателям в семь-восемь рублей, «не считая харчей», а полицейские штрафы за неуборку были - от трех до пяти рублей. Больше одного штрафа в месяц не спрашивали. Иные хозяева вообще обходились без дворника, тратя небольшие суммы на водочные и денежные угощения придирчивым стражам порядка.

Андрей Анохин.



Сергей

Калинин и



Ивановых стало больше.





Не рыжий я, а золотой.

его герои



Сынок!



Ждали хлебушка.



Открыватели новой земли.



АЛЕКСАНДР ДЮМА

БЕРЕГ ПРАВЫЙ И БЕРЕГ ЛЕВЫЙ

Глава из путевых записок "От Парижа до Астрахани" Александра Дюма, совершившего в 1858 году путешествие по России.

Когда мы ехали по крутому и ухабистому спуску, ведущему из Углича к берегу Волги, мы увидели, как на середине реки, в кромешной темноте горят трехцветные фонари корабля, прибывающего из Казани. Он должен был взять на борт наших офицеров и доставить их в Калязин. Мы устроились на нашем судне кто как мог. Одни играли в карты, другие завернулись в плащи и уснули, третьи подобрали бутылки, уцелевшие после дневной битвы, и молча их допивали.

На другой день в пять часов нам предстояло проститься друг с другом. Все проснулись замёрзшие, разбитые от усталости и хмурые.

Насколько весёлой, шумной, взбалмошной была погрузка на судно, настолько безмолвным, печальным, мрачным было расставание.

Трудно было поверить, что накануне те же люди проявляли такую прыть.

Деланж тоже покидал нас. Он увозил с собой мои последние приветствия нашим дорогим друзьям. Бедный Деланж, надо отдать ему должное: он сделал все, что было в его силах, чтобы не разрыдаться; но слезы текли из глаз помимо его воли.

Однако, погрузившись на корабль, наши друзья, офицеры из Калязина, решили послать нам последнее прощальное напутствие. Когда пароход отходил от пристани, грянули фанфары.

Но музыканты были опечалены не меньше офицеров, и в музыке отразилось их настроение.

Наше судно поплыло вниз по Волге, а другое набирало скорость, поднимаясь вверх по течению.

По мере того как мы удалялись в противоположных направлениях, музыка стихала; наконец судно, плывшее в Калязин, исчезло за мысом.

Еще несколько секунд музыка доносилась до нас, постепенно угасая; вскоре мы уже слышали только самые громкие инструменты, потом и они смолкли, и за дуновением бриза можно было различить нечто похожее на гармонические стоны, на вздохи ветра, наконец исчезли и стоны и вздохи, как и остальное, и на этом все кончилось.

На борту судна не было дам, и капитан, который, подобно угличским монахам, был недалек от того, чтобы принять меня за английского посланника, позволил мне занять дамскую каюту.

В середине дня мы сделали пятнадцатиминутную остановку в Мологе; потом поднялись на тридцать вёрст к северу и достигли наиболее близкой к полюсу излучины Волги.

Далее добрались до Романова, где делают самые добротные тулупы, благодаря романовским овцам, привезенным когда-то для царя Петра, который, не будучи, впрочем, агнцем, позволил дать им свою фамилию.

Судья в Романове был французом, его звали граф Люксембург де Линь.

Ночевали мы в Сомино.

Я не знаю зрелища более печального и однообразного, чем

Волга, все так же текущая в русле шириной пятанадцать футов, с плоскими и чуть волнистыми берегами. Время от времени попадались унылые селения, где не было ни одного из тех сельских домов, которые придают нашим городкам жизнерадостный облик. Однообразие этого громадного водного потока не скрашивал ни один островок; ни одно судно, ни одна лодка не оживляли речную гладь; это было одиночество под сумрачным гнётом своего законного правителя - тишины.

Муане воспользовался однообразием берегов и показал мне не только очень красивые рисунки, сделанные им в Троице, но также и те, которые он привез из экскурсии в Переславль, где побывал без нас.

Название этого города - Переславль-Залесский - буквально означает: Переславль за лесами. Честь его основания приписывают Юрию Владимировичу, который, потеряв в Малороссии город Переславль-на-Трубеже, пожелал основать другой, похожий во всем на тот, что был им утрачен, у Плещеева озера, и назвал Трубежом небольшую речку, вытекающую из него на юго-востоке.

Именно на этом озере, в котором, как я сказал, водится сельдь, Петр Великий основал в 1691 году первую русскую эскадру; из всех судов, ее составляющих - будучи запертыми в пределах озера, они не приносили особой пользы, - до наших дней дошла лишь небольшая лодка Петра Великого.

Чтобы получить представление о богатстве и могуществе российского духовенства, надо непременно посетить Переславль. В городе с населением всего две тысячи человек находится двадцать пять церквей, одна из них, церковь Преображения, построена в любопытном стиле.

В ней хранятся мощи святого Николая Столпника, в соседстве с веригами, которые он носил при жизни.

Мыплыли мимо Ярославля, где находится один из семи лицеев России, когда пароход остановился, чтобы принять на борт двух дам. Я уже подумал, что лишусь теперь своей каюты, но капитан сказал мне, что эти дамы, узнав, кто я такой, умоляют меня не переселяться и мечтают лишь об одном - разделить эту каюту со мной.

Я поинтересовался, кто эти столь любезные дамы.

Капитан ответил, что это княгиня Анна Долгорукая и ее компаньонка.

Как и все образованные русские женщины, княгиня Долгорукая отлично говорила по-французски.

Именно в Ярославле, где на корабле сели дамы, и был интернирован Бирон, помилованный Павлом I после своего возвращения из Сибири.

Ярославль славится своими хорошенькими женщинами и необыкновенным накалом страстей; за два года пятеро молодых людей, жителей этого города, сошли с ума от любви.

Считается, что в Ярославле - и это не менее интересно для путешественников - лучшая во всей России гостиница, единственная, возможно, где, за вычетом двух столиков, можно найти настоящие постели.

Гостиница называется (по фамилии ее владельца) гостиницей Пастухова. Кажется, он дважды или трижды миллионер; но разбогател Пастухов не на постелях, а на невероятно бойкой торговле железом, что поставило всю Россию в зависимость от этого человека. Монополию он делит с еще одним торговцем, по фамилии Барков. Все железные изделия, продающиеся в Нижнем на ярмарке, принадлежат двум этим богачам.

Княгиня - женщина 30-32 лет - на редкость образованный чело-

век. Как правило, в России - и на первый взгляд это может показаться удивительным - женщины образованнее, грамотнее и лучше говорят по-французски, чем мужчины. Это объясняется тем, что, будучи исключенными из деловой и политической жизни, они располагают большим досугом и, превосходно владея французским языком, читают почти все, что издается во Франции.

Княгиня относилась к разряду именно таких женщин: очень русская, как и все носящие фамилию Долгоруких по рождению или по родству, то есть одну из старейших фамилий России, она была знатоком старой московской истории.

Так, она предупредила нас, что скоро мы прибудем в Кострому, что в Костроме стоянка длится один час и что нам следует воспользоваться этим и осмотреть Ипатьевский монастырь, дом Романова и памятник Сусанину.

Как только судно остановилось, мы спрыгнули в лодку и достигли берега.

Есть в России одно удобство: здесь не требуют от капитанов справок о здоровье, а у пассажиров не спрашивают паспорта. С корабля сходят, а на него вновь поднимаются, посещают города, любуются природой, и никто не спросит, ни кто вы, ни что вы тут делаете.

Мы уселись в дрожки, которые по крутому склону доставили нас на вершину речного обрыва. Поскольку Ипатьевский монастырь был самой отдаленной целью нашей экскурсии, мы начали именно с него.

В России есть монастыри, как в Швейцарии есть горы, как в Финляндии есть озера, как в Италии есть вулканы. Наступает момент, когда и горы, и озера, и вулканы становятся лишь уделом нашего сознания; все их непременно посещают, но никто их больше не описывает.

Пусть читатель успокоится: мы не станем утомлять его описанием всех монастырей, которые нам еще предстоит посетить, включая сюда и Ипатьевский.

Что касается дома Романовых, то это совсем другое дело; история обладает для нас такой притягательной силой, что мы не можем пройти мимо этого исторического места.

Мы видели, как умер юный Дмитрий, мы видели, как умер

Федор, эти два последних принца крови, принадлежащих к дому Рюрика; мы видели, как окончил свои дни Лжедмитрий.

В прекрасном порыве красноречия, на какой способен только он, Мирабо сказал однажды: «Умиравший Кай Грах собрал окровавленную пыль, на которой он лежал, и швырнул эту пыль в небо. Из этой пыли родился Марий. То же произошло и с пушкой, заряженной прахом Лжедмитрия, из которой выстрелили в сторону Польши, чтобы вернуть мертвый прах туда, откуда пришел прах живой».

Из этого праха родились пять или шесть Лжедмитриев и пятнадцать лет гражданской войны и иноземного вторжения.

В эти пятнадцать лет, представляющие собой, так сказать, пропасть, заполненную грязью и кровью, которая отделяет династию Рюриков от династии Романовых, все стремились завладеть российским престолом, десять или двенадцать человек коснулись его, трое или четверо обагрили его кровью.

Но несмотря на то, что эти пятнадцать лет являются позором дворянства, старого и нового, которое позволило полякам взять Москву, а шведам - Новгород, они тем не менее являют нам самую блестящую эпоху в жизни русского духовенства.

Духовенство, единственное сословие в государстве, благодаря своей однородности сопротивлявшееся разного рода тлетворным воздействиям, которым подвергали Россию сменявшие друг друга тираны, так вот, духовенство не только устояло и сохранило силу, оно также среди всеобщего разложения осталось национальным по сути; религиозный дух - это особая атмосфера, которая его выделила и в которой оно существовало, следуя своему долгу и храня веру; только духовенство, оно одно и его герои и мученики, противостояло внутреннему предательству и иноземному вторжению и установило ту великую социальную истину, каковую дух партийности и кастовости никогда не примирит с духом религиозным.

В 1612 году, когда казалось, что Россия в безнадежном положении, вдруг возникли три чело-



жарский - от знати, Романов - от духовенства.

Мы вкратце коснулись услуг, оказанных России двумя первыми, рассказывая о памятнике на Красной площади в Москве.

Что касается третьего, то есть митрополита Романова, дважды попадавшего в плен к полякам и сохранившего преданность отчизне и вере, даже будучи закованным в цепи и ожидая казни, то он является настолько ярким воплощением русского национального духа, что именно вокруг него сплотилось все, что есть русского в России, ведь именно из представителей его рода страна выбирает своих монархов.

И однако монархи эти иноземного происхождения. Согласно преданию, древо Романовых возросло не на российской почве. В 1350 году какой-то пруссак покинул родные края и обосновался на берегах Волги. Один из его сыновей породнился с семьей Шереметьевых, одной из самых знатных в России. Другой был

братом императрицы Анастасии, матери Федора, последнего царя, в жилах которого текла кровь Рюрика. Наконец, будучи единственным в своей семье (преследуемой Борисом Годуновым, кажется, предвидевшим уготованное ему будущее), кто избежал гибели и ссылки, один из Романовых постригся в Архангельске в монахи под именем Филарета и дал рождение тому Михаилу, которого Россия избрала в 1613 году своим царем.

Он находился в Костроме, когда узнал о своем избрании. Семейный дом, где он жил тогда, сохранился и поныне; русские, у которых он пользуется особым почтением, всегда советуют иностранцам на него посмотреть.

Что касается Сусанина (памятник ему стоял третьим пунктом в программе нашей вылазки в Кострому), то этот памятник, помимо всего прочего, является свидетельством признательности русских не только к человеку из народа, но еще и крестьянину.

Взятый поляками в качестве проводника в деревушке Карабанове он, вместо того чтобы вывести армию, доверившуюся ему, на московскую дорогу, что от него и требовалось, пошел по проселкам и завел ее в чащу необъятных русских лесов, где, заблудившись, как в девственных лесах Америки, чужеземец уже не в состоянии выбраться, если только ему не поможет чудо.

Когда они оказались в лесных дебрях, Сусанин признался полякам, что он не просто заблудился, а заблудился преднамеренно, дабы их погубить. Ни угрозы, ни побои уже не могли заставить его вывести неприятельские войска на верную дорогу. Сусанин скончался от побоев, так и не сдвинувшись с места. С последним его вздохом улетучилась и последняя надежда поляков. Тщетно пытались они вновь выйти на тракт; армия, чувствуя, что она и в самом деле находится в безнадежном положении, умерла от голода, погребенная под снегом, а ос-



На волжском пароходе. Фото Н.А.Карякина, 1908 г.

тавшиея в живых разбежались кто куда, спасаясь в одиночку, но никто из леса так и не вышел. Вошедшие в него там и остались, и трупы трех тысяч поляков стали добычей волков. Деревню Карабаново, откуда был родом Сусанин, царь Михаил Романов навсегда освободил от уплаты налогов и сдачи крестьян в рекруты. Сие царское благодеяние, как утверждают злые языки, способствовало тому, что эта деревня превратилась в самую беспутную во всей России.

Памятник Сусанину представляет собой круглую колонну из финского розового гранита, на вершине которой находится бюст молодого великого князя Михаила Романова; барельефы, установленные на пьедестале, повествуют о самоотверженном подвиге крестьянина из Карабанова.

На судно мы возвращались не без страха.

Мы злоупотребляли предоставленным нам всего лишь на три четверти часа увольнением; однако княгиня обещала употребить все свое влияние и умиловить капитана, который, впрочем, полагая, что я крупный политический деятель, не проявлял чрезмерной придирчивости к моей пунктуальности. Добравшись до берега Волги, мы увидели корабль - он покачивался на волнах в том месте, где мы его покинули, - а также княгиню Анну: стоя на палубе в ожидании нашего возвращения, она призывала капитана набраться терпения.

Нет ничего более приятного, чем дорожные знакомства; всего за несколько часов они перерастают в дружеские привязанности, которые длятся день или два и воспоминание о которых, ничем не омраченное, сохраняется в вашей памяти, чистое, словно кусочек лазурного неба.

Моя встреча с этой очаровательной женщиной принадлежит к разряду таких воспоминаний.

Едва мы ступили на палубу, как судно вновь пришло в движение, пытаясь наверстать упущенные три четверти часа.

В первые же дни я заметил, что наш бедный Калино, лучший студент московского университета, имеет поистине университетское образование, иными словами, аб-

солютно не знает истории своей страны. К счастью, рядом всегда находилась княгиня Долгорукая, которая, не получив университетского образования, была, не скажу - настолько уже ученой, но по крайней мере настолько же сведущей, насколько наш студент был невежествен.

С истории разговор перешел на поэзию. Я подумал, что поскольку путешествие не предлагает нам никаких занятных происшествий, никаких исторических эпизодов, пришло время обратиться к национальному самолюбию, выразив пожелание перевести что-нибудь из Лермонтова. Правда, мой томик стихов куда-то подевался.

Но княгиня Долгорукая сразу же вывела меня из затруднительного положения.

- Вы ищете Лермонтова? - спросила она.

- Да, но кажется, я его где-то потерял.

- Пусть вас это не беспокоит. Я знаю Лермонтова наизусть. Скажите, какое стихотворение вам нужно, и я переведу его для вас.

- Лучше вы сами выберите то, которое вам больше всего нравится, княгиня. Я не так хорошо знаю вашего поэта, чтобы самостоятельно сделать выбор.

- Что ж, я переведу для вас одну пьесу, которая даст вам общее представление о его манере.

Княгиня взяла в руки перо и с удивительной легкостью, будто писала под диктовку, перевела одно из самых замечательных стихотворений Лермонтова.

Эта пьеса, называемая «Дары Терека», произведение сугубо местное. Мы говорили, что у каждого народа есть своя национальная река; Терек - река черкесов и линейных казаков; линейными называют тех казаков, которые несут службу вдоль всего Кавказа.

ДАРЫ ТЕРЕКА

*Терек воеет, дик и злобен,
Меж утёсистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят (...)*

Очевидно, это стихотворение для нас довольно странно и непонятно; у него диковатый привкус, чуждый для наших городов; оно поразило жителей России и имело у них большой успех.

На перевод я потратил часть ночи. Княгиня переводила стихи

на французский язык, а я малопомалу облакал ее перевод в стихотворную форму.

Утром следующего дня княгиня должна была нас покинуть.

Корабли на Волге не плавают по ночам, исключение делается для весенних паводков; Волга - река неглубокая, поэтому капитаны боятся сесть на мель.

Мы остановились, чтобы провести ночь в Плесе.

На другой день утром судно остановилось между Плесом и Решмой. Пришло время прощаться. Княгиня отправлялась в одно из своих имений неподалёку от Волги, где собиралась провести несколько дней.

Я первым спустился в лодку, чтобы помочь княгине сойти, и хотя мостик был довольно шатким, обошлось без происшествий. Однако её пожилой компаньонке не повезло; она поскользнулась и упала в реку.

Но княгиня вполне по-мужски схватила компаньонку за руку и удерживала ее на плаву, в то время как я придерживал княгиню, не давая ей вывалиться за борт. Совместными усилиями нам удалось вытащить несчастную женщину; увы, она промокла до нитки.

Да и в какой воде ей пришлось побывать - почти в ледяной!

Согреть ее можно было только на берегу, поэтому мое прощание с княгиней оказалось коротким.

Наше судно продолжило плавание, а лодка полным ходом на веслах достигла берега Волги; мы увидели, как из нее вышла княгиня и помахала нам носовым платком, это было ее последнее прости.

Рассеялась еще одна милая реальность, оставив в душе лишь легкое облачко, которое зовется воспоминанием...

РОССИЙСКАЯ ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

ТАБЛИЦА СООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КЛАССОМ ЧИНА И СТАРШИНСТВОМ ОРДЕНОВ

Класс	Чины военные (армейские и флотские)	Чины гражданские	Ордена	
I	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	Государственный канцлер. Действительный тайный советник I класса	Св. Андрея Первозванного Св. Владимира 1 ст.
II	Генерал-аншеф (до 1796 г.) Генерал от инфантерии, кавалерии, артиллерии; Инженер-генерал	Адмирал	Действительный тайный советник	Св. Александра Невского с бриллиантами Св. Александра Невского Белого Орла
III	Генерал-лейтенант (с 1730 до конца XVIII в. генерал-поручик)	Вице-адмирал	Тайный советник	Св. Владимира 2 ст. Св. Анны 1 ст. Св. Станислава 1 ст.
IV	Генерал-майор	Контр-адмирал	Действительный статский советник	Св. Владимира 3 ст.
V	Бригадир (до 1799 г.)	Капитан-командор (до 1799 г.)	Статский советник	
VI	Полковник	Капитан 1-го ранга	Коллежский советник	
VII	Подполковник, войсковой старшина (в казачьих войсках с 1884 г.)	Капитан 2-го ранга	Надворный советник	Св. Владимира 4 ст.
VIII	Майор; премьер- и секунд-войсковой старшина (в казачьих войсках до 1884 г.) В 1884 г. чин майора отменен. С 1884 г. капитан, ротмистр (в кавалерии), есаул (в казачьих войсках)	Капитан 3-го ранга (в XVIII в.); Капитан-лейтенант (до 1884 и в 1907-1911 гг.) Старший лейтенант (с 1912 г.)	Коллежский ассессор	Св. Анны 2 ст.
IX	Капитан, ротмистр, есаул (до 1884 г.); штабс-капитан, штабс-ротмистр, подьесаул (с 1884 г.)	Капитан-лейтенант (в XVIII в.); Лейтенант (с 1884 г.) Старший лейтенант (1907-1911 гг.)	Титулярный советник	Св. Станислава 2 ст.
X	Капитан-поручик (до 1798 г.), штабс-капитан, штабс-ротмистр, подьесаул (до 1884 г.), поручик, сотник (с 1884 г.)	Лейтенант (до 1884 г.); Мичман (с 1885 г.)	Коллежский секретарь	Св. Анны 3 ст.
XI	Поручик, сотник (до 1884 г.)		Корабельный секретарь (в XVIII в.)	
XII	Секунд-поручик, унтер-лейтенант (в XVIII в.); Подпоручик (с 1884 г.); корнет (в кавалерии), хорунжий (в казачьих войсках)	Мичман (до 1885 г.)	Губернский секретарь	Св. Станислава 3 ст.
XIII	Прапорщик (с 1884 г. только в военное время); корнет, хорунжий (до 1884 г.)		Провинциальный секретарь; сенатский, синодский, кабинетный регистратор (в XVIII в.)	Св. Анны 4 ст. С надписью «За храбрость» (только для военных)
XIV	Фендрик (в XVIII в.)	Мичман (в XVIII в.)	Коллежский регистратор	

Литература Искусство Культура

Со дня рождения забытой костромской писательницы Александры Кобяковой прошло ровно 170 лет. В написанной для журнала «Русское слово» автобиографии она угадала свою судьбу: «...много лучших сил, растраченных попусту или убитых ложным направлением, по разным стезям нашей бедной жизни. И в числе этих сил русская женщина теряется во тьме неведомых судеб нашего будущего».

Поднять из колодца времени живые, чистые голоса страдальцев и скитальцев нашей российской культуры - и есть долг, который намерен исполнять журнал «Губернский дом».

Роман Александры Петровны Кобяковой «Последняя казнь» был напечатан в некрасовском журнале «Современник» весной 1858 г. Занимательная авантюра романа выстроена по образцу романтических сочинений тех лет. Спасаясь за книгой от однообразия жизни купеческого дома (Кобяковы торговали книгами, образами, красками) Александра «сочинила» свою Кострому, где поселила благородного героя, прекрасную барышню, злодеев-разбойников, которые мешают им любить друг друга... Но удивительно другое: события, которые описываются в романе, не были выдуманы. «Бабушка моя любила рассказывать про старину... и один из ее рассказов всех более обратил на себя мое внимание. Я его обдумала, привела в ясность лица, соединила в порядок происшествия и в три недели написала роман «Последняя казнь».

В этом сочинении 19-летней девушки вы найдете с любовью написанные картины быта старой Костромы, описания забытых обрядов сватовства, девичьих гаданий, обычаев домоустройства и праздников, живую народную речь. Надеемся, что и самый взыскательный читатель за литературным штампом века разглядит здесь золотое зерно историзма. Очевидно, именно это имел в виду краевед Виктор Николаевич Бочков, когда в последние дни своей жизни порекомендовал роман к печати, назвав его историческим, и тем самым вернул из «тьмы забвенья» имя Александры Кобяковой. Второй роман «Семейство Подошвиных», печатался в журнале «Русское слово» в 1860 году, затем вышли повести «Приказчик», «Друг-приятель», «Неожиданное богатство», очерк нравов «Женщина в купеческом быту», где писательница показала себя тонким и наблюдательным знатоком жизни провинциального купечества.



Часть первая

То, о чем я хочу вам рассказать, любезные читатели, было в Костроме, не в нынешней чистенькой, опрятной Костроме, убранной словно красная девушка, а в Костроме старых времен. Когда в ней, на месте нынешних бульваров, возвышались земляные валы, на которых стояли заржавелые пушки на полусгнивших лафетах, скорее для формы, чем для обороны города (потому что при первом же выстреле их бы разорвало), и рвы, в которых весною квакали лягушки. Вместо каменных домов, тогда, по обеим сторонам узких, немощеных улиц, теснились высокие на подклетах избы с массивными, вычурными воротами на разных верехах, и низенькие избушки с завалинками, а из пятидесяти церквей едва ли и десятая часть была каменная. Тогда, когда на площадях стояли никогда не просыхавшие лужи, и их

берегли как сокровище на случай пожаров; в них преспокойно полоскались утки, и тут же сваливалась всякая дрянь из мясных и зеленых лавок. По этому можете судить, что рассказ мой относится ко временам давно минувшим.

Давно, давно, в лета моей юности, бабка моя рассказала мне эту быль; ей тоже, в свою очередь, рассказала её свекровь, как личная свидетельница страшной катастрофы. Передаю ее так, как было рассказано.



Занялась заря утренняя; туман волновался над городом, но город еще спал сном предрассветным. В это время по Кинешемской дороге медленно тащи-

лась рогоженная кибитка; усталая лошадь едва передвигала ноги. В кибитке сидел молодой человек в нагольном тулупе и меховой шапке. По его бледному, изнуренному лицу, по его покрасневшим глазам видно было, что прошлую ночь он провел дурно.

Перед ним в тумане показалась Кострома. Путник снял шапку и перекрестился, слеза радости сверкнула на реснице; но, как будто испугавшись своего раннего восторга, он тревожным взором обвел окрестность: все было тихо, даже птицы не проснулись еще, только ветерок шумел в мелком кутарнике, тянувшемся по обим сторонам дороги.

Вдруг с левой стороны послышался топот поезда; путник выскочил из кибитки, схватил под уздцы лошадь и скрылся в кустах. Через несколько минут раздался свист, и на дороге от города показалось пять подвод в больших телегах, на которых сидели по два страшных оборванца. Путник видел, как они, проскакав по полянке, свернули влево и скрылись в густом лесу, не далее, как в полу-версте позади его.

Не долга, но горяча была молитва спасшегося от очевидной опасности; он опять сел в кибитку и, погоняя лошадь, пустился в путь. И вот он в городе.

Кострома начала просыпаться. И вот предмет его путешествия перед ним. Высокая, ветхая изба Степана Петровича одиноко стоит на чистополе, и как полоумная старуха смотрится в грязную лужу. Стекла выбиты, калитка и часть забора уронены. Остановился перед ней приезжий, вышел из кибитки и не может надивиться на такое разрушение. Спросить не у кого, - нет близко жилой избы. Только кругом там и сям торчат печные трубы из кучи обгорелых бревен, или стоят столбы приворотные, черные как головешки, свидетельствуя о бывшем пожаре. Лишь из-под горы высится Воскресенская церковь со множеством зеленых глав, покрытых, как чешуею, вырезанным деревом с витыми столбиками, с цветными карнизами, испещренная и разукрашенная; а на колокольне, возвышающейся над папертью круглою башнею, пономарь полиелейным благовестом сзывает усердных богомольцев к заутрене.

Далее, через крыши домов, теснящихся по Верхней и Нижней Дебрям, синее Волга; за ней желтеют выжатые поля, чернеют перелески и деревни; влево узенькая Черная речка, с берегами поросшими елошником, за которою слобода Татарская; вправо пробуждающийся город, с своими пятидесятью церквями. Хоромы и избышки теснятся друг к другу. Между ними деревья с пожелтевшими листьями или уже совсем без листьев. Высокие, почти стоячие кровли, торчат словно кокошки тогдашних щеголих, и над ними встает дым, колоннами всех возможных видов возносясь к небу, и потом, разрастаясь кудрявыми деревьями, вьется причудливыми кольцами и расходится клочками мимолетного облачка, и едва-едва заметными обрывками исчезает в пространстве.

Долго стучал приезжий черенком своего кнута в подоконницы, долго кричал он, чтоб кто-нибудь взглянул; безмолвна и безответна стояла изба Степана Петровича. Приезжий пошел на двор; все говорило, что тут живут живые люди; вот стоит поленница дров, вот торчит клок сена из окна сеновала, хотя под ним отворенный коровник пустым пустехонек; вот за двором огород, на грядках гордо и осанисто сидит капуста, вот кусты малины и смородины и между ними несколько старых яблоней, тщательно подпертых рогатками; все, все говорит, что здесь жи-

вут, или по крайней мере - жили вчера живые люди, свою ежедневную жизнью. И разрушенное крыльцо и уроненный забор как будто говорят о каком-то чрезвычайном печальном событии, случившемся не далее, как в прошедшую ночь. Взял кол приезжий, взобрался на кучу обломков и стал стучать в сенные двери, но они так были высоки, что едва рука доставала. И все ответа не было.

- Вот какие дела поделались! Экая диковинка: знать ночные гости были, сказал голос позади приезжего.

Последний оглянулся, - за ним стоял человек почти огромного роста, в плечах кося сажень, как говорится; с самыми светлыми волосами и с такой же бороδοю, с опухшим красноватым лицом, с улыбающимися губами и с прищуренными глазами, в которых виднелся какой-то беспечный разгул. Он был босой и без шапки, только на одном плече у него был накинута старый бабий шугай.

- Не могу надивиться, что никто не ответит мне и не отопрет, хотя вожусь с час времени; отчего это, не скажешь ли мне, добрый человек? - прыгнув с обломков и подозрительно поглядывая на чудака, спросил приезжий.

- Хе, хе, хе! Притча-то известная... Давно, брат, я поглядываю, как ты тут копошишься. А скажи-ко, любезный, что тебе за дело? - спросил в свою очередь великан.

- Мне что за дело? По твоему - мне дела нет.

- А ты скажи, кто ты таков?

- А ты кто таков?

- Я здешний старожил, - Илья Яковлев.

- Илья Яковлич!

- Да, Илья Яковлич Лопата. Вон моя изба в задах-то, с новою кровлею; али бишь нет - не моя, а моей жены, черт ее возьми! Там она теперь почивает, лебедь белая, а муж-то ея, я-то, Ильюшка, шляюсь. Вот, горькая пьяница, - вчера все с себя оставил в ошаре...

Приезжему наскучило слушать рассказы Ильи Яковлича; он сказал нетерпеливо:

- Коли ты добрый человек, Илья Яковлич, так скажи мне, Бога ради, живы ли Степан Петрович и Ирина Михайловна, - ведь они мне родители!

- Какой! - воскликнул Лопата, разинув от удивления свой широкий рот.

- Просто - я их сын Григорий. И что все это значит, растолкуй мне, если можешь?

- А! Григорий Степаныч! Добро пожаловать! Какой, брат, ты вырос! Да я не узнал бы тебя! А ведь помню, как ты мальчишкой был, вон там валандался в луже! А тут, слышу, увезли Гришу в Астрахань. Ну, брат, молодец же ты. Ну, поцалуемся. С приездом тебя поздравляю, - говорил Илья, растопыря руки и обнимая Гришу. Последний, после дружеского лобзания, утерся рукавом.

- Ничего, Григорий Степанович, от меня, может, дрожжами пахнет и в нос бьет; это оттого, что ты еще молод, не употребляешь пагубы-то этой, а я вот, грешный человек, - выпиваю; жена моя, Аграфена Матвеевна, просто кабаком зовет. Будто, что кабак вина в себе содержит, все оно в мою утробу переходит. Дура-баба, а поучил бы, и надо поучить, да что, - бабенка шедушная, а кулак-то мой, кулак - быка убою. Долго ли до греха, - говорил Илья, отчаянно махнув рукой: - а все участь моя горькая!

Гриша улыбнулся.



- Что же ты мне про стариков-то моих не скажешь, Илья Яковлич?

- Были они вчера по добру по здорову перед сумерками, когда я проходил мимо их; Ирина Михайловна корову на двор загоняла, а Степан Петрович в окно глядел и поклонился мне.

- А теперь, что же все это?

- Просто, знать, воры ночью были, знать со старичками покончили. Что делать, Григорий Степанович, жалко; горе-то так за человеком и ходит. Вот и моя-то участь горькая!..

- Что же нам делать теперь? Объявить, что ли? - спросил Григорий, едва удерживая слезы при мысли, что его родители убиты.

- Пожалуй хоть объявить. Ах я дурень какой, - близко ночевал, а ничего не слышал...

- Али стараться в избу войти?

- Ну, в избу войдем.

- Да как же, двери заперты изнутри. Пытался я стучать, крепко заперты, не поддаются.

- Так как же? Ведь в окна завязнем, через окно не взойдешь; надобно дверь выломать. Постой-ко, я своим кулаком попробую; высоко, правда; разве тебе на плечи встать?

Гриша окинул его взором с головы до ног.

-Что, сосед, глядишь? Что я плечи тебе отдавлю? Ну ты на мои становись, да и валяй.

Григорий не заставил в другой раз сделать такое предложение; он сбросил тулуп, вскочил на плечи Лопаты и сильною рукой начал стучать в дверь. Сверх ожидания, дверь скоро отворилась, и Григорий, потеряв равновесие, с размаха упал головой в сени.

Когда опомнился Гриша, то увидел, что возле его лежал сломленный посох Петра Кузьмича, который так долго служил крепким запором для осаждаемой двери; он встал и перекрестился. Сильно забило его сердце, когда переступил он порог избы, - и что представилось его изумленному взору! Перед образами лежали старики, вниз лицом и друг подле друга, - Ирина Михайловна в белом сарафане, а посреди избы открытая коробочка, из которой вынула старушка свой гробовой наряд; на полу валялись горшечные черепки и выбитые из окон стекла, а далее, возле печки, бездонная квашня и белый ручеек раствора, который подлизывала кошка.

Гриша едва дотронулся до лавки и, бросаясь на нее, схватил себя за кудри и зарыдал как ребенок.

- Вот участь моя горькая, зачем вела меня на родину! Ох, зачем не убили меня злые разбойники, зачем убивать старых стариков, которые и так одной ногой уж в гробу стоят, - говорил Григорий. И тошно, горько ему было; сильно рванул он ворот рубахи, который давил его, и начал бить в грудь молодецкую.

Долго плакал Гриша, сжимая голову руками, и вопил звонким голосом, словно женщина; обильно бежали из глаз его сыновние слезы и наконец, как бы уставши, склонил он голову, и русые кудри, перевесившись, густою тенью своей закрыли его печальное лицо.

- Батюшка, родимый мой, не суждено мне было тебя увидеть живого и принять твое отцовское благословение. Сирота я горемычный остался на белом свете без вас! - вскричал рыдая Григорий и бросился обнимать отца.

- Родимая матушка, проснись, пробудись, взгляни на свое детище... - и он целовал мать. Таким образом переходя от одного к другому, он заметил,

что покойники еще не охолодели. - Господи, не живы ли еще они? Сказал он и повернул Ирину Михайловну на спину; пощупал сердце: оно еще билось, руки были теплы, глаза и губы были плотно закрыты. Он приложил руку к носу, старушка дышала. Жива, жива! Вскричал радостно Гриша: - знать они со страха замерли.

- Матушка! Родимая моя, открой глазоньки, никакого страха нет, злодеи ушли; возле тебя Григорий, твой сын Григорий.

Старушка тихонько взглянула и опять зажмурилась. Напрасно Гриша тряс ее за руки, напрасно приподнимал ей голову и тер грудь, - старушка не открывала глаз. Наконец она прошептала: - Господи, прими дух мой! - И опять замолчала.

Гриша не знал, что делать, метался по избе, как угорелый. - «Они помешались со страху», говорил он сам себе. Вдруг попало ему на глаза ведро с водою; он поспешно схватил ковш с водою, и прыснул в лицо матери, - она вздрогнула и открыла глаза. Гриша поднял ее и посадил на лавку, прижавши головою к стене, чтобы не упала, - так она была слаба.

Потом Григорий бросился к отцу. Степан Петрович также дышал, также билось его сердце, как и у Ирины Михайловны. Гриша с ним не церемонился, а просто вылил старику на голову целый ковш воды. Старик открыл глаза и дико посмотрел кругом.

- Коли резать, так режь зараз, а не мучь. Господи, прости мои согрешения! - прошептал он, и опять закрыл глаза.

Гриша, не разговаривая более, поднял его с полу и посадил возле Ирины Михайловны. Старик снова открыл глаза и смутно поглядел на сожительницу.

- Ну, вот вы живы, слава Богу милосердному; а я горевал, так вот в землю живой и лег бы, как увидел вас на полу, - говорил обрадованный сын, обнимая то того, то другую.

Насилу опомнились старики, насилу сообразили настоящее и прошедшее, и насилу уверились, что они живы и здоровы. Тут-то была для них неопишанная радость, как прижали они к сердцу сына милого, которого и видеть в живых отчаялись. Перебивая друг друга, безсвязно рассказывали они Грише происшествя прошлой ночи, что только в состоянии были припомнить.

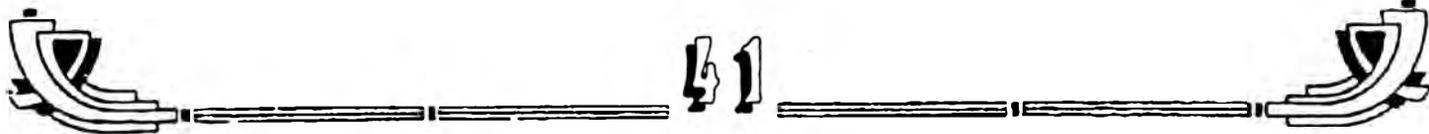
- Вот лежим мы и ждем смерти, - заключил Степан Петрович, - вдруг: не то гром, не то гул подземный, застучало, грохнуло что-то, и все затихло. Тут у меня сердце замерло, и я уж ничего не помню, спал я, или замер от страха, что ли, до тех самых пор, как твоя, Гриша, голос услышал.

- А я думала, Гришенька, что я уж на тот свет переселилась, - промолвила Ирина Михайловна.

- Ну, Ирина Михайловна, ведь баснями соловья не кормят; а ну-ка, поблагодарим Господа за избавление, да и всякой за свое дело примемся. Степан Петрович положил три поклона в землю, благодаря Бога со слезами. Его примеру последовали и жена с сыном.

- Ну, теперь принимайся мать за печку, да попотчуй сына блинками, а я затоплю баню, гостя с дороги выпарить надобно по обычаю, - сказал старик.

- А ведь, батюшка, злодеи-то крыльцо подломили, да не могли дверей выломать, так и убрались, знать, сказал Гриша: - счастливы, что отсиделись.



- Не задавило ли их там, проклятых, али лихое споро не умрет - скоро, сказала Ирина Михайловна, стоя в сенях и с удивлением смотря на упавшее крыльцо: - как же, мои светы, мы сойдем отсюда, - ведь высоко?

- А вот я лесенку на сеновале отыскал, - послышался снизу голос Лопаты, приставлявшего лестницу.

Тут только Ирина Михайловна спрехватилась, что она гуляет все еще в гробовом наряде; она бросилась в избу и через минуту на ней алел по-прежнему кумачник.

- Вот, не знаю, за что приняться, просто руки опускаются. Села бы да сидела, да любовалась на Гришеньку, если б было кем заменить; да что делать, - кем заменишь? - говорила старуха, бегая по избе и не зная за что приняться.

- А, мои батюшки! Чай давно стадо пригналось, а моя белянка еще недоена. - Ирина Михайловна, схватив дойник, побежала доить корову, но на пороге столкнулась с сожителем.

- Напрасно трудишься, Ирина Михайловна, воры и забыли пожалуй, что сегодня пятница, да и жарят твою белянку, так уж ей дойник и не нужен, - сказал старик.

- Как это?

- Да так, воры свели коровушку.

У Ирины Михайловны опустились руки, едва дойник сдержала, и слезы хлынули ручьем.

- Подавиться бы им, зверям плотоядным! - возопила старушка с горечью.

- Хоть плачь, хоть нет, Ирина Михайловна, а что с возу упало, то и пропало. А все-таки нас Бог милует: вместо коровы, конь у яслей.

- Какой конь, полно насмеяться, Степан Петрович.

- Живой конь, не пряник; подарил его Грише дядя за усердную службу.

- Прощай, Григорий Степаныч, навещу вас завтра, непременно навещу; счастливо оставаться, - слышался со двора голос уходящего Ильи.

Григорий вошел в избу, неся два пуховика и несколько свертков овчинок и цветного сафьяна.

- Пособи-ко, батюшка, мне сундук внести, - сказал он. И вскоре большой кованый сундук занял целый угол у дверей.

Той порой Ирина Михайловна затопила печку, и сковородки загремели.

- А я и до сей поры не спрошу тебя, здорова ли сестра и зять? - сказал Степан Петрович, когда вся семья сидела за столом и завтракала.

- Слава Богу, прислали вам по низкому поклону и на поминки кой-что. Живут хорошо, лов богатый; от торга дядюшка денежки изрядные наживает, да все жалуются, что детей нет. Пожил я у них десять лет, словно у печки погрелся. Что у них было горя, как стал я в Кострому собираться; стану проситься: дядя в сердце, а тетушка в слезы. Что, говорит, Гриша, чем тебе, кажись, не житье у нас; любим мы тебя, как сына родного. - Все так, говорю я, да подумай сама, тетушка, старики мои старые, кто их кости прихранит? Ведь я один у них.

- Ах ты, голубчик мой, и тут-то про нас не забыл, - прослезясь, воскликнула Ирина Михайловна.

- Можно ли это вздумать, родимая матушка? Вы днем и ночью из ума у меня не выходили, говорил Гриша. Вот я этак и сбирался года два, да уж nonче после Троицы насилу выпросился, и то дядю

рассердил. Прежде моего выехал один ярославец, я наказывал ему: если поедешь, мол, через Кострому, так зайди к моим старикам, скажи, что-де я поклон им шлю, да что и я домой скоро непременно буду.

- Был он у нас недель семь тому назад, поклон справил; а я с тех пор все и ждала тебя, мое дитяtko, и просто с ума сходила, что нет тебя долго, да и отец-то начал грустить, - сказала старушка.

- Ты ехал-то благополучно ли? - спросил отец.

- Ехал я всю дорогу благополучно вашими молитвами; выехал вскоре после Троицы. Дядя и тетка со слезами меня проводили, дядя лошадь купил, - десять рублей заплатил, - мне в дорогу, да зажилое, за десять лет, сто рублей дал, да еще кафтан голубой немецкого сукна, овчинок, сафьяну, мелочей разных надавал. И вам прислал кой-чего. Вот, и поехал я, - начал рассказывать Гриша. - Ехал тихо, лошадь не забивал, по ночам не ехал, а только днем, боясь недобрых людей.

- Блажен человек, иже и скоты милует, заметил Степан Петрович.

- Все шло благополучно, да вот под самой Костромой... правду пословица говорит: родительские молитвы изо дна моря выносят.

- Что это такое? Как это! - вскричали старички в один голос.

- Да вот как было, - продолжал Григорий. - Выкормивши вчера в Кинешме лошадь, пустился я, уж с вечерни почти, располагая быть здесь сегодня пораньше. Лошадка бежала без усталости. Вот это было уж после полуночи, не доезжая верст 8-ми до города, в стороне, в лесу мне показалось - мелькнул огонь. Не волки-ли, я думаю, и гляжу пристально; а лес все густая ельница, по обе стороны так и стоит стеною. Не успел я опомниться, как два молодца держали под уздцы мою лошадь.

- Что вам, добрые люди, надобно? - спросил я, переводя с трудом дух от испуга.

- Ты и твое добро, - отвечали разбойники.

- Ах, мои батюшки! - вскричала Ирина Михайловна, прискочив на месте.

- Не мешай ему рассказывать, - заметил Степан Петрович.

- Вот и привели они лошадь к костру и велели мне выходить из кибитки. Я мысленно каялся во грехах и прощался с белым светом.

- Радость ты моя! - заплакав и обняв сына, сказала мать.

- Еще два злодея сидели у костра, - продолжал, Гриша: - а пятый с ружьем стоял на часах.

- Что ты за птица? - спросил один из сидящих.

Я сказал, кто я.

- Не велика же находка, - проворчал разбойник. - выпрягите лошаденку, а кибитку закатите в кусты.

- Да не прикажешь ли ощупать его подвижную горницу? - спросил один из держащих меня за руки.

- Это дело атамана, он скоро должен вернуться из Костромы, - сказал первый.

- А его куда прикажешь?

- Да покуда к дереву.

Я упал на колени, и что им говорил, как им молился, - ничего не помню. Помню, что слезы рекою лились из глаз и рыдания заглушали голос.

- Вот возись еще со щенком, да стереги его, по-моему - на осину, да и концы в воду, - сказал другой из держащих меня.

- Ах, голубчик ты мой; сердце мое чуяло беду, - говорила Ирина Михайловна, рыдая и прижимая сына к сердцу.

- Господи, помилуй! Да не мешай ему досказать, - сказал Степан Петрович.

- Я упал на колени, и они волоком поволокли меня, с пинками и тычками. Через минуту я, со связанными назад руками, уже был крепко притянут к дереву. Сидевший разбойник встал и подошел к нам.

- Чур, не трогать до атамана; он скоро будет, - сказал он.

- И не с пустыми руками; Лисица славный лазутчик, нечего сказать, - договорил другой, который крепко завязывал веревку около моего пояса.

- А нам хлопоты да ответ за всякого; по-моему мертвый язык утомит живого, заговорил другой.

- Молчать! Всяк сверчок знай свой шесток, - крикнул голова, и пошел прочь. И другие двое оставили меня.

- Постой, постой, Гриша, так они и помянули Лисицу? - спросил старик, прерывая рассказ.

- Да, батюшка, как теперь помню: дескать, Лисица - славный лазутчик.

- Так и есть! Ведь я сам слышал голос Лисицы, старые уши не обманули.

- Кто ж этот Лисица?

- А так себе, просто посадский, ничего не делает, шляется, да говорят, с недобрыми людьми водится; а если ему и скажут про то, так еще захохочет да и говорит: что, дескать, не пойман - не вор; да кто сказал, так к тому ночью и приведет во двор хороших гостей, - так и оставляют в одной рубашке. Да, говорят, рады, коли хоть душу-то в теле оставят, - отвечала Ирина Михайловна.

- Что ж никто не докажет на него? - спросил Гриша.

- Эх, Григорьюшко, да кому хочется донощиком быть? Ведь, говорят, докащику первый кнут. А кому захочется за воеводской-то канцелярией связаться? Оберут, оберут, да еще пыткой искалечат, в остроге заморят до смерти, - кому же охота? А вор-то настоящий, пожалуй, и вывернется. Вот хоть бы мы теперь, примерно сказать, ну были в великом страхе; Господь помиловал: неужто пойду объявлять? - Помилуй меня Господи! Да замучат. Наедет суд: спроси, да допросы, тебя же в кандалы закуют; что, дескать, не ловил воров, что не дал знать драгунской команде? А крапивное-то семя: всем давай, - и деньгами, и живьем, и курицами, и яйцами; последнюю корову сведут со двора; а у меня теперь и той нет, - благодарствую. Так и всякий: воров-то бойся, да и защиты-то бойся; и те и другие маху не дадут, не посовесться голышом пустить по миру, - сказал вздохнув Степан Петрович - а ты продолжай, что рассказываешь.

- Вот уселись все разбойники у костра. Разговаривают и пьют что-то из боченка, только часовой молча ходит и не пристаёт ни к пирушке, ни к разговору. Тошно и горько мне; гляжу на небо да горько плачу. С вечера моросил дождь и было темно, а после полуночи тучи разбежались и месяц глядел с неба на мои слезы. Злодеи напились и растянулись. Все было тихо, часовой сел и задремал, ружье блестя между колен; только лес качал кудрявыми вершинами да ночные птицы перелетали с места на место. Ветерок веял мне в лицо и освежал мне голову, мне сделалось легче на сердце, и я забылся. Но

вот я очнулся. сердце опять как кипятком обдало, я открыл глаза: костер догорел, угли едва адели; разбойники по-прежнему спали и часовой сидел понуривши голову. Вдруг слышу кусты зашелестели, кто-то осторожно шел ко мне, и через минуту возле меня стоял высокий человек в грязной холщевой рубашке и в меховой шапке. Он делал мне знаки, чтоб я молчал, а сам молча перерезал веревку, которой я был привязан, также молча взял меня за руку, и мы тихо прошли мимо спящих разбойников. Откатив ближе к дороге мою кибитку, он тихонько впряг лошадь, которая в хомуте щипала траву, потом знаком велел мне садиться, а сам поместился на облучке. Вскоре мы выехали на большую дорогу. Отъехав несколько, незнакомый бросил мне в руки возжи, соскочил с облучка и, махнув рукой, пошел по опушке леса. Я не мог понять: во сне или на яву все это делалось со мною. Ощупывая сам себя и наконец уверившись, что не сплю, я спохватился поблагодарить моего избавителя, но оглянувшись - его уже не мог видеть: так лошадь моя скоро бежала. Не доезжая верст трех до города, я услышал свист и топот большого поезда. Пословица говорит, что пуганная ворона и куста боится; друг; точно так и я осторожно свернул в кусты. Вдруг мимо меня из города пронеслось подвод до пяти в больших телегах; в каждой телеге сидело по два оборванца и такие страшные, что и теперь сердце замирает. Они меня не заметили и скрылись в лесу, а я вашими молитвами остался жив. - Гриша кончил.

- Это они, проклятые, от нас лыжи-то навострили, - заметила старушка.

- Послушай! А каков этот добрый человек, что веревки-то твои перерезал? - спросил Степан Петрович.

- Такой сухошавый, бородка небольшая; мне помнится, рыжая или русая, и, кажется, рябоват.

- Так и есть! - воскликнул Степан Петрович. - Что скажешь, Ирина Михайловна, кто Гришу-то спас?

- Какой-то добрый человек, Бог его знает.

- Петр Кузьмич!

- Петр Кузьмич! - повторила в недоумении старушка.

- Вот какой я старый дуренья, насилу догадался. - Степан Петрович, ударив себя в лоб, выбежал в сени и возвратился с изломанным посохом Кузьмича.

- Ну, Ирина Михайловна, видишь и теперь, что это! Чей это посох? Кто его нам оставил на защиту? Не он ли послужил нам крепким запором? Не он ли удержал ветхую дверь на петлях и выдержал напор и удары разбойников, и наконец переломился, отворя дверь сыну! Чей это посох? - говорил восторженно Степан Петрович, вертя переломленный кол перед носом своей сожительницы: - чей это посох?

- Петра Кузьмича, - произнесла с удивлением и со слезами на глазах Ирина Михайловна.

- Кто же этот Петр Кузьмич? - спросил Гриша.

- Ты его увидишь, - отвечал Степан Петрович.



Весело шел Гриша по Нижней Дебре в послеобеденное время, направляясь к отцовской лодочке,

скромно лежавшей на берегу, между своей братией, и припертой замком к огромной колоде. На улице играли взрослые ребята и женатая молодежь в мяч и чехарду, а маленькие ребятки в бабки; некоторые из них возились с бумажным змеем, которого длинный мочальный хвост был едва не во всю улицу. И всю эту картину освещало осеннее солнышко. Тихо и прохладно было в воздухе, а на лазоревом небосводе ни одного облачка; только длинные белые нити паутины, обыкновенно предвещающие сухую погоду, летели с юго-востока.

Ярко алело полукафтаны Григория, спшитое из кармазинного сукна. Никто не знал Гриши, но все кланялись ему, такой был тогда обычай у русских людей; и Григорий учтиво отвечал на поклоны, снимая усердно свою пуховую шляпу.

Старики и молодцы сидели на завалинках, и около последних жались крошечные дети. Девушки из-за занавесок выглядывали в окна.

На лужайке, перед оградой церкви Стефана Сурожского, бывшей тогда почти на самом берегу, сидело несколько человек мужчин и женщин, и посреди их седой старик с клюкою; по-видимому он что-то рассказывал, и все слушали со вниманием. Женщины с полуоткрытыми ртами, казалось, боялись проронить хотя одно слово; дети робко жались к матерям, молодежь значительно переглядывалась и старики не возражали. Гриша остановился.

- Было это при князе Юрии Долгоруком. А княжил он во граде Володимире, - продолжал рассказчик с сильным жестом и уставя в пустое пространство белые без зрачков глаза свои, которыми не видел он свету белого - при Юрии Долгоруком. А князь Юрий был князем великим, сиречь старшим, и все князья русские ему повиновались, как старшему брату, и ничего без его совета не делали. Костромы-то нашей голубушки тогда еще не было, а были на этом месте леса непроходимые, темные, дремучие дебри: на берегу-то Нижняя, а выше Верхняя Дебря назывались, да и по сей поры улицы так зовутся. Ну, известно, кто будет жить в лесу дремучем, как не разбойники, удалая вольница придорожная? Да такая тут поселилась вольница, что и Ярославлю городу жутко от её подчас приходилось; а по Волге и говорить нечего, уж совсем проезду не было! Вот и думает думу князь Ярославский, как ему избыть беды неминуемой, как извести проклятую вольницу. Войной идти на них, - воинства у меня мало, да и где переловить их? Влезут на деревья, да перестреляют оттуда мою дружину... Съезжу-ка посоветуюсь со старшим братцом. И едет князь Ярославский к князю Володимирскому. Князь Юрий дорогого гостя встречает, за белы руки принимает и за дубовые столы сажает, а великая княгиня своими белыми руками чару меду наливает, подносит дорогому гостю и цалует его во уста. И так князья пируют и прохлаждаются три дня, а сами думу думают, совет ведут. И надумались князья идти на Волгу с воинством: сперва выжечь леса дремучие, а потом полонить вольницу. Вздумано, сделано. Потянулись с дружинами Володимирскими к Ярославлю, а оттуда сели на лады да и спустились по Волге; и стали они станом на том берегу, а на этот переехали охотники выборные, да и зажгли лес. И запылала дебря морем пламенным, и разлилось это море по всем концам, и от того великого пожара подернулось небо кровавым заревом. Такой треск пошел по лесу, что волос дыбом становился у самых

храбрых воинов княжеских! Вспенилась, закипела, забушевала Волга-матушка, волнами красными. Любуются князья с того берега на страшное позорище. Испугались разбойники и из Нижней Дебри бросились в Верхнюю; да и там стал дым им глотки захватывать. Атаман их был из татар и слыл богатырем и назывался Чувиль-Гроза. Он, видя последний час своему молодчеству, созвал на совет свою шайку и сказал им зычным голосом:

- Гой, еси, вы братцы-товарищи, приволжская вольница, знать настал, наступил наш последний час, минуем ли мы смерти лютой? Нет теперь у нас легких лодочек, все сторели они при берегу, а добрые кони от смраду задыхаются. Мы пойдем, побежим пешие, в леса Муромские; здесь нам остаться - живьем сгорим. А князьям в руки предаться, - станет дружина княжеская потешаться над нами, и невесело нам будет на сосенках, на елочках покачиваться!

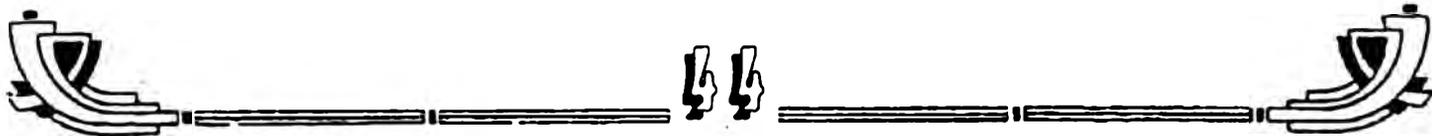
- Идем, бежим отсюда, куда глаза глядят! - рявкнули разбойники.

А Чувиль-Гроза опять к ним речь держит:

- Уж и вы, братцы-товарищи, вы забыли, что у нас много золота, серебра и камней самоцветных и окатного крупного жемчугу? Мы всего с собой не заберем, мы всего на себе не унесем; сгорит в пожарище крупный жемчуг, перелопаются дорогие камни, не сгорит золото, серебро и достанется оно нашим врагам. А вы знаете, братцы, сосну столетнюю громом Божиим опаленную: передадим ей на сохраненье добро наше, зароем все под ею во сыру землю!

Как сказано, так и сделано. И пошли разбойники под сосну столетнюю, громом Божиим опаленную, понесли боченки золота и большие котлы серебра. А у сосны привязан был атаманов добрый конь, а на сосне висел колчан с калеными стрелами, а под сосной лежал атаманов меч-подъем. И копал тем мечом Чувиль-Гроза под сосною яму глубокою, окопавши делал заклятия на поганом татарском языке. И зарыли в ту яму разбойники свои сокровища; а сверху навалили бел-горюч камень. Чувиль-Гроза ускакал на своем добром коне в леса Муромские и долго, долго там разбойничал; а разбойники переходили от дыму и пламени. Сгорели леса дремучие и дебри непроходимые, дружины княжеские очистили место и вскоре на этом месте закрасовался город Кострома - удел княжества Володимирского. Давным то давно это было; а сосна стоит и теперь целехонька, не гниет она, не сохнет, и топор не берет, только черные вороны выют гнезда на её косматой вершине; а под ней лежит бел-горюч камень, где зарыто заклятое сокровище. И до сих пор не родился смельчак, чтоб его вырыть!

- Не раз слышал я от тебя об этом кладе, но, скажи по совести, дедушка Мороз, правда ли, что эта сосна на Галичской дороге? - спросил вдруг глухой голос позади слепца. Все обернулись, не исключая и Гриши. Возле самой ограды стоял небольшой, черноватый мужичонка, с черной редкой бородой, выдавшимися скулами, широким носом и узким лбом, заросшими волосами. Он глядел исподлобья и как-то в сторону, как будто боясь встретиться с чьим-нибудь взором. Кафтан его был почти весь в дырах, но карманы и пазуха отдулись: старая шляпенка с оборванными полями надвинута была на самые брови. Все невольно вздрогнули и отодвинулись подальше, услышавши голос этого человека; один слепец отвечал насмешливо:



- Али счастья хочешь попробовать, Ворона? Говорят, что ты у татарина и татарскому языку учишься, да в полночь по лесам и болотам таскаешься, да цветы папоротника отыскиваешь?

Все переглянулись; а Ворона, оглядевшись боязливо, отвечал:

- Не худо бы, дедушка; чем черту владеть этим богатством, так лучше пусть добрым людям достанется!

- Полно, Иван Иванович! Я слыхал, что коли Бог дал нам силу, да здоровье, да неглупую голову, так истинным кладом наградил. И так на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой затевай. Не советую продавать душу нечистому, - сказал слепой тоном наставника.

- Правда ли это, что сосна та самая, что по Галичской дороге?

- Правда-то правда. Говорят, она и теперь стоит, и по век стоять будет; так мне рассказывал дедушка. И сам он пытался клад достать, да такие видения видел, что волосы дыбом становятся, как бывало скажет - да и закаялся, да и всем православным заказал, - продолжал рассказчик. - а не советую, не советую тебе, Иван Иванович, с нечистой силой связываться.

- Спасибо за поученье, дедушка Мороз, - проворчал Ворона.

- За поученье не сердись; с добрым желаньем оно сделано, - проговорил слепец вставая.

- Где же ты ночуешь сегодня, дедушка Мороз? - спросила одна из молодых, с грудным ребенком на руках.

- А где Бог даст, Петровна! Ты со мной говоришь? Ну хоть к вам в избу пойду.

- Добро пожаловать, дедушка! - и Петровна пошла вперед; за нею поплелся слепой рассказчик, ощупывая палкою перед каждым шагом и шаря по забору рукою. Он вскоре отыскал ворота избы, в которую шел.

Гриша, услышав песню и какую-то брякотню, взглянул влево по улице, в конце которой стояла ошара с своею неувыдаемою эмблемою. Перед нею образовалась какая-то толпа. Все бывшие на лужайке слушатели слепца, большие и малые, побежали туда, в том числе и Ворона. Григорий также из любопытства пошел к тому месту. Перед кабаком, посреди улицы, толпа полупьяных мужиков орала во все горло следующую песню:

«На улице рамода,
Рамода;
Жена мужа продала,
Продала;
За дешевой, за товар,
За товар, -
За денежный за калач
За калач».

И среди них Илья, закинув голову, зажмурив глаза, закусив бороду и взмахивая руками, такие делал прыжки, что жидкая грязь из-под его босых ног летела брызгами во все стороны и залепляла глаза певунов; но они, казалось, того не чувствовали и продолжали, присвистывая и прищелкивая, свою песню.

Мальчишка, сын целовальника, стоял на крыльце кабака и что есть духу барабанил в печной заслон.

- Ух ты, ах ты! - вскрикивал Лопата, кидаясь как беснующийся во все стороны потом пускался в присядку; как будто устал, семенил ногами на одном

месте и опять бесновался. Пот катился градом с плясуна. Песенники старались перекричать и заглушить друг друга. Зрители хохотали, держась за бока.

Перед Григорием стояли два мальчишка лет по десяти; они, сочувствуя веселой картине, также хлопали в ладоши. Вдруг, раздвигая толпу, протеснилась к ним Петровна.

- Что вы, злодеи, тут делаете! Вот я отдеру вас хорошенько, негодные, - кричала она, волоча их немилосердно за руки. - чему хохочете, горла-то распустили? Нечего чужой пагубе радоваться; не смеяться, а жалеть должно, глядя на погибшего человека; сами, может, хуже будете. - Долго еще она читала наставления своим сыновьям, покуда не скрылась из виду.

- Полно, Илья Яковлич, образумься: эк тебя черти разшевелили! - говорил Ворона, глядя под ноги Ильи.

- А, приятель! Добро пожаловать! Заем красен платежом: вчера я тебя угощал, а сегодня ты меня должен угостить, отвечал Илья, остановясь и отирая рукавом пот с лица.

- Ну уж, не осуди, в кармане ни шелеха; на тебя, друг, надеялся.

- Он все так, железная ячичница; в людях Ананья, а дома не найдешь, - говорил Илья.

- Распотешил, кричала толпа певунов: - надобно, ребята, угостить его; сложимся и угостим!

- Благодарствую, товарищи, - говорил Илья, низко кланяясь: - от чести не отказываемся.

Двое из толпы вышли, подхватили Илью под руки и, раскачиваясь из стороны в сторону, повели в ошару. Ворона, видя, что тут и ему перепадет что-нибудь, последовал за ними. Остальные также с песнями пошли в кабак. Целовальник с целовальницею не успевали наливать.

Любопытные разошлись, и Гриша пошел к отцовской лодке: но тут только вспомнил, что забыл из дома взять весла. Ему не хотелось ворочаться за ними; оглядясь, Григорий увидел, что одну из лодок спихнули два мальчишка, - старшему было лет 13, - и хотели ехать за Волгу.

- Послушай, мальчик! Ты знаешь, где живет Степан Петрович Безродный? - спросил Григорий, обращаясь к старшему.

- Как не знать, - отвечал последний, почесав в затылке: - ведь он на Воскресенской горе живет.

- Да: потрудись сходи туда, возьми пожалуйста весла, я забыл взять.

- А кто твоя милость?

- Я сын Степана Петровича; и если ты его самого не увидишь, то спроси Ирину Михайловну.

- Далеко идти, неохота. А куда ехать изволишь? Мы перевезем, коли за Волгу.

- За Кострому реку.

- Ну, и за реку свезем.

- Да вы там меня ждать не будете?

- Ничего, подождем.

- Коли так, то ладно. Да вот что: мы поедем в нашей лодке, а весла твои.

- И взаправду, твоя побольше.

И так, Григорий отпер замок и столкнул лодку на воду. Старший мальчик перенес в нее свои весла и сел грести; младший остался на берегу. Гриша прыгнул в лодку и взялся править.

С любовью глядел Григорий на Волгу, вспоминая свое житье в Астрахани. Широкой лентой синела Волга, переливаясь, то серебристым, то палевым

цветом; на стрелке кое-где торчали приземистые кустарники, с которых ветер свеял листочки - все до последнего, но густая сочная трава еще не потеряла зеленого цвета... Вот - они въехали в Кострому реку. Перед ними высился древний Ипатьевский монастырь с четверугольной колокольнею; грустно чернел вековой обруб (вместо ограды ныне существующей) из дубовых стоячих бревен, из-за которого виднелись темные кедры, старые сосны, покачивая кудрявыми вершинами. Раздался благовест к вечерне. Григорий, оставив мальчика при лодке, пошел в церковь. Молодой послушник ходил с большой книгою с клироса на клирос и звонким голосом отчетливо и громко сказывал стихиры; монахи пели протяжно, повторяя сказанное. Грустно и вместе весело было на душе молящегося, уста сами собою шептали молитву, глубокий вздох летел из сердца, и слеза умиления просилась на ресницу.

Усердно молился Гриша, стоя посреди церкви; он вспомнил, что давно был он в этом храме, бывши еще младенцем; что во время его болезни сердобольная мать обещалась отслужить молебен в этой святой обители, и что по его выздоровлении принесла его сюда и выполнила обещание.

Вечерня кончилась, и Гриша с благоговейным любопытством оглядывал внутренность храма; он взглянул вправо, и глаза его долго не могли оторваться от памятника, любопытного по своей древности. Это было царское место, присланное Царем Михаилом Федоровичем в дар монастырю, на память призвания его на царство из стен этой святой обители. Долго любовался Гриша его резным верхом в виде башни, вместо балдахина, украшенного на верху двуглавым орлом.

Начали молебен по заказу. Гриша опять начал молиться; вдруг он взглянул влево - и потупился, взглянул в другой раз - и отвернулся, взглянул в третий - и уж не спускал глаз... На кого глядел бедный добрый молодец?

У левого столба стояла девица и усердно молилась, крестясь белою рукою, на которой сверкали перстни из цветных камней. Черные глаза её кротко, благоговейно смотрели на иконостас, уста шептали усердно молитву.

И как хороша, и как нарядна она была, - от повязки, унизанной цветными камнями с поднизью из крупного жемчуга, до алого объяриноного сарафана, от жемчужного ожерелья до золотого пояса, от шелкового рукава рубашки до черевичка, вышитого блестками. Все говорило, что это дочь богатого отца: от черной дугою брови до шелковистой косы, заплетенной лаптем и кончающейся бантом из голубой ленты, которая висела по спине чуть не до колен; от белоснежной лебединой шеи до гибкого стана, - все говорило, что нет таких красавиц во всем городе.

Возле девушки стояла низенькая старушка в преузорочной наметке из заморского ситца и в кутнёвом сарафане.

Почувствовала ли девушка на себе жгучий молодецкий взор или так случайно, - только она взглянула направо, встретилась взором с глазами Гриши, вспыхнула не лучше своего алого сарафана и, закусив свою нижнюю губку, начала проворно креститься и низко кланяться, и уж более не оглядывалась.

Григорий потупил голову. Долго стоял он, долго что-то думал, и тогда только очнулся, когда старый

монастырский служка, побрякивая ключами, подошел к нему и сказал:

- Друг мой, пора церковь запирать; а коли усердие есть, помолись, я маленько и обожду.

- Куда же девалась она? Как это я не заметил, когда они вышли? Вот диво! Словно задремал, - думал Григорий, выходя за монастырские ворота. Ему уже не любопытно было походить по монастырю, как прежде намеревался; он машинально шел к лодке. Красавица со старушкой стояли на берегу и разговаривали с мальчиком. Гриша обрадовался, поспешил к ним и низко поклонился.

- Молодец, не в город ли, дружок, поедешь. Мальчик говорит, что это твоя лодка, так перевези и нас по пути, дружок, - говорила старушка.

- Изволь, коли твоей милости угодно, перевезем, - говорил Григорий, запинаясь и поглядывая на красавицу. Она тоже взглянула раза два на него и, пуще покраснела, закрылась плотно носовым белым шелковым платком с зеленою каймою, оставя открыто только верхнюю часть лица.

- Слава Богу, нашли доброго человека, а то на перевозе дощаник сжидается; разве к ночи отвалит, - нам долго ждать. Ишь, обещанье было молебен отслужить в Ипатьевском; день-то сегодня хорош. Вот и осень пришла, и не успеешь опомниться, как и зима подкатит студеная, - говорила старушка, усаживаясь в лодку. Но так как Григорий сел было за весла, то она и рассчитала посадить внучку лицом к корме, где, было, поместился мальчик.

- Ну, внучка, садись, да постели на лавочку платок, неравно сарафан замараешь; ты будь бережлива, - ворчала она.

Девушка молча повиновалась.

Григорий увидел свою ошибку тогда, как уже лодка поплыла; он проворно перескочил на корму, сделав знак мальчику пересесть к веслам.

Девушка очутилась лицом к Григорию, беспрестанно краснела, потупляла глаза и перебирала рукою пуговицы на сарафане. Луч солнца, догорая, золотил поверхность реки и отражался в глазах красавицы и на золотом широком галуне её сарафана.

Старушка с досадою заметила, что внучка не закрывается платком, и что молодецкие глаза беспрепятственно любуются ею.

- Что это, хорошее ли дело - ты не закрываешься; этакая бесстыдница, - ворчала она почти шепотом.

- Чем же я, бабушка, закроюсь? Ведь платок я под себя послала, - дрожащим голосом тихо отвечала девушка.

- Ахти, и я свой под себя послала, - сказала старушка и хотела уже его из-под себя вытащить, но боялась, чтобы при этом не качнулась лодка (а воды старушка ужасно боялась) и оставила свое намерение.

Лениво Гриша работал кормовым веслом; лодка тихо скользила, а он безмолвно любовался красотой невиданной. Скоро перелетела лодочка; Григорий досадовал, зачем так узка Кострома река, зачем она не море широкое, раздольное, по которому бы он готов был плыть всю жизнь свою.

Лодка причалила к городскому берегу, старушка, приподнявши сарафан, побрякивая, выползла из неё и осторожно побрела по грязи; но девушка стала на обочине лодки и в раздумьи глядела на грязный берег.

Гриша бросился на вырчку.

- Как здесь грязно, - сказал он трепетным голо- сом.

- Да, грязно, - не глядя на него, прошептала красавица и протянула было ножку в шитом блестя- ками черевичке.

Григорий подал ей дрожащую руку, другою охва- тил её стан и, крепко, крепко прижав к сердцу, перенес ее на сухое место и поставил возле старушки. Из уст красавицы вырвалось невольное: ах! Она чувствовала, как его шелковистые кудри скользнули по её пылающей щеке, слышала, как чутко колотилось его сердце.

- Что это за боярышня такая, хорошее ли дело, бесстыдница, на руках носят; ноги, что ли, отсидела, - сердито поглядывая на Гришу, ворчала старушка. Девушка покраснела еще пуще и готова была запла- кать, но Гриша сказал:

- Невозможно в таких черевичках перейти такую грязь; в пору и нашему брату, - и удивлялся своей смелости.

- Так ты, дружок, вон к тому бы плоту пристал!

- Тот почти весь в воде, - ответил мальчик.

- Изволь-ко за труды, молодец! Спасибо, что перевез, - молвила старушка и, развязав один конец своего носового платка, вынув денежку, подавала Грише. - Изволь!

- Благодарствую! Труд мой невелик; Ведь все равно - мы бы одни поехали же, - кланяясь, отвечал Гриша.

- Полно чваниться-то, возьми на пряник, годит- ся, возьми, дружок!

- Ей Богу не возьму, - говорил Григорий, покраснев до ушей.

- Возьми, возьми - не упрямься!

- Сказал, что не возьму.

- Ну, как хочешь; губа толще, так брюхо тоньше, вишь спесив больно. А годилось бы; что делать, боль- ше не случилось, да и река не широка, и не видали как переехали, - говорила старушка обидясь. - маль- чик, возьми ты! Ну, он как хочет, а твое дело детское - калач купишь, - и она протянула руку к мальчику.

Мальчик, с худо скрытою радостью, взял денеж- ку и поклонился.

Поклонился и Гриша; тем же ответили и старушка с девушкой. Подобрав сарафаны, оне по- шли в гору на Ишанскую улицу; а Григорий стоял на одном месте и грустно смотрел им в след.

Серая лошадь в яблоках, запряженная в крашенную тележку, встретила бабушку с внучкой; здоровый кучер в сером армяке осадил лошадь, и, поровнявшись с ними, остановился. Старушка и де- вушка вскарабкались на высокую тележку, которая и поворотила назад; Грише показалось, что красавица оглянулась на него и потом закрылась платком.

Через минуту они скрылись из виду; а он, придерживаясь рукою за грудь, как бы удерживая с удвоенной силой стучащее сердце, все еще стоял и смотрел в пустое пространство. По биению сердца узнал он, что спокойствие его нарушено, и навсег- да...

Невыразимо грустно было Грише. когда опять сел он в свою лодку; слезы просились на глаза, а плакать было стыдно; да что за глупость, о чем ему плакать? Ничего не видел Григорий на возвратном пути, ни на что не смотрел; не отвечал на вопросы мальчика, не слышал его болтовни; он опустил голову и сидел потупившись. Воображение рисовало ему то

красавицу с её обворожительным взглядом, то хлоп- потливую старушку с денежкой в руках и их послед- ний прощальный поклон; и грустно, невыразимо грустно было Грише.

- Гришенька, ведь отец-то больно хворает; я ду- маю послать за священником, - говорила Ирина Ми- хайловна, встречая сына, входящего в избу.

Но сын молчал, и потупив голову, как будто счи- тал половицы.

- О-ох! Головушку ломит, - послышалось с пала- тей.



В следующую субботу, Дарья Алексеевна в передней избе нового дома, которая кроме величины и косячатых окон, ничем не отличалась от старой, - пекла блины. Иван Ильич их кушал. Потап, также сидя у дверей, получал по временам подачки от Дарьи Алексеевны. Это было часов в семь утра.

- Когда ты думаешь, дружок Иван Ильич, ново- селье справлять? Родные и соседи завалили нас хле- бом-солью. Чай всех надо будет позвать? - спросила старушка.

- В понедельник Настя будет именинница, так и новоселье и именины думаю справить за один коно- бой, - отвечал зять.

- Так, дружок! Да ведь гости все захотят, чтоб именинницу за пирогом поздравить, а где это вида- нс, чтоб девку во все люди на веселье выводить?

- Эх, матушка! Да ведь гости все почти родные будут, кроме Живчикова; все они знают Настю; а Живчикова я и не звал бы, да сам напросился, зная Настю своим глазом хочет посмотреть. И то по два мясоеда отбою не было.

- Напрасно ты и отбиваешься, дружок; Луку Герасимыча хвалят; по-моему, веселым пирком да и за сладбку.

- Ну об этом подумаем; да и куда торопиться: девка еще не оstarок, в хорошем житье наживется, а в худом наплачется. Поговорим-ко лучше о ново- селье: чай, поварью надобно?

- И! На что дружок поварья, лишние траты, мы позовем Никитишну: она мастерица стряпать, и де- вичи пособят.

- Каких же припасов надобно? Ты подумай, ма- тушка. Я думаю, в понедельник не все будут скоромное кушать.

- Как же, дружок: первая Ульяна Михайловна, она понедельничает, как и я, грешная; вторая Са- вишна; матушка попадьа тоже, Гаврило Семеныч и братец Марко Алексеевич тоже понедельничают Рыбки надобно приготовить непременно.

- Хорошо, я Потапа пошлю к Безродному: живой принесет.

И через несколько времени Иван Ильич на серой лошадке, управляемой Потапом, катил в лавку.

В это время в светлице происходила другая сцена. Настя, с покрасневшими от бессонницы глазами, не- одетая, сидела на постели; она склонила грустно го- ловку на ладонь левой руки; телогрейка, накинутая небрежно на плечи, спустилась.

Дуняша отвернула полу браного полога и села в ногах подруги.

- Я думала, что ты заснула, - сказала она: - а ты не спишь. Послушай, Настя, какая ты сделалась бледная, под глазами посинело, на что похоже, ведь



захворать не долго, что за дурь себе в голову вбила: тошно, грустно, а о чем, - спросить, - сама не знаешь, дурачишься; по-моему, не о чем грустить, куда батюшку Бог милует; Ведь сговорки еще не завтра? Хоть от Луки Герасимыча и отбою нет, да еще ведь не порешили.

- То-то есть, что напрасно он хлопочет, за него-то уж никогда и не пойду, - отвечала Настя.

- Врешь, пойдешь, как батюшка прикажет; где это видано, родительской воли послушаться, - возразила Дуня.

- Нет, уж лучше в монастырь пойду.

- Вот какая старица, похожа на старицу, - нечего сказать, особливо наемдни, как стала рассказывать про того пострела, что через реку перевозил: и такой и сякой, незамазаной, красавец написанный, ни в сказке сказать, ни пером написать; а у самой щеки так и пынут. Старица!

Настя уткнула голову в подушку и трепетала, - от смеху или от рыданий, нельзя было видеть. Вздушка продолжала:

- Не о чем тебе, Настя, кручиниться да дурь на себя накидывать: заметит бабушка, начнут лечить да отшептывать, да слава по городу пойдет, что дескать Барышниковы невеста дряхла, тогда и женихи не будут свататься, и поневоле в девках останешься.

- Неужто ты горевать бы о том стала, Дуняша? - спросила Настя, повернувшись к подруге и протирая влажные глаза.

- Еще бы не горевать! Что за жизнь. Покуда молодая, невестою чтут, наряжают, да не выпускают никуда, держат как птичку в клетке, а тут будешь постарше, пожалуй ходи по церквам да монастырям, так нарядиться не дадут: надень старушечью шапку с ушами и ходи в ней как хочешь.

- А замужем разве легче? Сухота, забота; каков муж навяжется, угождай ему, свекрови угождай, семье угождай.

- За то уж как пава нарядилась, да с мужем и гуляй на всех гулянках, на всех свадьбах пируй. А будто уж и мужья все худые? Есть и хорошие, есть так, что не жена мужу, а муж жене угождает. Вот что бывает, говорит Никитишна.

- Мало ли, что она говорит; она говорит: сначала жених и нелюбовь бывает, а после полюбятся; а по-моему, постылый жених и мужем постылым будет.

- Ну, ладно, говори что хочешь, а все пора вставать, да вниз идти завтракать. Тебя, Настя, совсем и от еды отбило.

- Ох, Дуняша, сердце больно болит!

- Уж не сглазил ли тебя тот молодец, что перевозил? Уж баушка бранила его, бранила, шелкопером зовет.

Настя закрыла лицо руками и зарыдала.

- Вот-те на! Да она взаправду плачет? Полно, Настя, как тебе не стыдно! Неужто о чужом молодце? Фу, как тебе не стыдно! Побойся Бога.

- Да, правда, Дуняша, он чужой и никогда не будет моим! Это правда, зачем плакать, зачем тосковать, - говорила Настя; всхлипыванья прерывали её голос и слезы бежали в три ручья. Дуняша с участием смотрела на подругу и не знала, что сказать.

- А хорош он? - спросила она, помолчав.

- Хорош, Дуняша. И ты сказала бы это, если б его видела. И кудри у его русые; правда, что в три ряда, - говорила Настя, улынувшись сквозь слезы.

- Уж не напудрен ли он как наш воевода?

- Полно, Дуня, насмеяться! А как из лодки он меня высадил, так и не знаю что со мною было, так бы сквозь землю и провалилась; а глаза словно туман застилает, ничего не вижу, кроме его, и баушки не взвидела.

- Нехорошо, Настя, выкинь из головы такие пустяки.

Долго бы еще длилась беседа девушек, если б не послышался внизу голос Дарьи Алексеевны.

- Эй, девицы! Что ж нейдете, блины остыли! - кричала старушка, постукивая сковородником об лестницу.

- Что это, пташки, долго почиваете? - встретила старушка внучек. - Настя, да что ты невесела, и глаза словно от слез покраснели?

- Так, баушка, по матушке взгрустнулось, не поднимаю глаз, - отвечала Настя.

- Полно, дружок, слезами умерших не воскресить; да ты и не помнишь матери. Молись Богу, чтоб отцу здоровья дал. Ну, завтракайте, лапшу крошить надобно; в понедельник Иван Ильич надумал справлять твои, Настя, именины и новоселье. Сейчас пошлю за Лузихой, и она нам пособит.

Девушки уселись за стол.

- А вон и она, легка на помине! - сказала Дарья Алексеевна, взглянув в окно и увидела желтую наметку Никитишны. Через минуту Никитишна переступила порог избы, помолилась, и на все стороны поклонилась.

- Доброго здоровья, Дарья Алексеевна, девицы красные! А я и поспела к блинцам; говорят: роковой к обуху, а счастливый к обеду всегда поспеет, - говорила Лузиха, отдуваясь и шуря глаза.

- Добро пожаловать, Наталья Никитишна! Садись и покушай! Эй, Дуня! Принеси чарочку вишневки Никитишне; там в горнице, на поставце, в большой скляннице, - говорила Дарья Алексеевна.

Дуняша исполнила приказание.

- А я вот хотела только посылать за тобой, - продолжала хозяйка: - выручи из беды, Наталья Никитишна; зятек захотел в понедельник новоселье сводить: пособи постряпать, голубушка!

- С превеликой радостью, Дарья Алексеевна, - отвечала Лузиха, опорожнив чарку и закусывая блинами.

Вскоре Лузиха, засучив рукава своей миткалинной рубахи и завесившись белым передником, меси-ла большие колобья и рассучивала в лист писчей бумаги. Девушки крошили лапшу и раскладывали ее на опрокинутые решота.

- Куда мы такую уйму накрошим, - спросила Дуняша. - Уж не Насте ли на свадьбу!

- Молчи, воструха! Немного, все приберут: ведь гостей-то человек шестьдесят будет. Да что ты сестру-то коришь, мы тебя наперед выдадим, - сказала весело старушка.

- А я жениха найду, да и закабалю к заговенью, - отозвалась Лузиха.

- Эх, где тебе меня сосватать! Ты к Насте-то с Лукой Герасимычем пороги обила, а все дело на лад нейдет, Наталья Никитишна, - отвечала Дуняша.

Лузиха погрозила пальцем, а Настя толкнула Дуняшу локтем. Острый ножик, бывший в правой руке Дуни, сорвался, скользнул по левой, и алая кровь показалась из Дуниных розовых пальчиков.

Следующую ночь Настя притворялась будто спит, но Дуняша не притворялась и лежа возле подруги ворочалась с боку на бок; ей не спалось, она

придумывала, как бы узнать и кого спросить о молодце, который перевозил бабушку со внучкой, а не знала на кого напасть. «Разве Никитишну, - думала она, - Никитишна знает всех в городе. Хорошо, спрошу Никитишну, - уж я знаю, как завести разговор».

И в воскресенье утром, когда Настя, после бессонной ночи, крепко заснула, Дуняша шепетала в избе, помогая в стирке Дарье Алексеевне и Фетинье. Вскоре присоединилась к ним и Лузиха.

У Дуняши вертелся на языке интересовавший ее вопрос; но она не знала, с чего начать.

Вдруг у Дарьи Алексеевны прорвался карман и медные денежки и полушки посыпались на пол.

- Али опять за реку бабушка собиралась и деньги на перевоз приговорила? - спросила Дуня, едва удерживаясь от смеха.

- Что ты зубы-то скалишь? Этакой грех, карман прорвался! Это я к обедне собираюсь, то нищих поделить приговорила, - подбирая деньги, говорила сердито старушка.

- Поскупилась же ты бабушка на медни, одну денежку за перевоз-то заплатить хотела. А перевозчик-то, говорят, словно боярин, и меньше рубля не берет, - наивно продолжала Дуняша.

- Рубля? Шутила рублем. Да он весь и с лодчонкой-то рубля не стоит, - бахвал этакой.

- А красив он собой? Настя говорит, что больно красив!

- Да замолчишь ли ты! Рано еще больно стала о молодцах думать; мы в твою пору куклами играли, - перебила грозно Дарья Алексеевна.

- А кто это, Дарья Алексеевна? - спросила с любопытством Лузиха.

Дарья Алексеевна будто не слыхала вопроса; она только сердито взглянула на Дуняшу, и та прикусила язычок, и улыбнулась сквозь слезы. Значит, продолжать этот разговор уже было больше нельзя.

Ударили к обедне. Дарья Алексеевна и Наталья Никитишна ушли в церковь, наказав крепко-накрепко Дуняше, чтобы пироги в печи не подгорели. Фетинья ворочалась в подклете, где она готовила кушанье про себя, кучера Потапа и четырех молодцев - приказчиков. Настя сошла вниз; Дуняша, дружески упрекнув подругу в том, что до сих пор она спала и не успела вычесать голову и принарядиться, как следует, попросила ее, в свою очередь, посмотреть пироги в печи, а сама ушла прибрать горницу, которая служила и гостиной и спальней для Ивана Ильича. Дуняша высоко взбила пуховую постель своего благодетеля, пересмотрела, вся ли посуда стоит на своем месте в поставце. Поставец этот был дубовый, глухой внизу и с мелкими стеклышками в верхних дверцах. За стеклами стояла посуда немецкого стекла и множество серебряных стаканчиков и чарочек, а также и солонки; а посреди их возвышался огромный хрустальный бокал, в который входил штоф какой угодно жидкости. На одной стороне бокала был двуглавый черный орел, коронованный золочеными коронами, на другой золотой вензель Императрицы Анны Иоанновны, под императорскою короною. Внизу, за глухими дверцами, стояли стопы оловянной столовой посуды и несколько сулей с разноцветными наливками. Дуня стерла пыль с широких лавок, вымела пол, накрыла стол браной скатертью, и засветила свечки перед образами.

В это время Настя расплела свою длинную косу и примочив квасом, принялась машинально расчесывать волосы. Потом, облокотясь на стол и полускрыв глаза, она начала по обыкновению мечтать о красивом перевозчике, забыв и пироги в печи и все окружающее. Вдруг кто-то стукнул кольцом приворотным. Настя вздрогнула, сердце как будто упало; она вскочила, взглянула в окно; но кто-то так быстро промелькнул, что нельзя было заметить. Дверь распахнулась и перед ней стоял, как будто с неба свалился или из-под земли вышел тот, о ком она сейчас думала. Гриша, в голубом кафтане и персидском кушаке, мят в руках свою шапку с крымским околышком, краснел и робко кланялся.

- Я пришел... Я принес... - но узнавши в Насте предмет своих помыслов, Гриша ошелбенел, замолчал, забыл все окружающее, только глядел на нее и не мог произнести ни слова.

Услышав его голос, Настя затрепетала; она убежала бы, но дверь он заслонил собою; она желала бы провалиться на месте, но пол под ней не расступался, и она осталась на месте словно прикованная; она краснела, бледнела, потупляла глаза, опять взглядывала на него, потом снова опускала голову и не произносила ни слова; она забыла спросить, кто он и зачем пришел? Чем бы кончилась эта немая беседа, в которой без слов так много высказали друг другу молодые люди, - неизвестно. Дуняша, слышав скрип дверей и походку незнакомого человека, поспешила в избу. Неожиданная сцена поразила девушку донельзя. Взглянув на наружность Григория, на смущение Насти и странные взгляды, она сейчас поняла, кто это был, и оправившись от первого впечатления, она поклонилась и бойко спросила:

- Кого тебе надобно, добрый человек?

- Я пришел... я рыбы... принес. Иван Ильич к батюшке... за рыбой... присылал... - кланяясь и заикаясь, отвечал Григорий.

- Где же рыба?

- На дворе дожидается человек с лоханкой.

- Так надобно сказать Фетинье, чтоб она ее на погреб вынесла. Пойдем. А ты, Настя, что это с распушенной косой гуляешь? Да посмотри в печи: пироги, чай, упеклись. - Дуняша пошла вон. Григорий должен был следовать за нею. Он грустно взглянул на Настю, у Насти слезки навернулись, но она даже не шевельнулась. Гриша тоже не поклонился ей; на пороге он опять оглянулся. Настя стояла все на одном месте и глядела на него не мигая. Он затворил за собою дверь, оставив за порогом, как говорили романисты прошлых времен, свое сердце.

Дуняша позвала Фетинью, приказала ей убрать рыбу, а сама, украдкой поглядывая на Гришу, поспешила в избу. Насти уже не было. Бедная девушка по уходе Григория опомнилась; у нее как будто что оторвалось от сердца, сильные рыдания разрывали грудь. Она убежала в свою светлицу и, бросаясь в постель, старалась в подушках заглушить свои стоны. Наконец тихие слезы несколько облегчили ее взволнованное сердце.

- Так и есть! - ворчала Дуня: - убежала; что ей за дело до домашнего дела! Пироги все еще в печи, баушка скоро воротится - и Дуняша бросилась к печке. - В самом деле, пироги давно были готовы и начинали уже подгорать. Дуняша, выбрав их из печи, опять сбежала вниз, чтоб еще раз взглянуть на Григория, красоте которого она отдавала полную справедливость. Напогребница от крыльца отстояла

очень близко, так что, если что говорилось там, то на крыльце было слышно. Дуняша притворила немного дверь и встала за нею, смотря сквозь щель. Фетинья и Григорий были на напосредности; Фетинья перекладывала рыбу из лоханки в кадочку с водою, Гриша ее допрашивал; но как она была глуха, то разговор и не совсем клеился.

- Хозяин ваш верно затевает пир? - спросил Григорий.

- Где много дыр? Родной! Кажись кадушка не разохлась и вода не утечет, - говорила Фетинья, не дослышавши.

Гриша рассмеялся.

- Я говорю, Иван Ильич верно хочет делать пирушку? - сказал он погромче.

- Да, родной, Иван Ильич добрый человек, он держит старушку тещу, да я живу, да девушка взятушка, - вот что видел - Авдотьей зовут.

Дуняша досадовала, слушая болтовню глухой старухи, и хохотала.

- Да что у вас завтра будет? - почти вскричал Гриша.

- Стол в избе, стол в избе; вишь хозяйская дочь, Настасья Ивановна - именинница, - тоже почти кричала Фетинья, совершенно уже поняв вопрос.

- А я думал сговор, - сказал про себя Гриша; потом прибавил громко: - женихов, чай, у хозяйской дочки и счету нет?

- Вестимо, и счету нет богатству у Ивана Ильича.

- Женихам-то, у Настасьи Ивановны счету нет?

- Да есть таки, батюшка, сватаются; да ишь она у нас какая трешинка стала: нивесь больна, нивесь здорова, в постеле не лежит, а ест что твой цыпленок; съездила с баушкой после семина дня за реку, да что-то попритчилось, - знать, на воде лихоманка пристала, что ли - Бог весть.

Гриша невольно вздрогнул и схватился за грудь.

- Вот у меня батюшка нездоров; не знаю, чем Бог обрадует; ты не знаешь ли Степана Петровича? - сказал опомнясь Гриша.

- Что, родной, Петровича?

- Знаешь Степана Петровича Безродного? Он к вам все рыбу носил.

- Как не знать моего голубчика, хороший человек; знаю, знаю.

- Я сын его!

- Ох, не слышу.

- Я сын Безродных.

- Ты-то, ты-то! Родимый; ишь какое яблоко наливное! А что Ирина-то Михайловна здравствует ли? Бывало, голубка, навины белила на покойницу молодую хозяйку; уж такая была мастерица. Да вот уж я никуда не хожу, так и не вижу прежних товарок.

- Матушка здравствует, да батюшка нездоров.

- Здравствует? Ну, слава Богу.

- А батюшка болен!

- Чем это, мой голубчик?

- Головушкой; и пользоваться не хочет. А вы что молодую-то хозяйку не полечите?

- Она не жалуется на головушку, - сердечко, что ли, болит, уж право не умею сказать. А сердце вот так на ее, мою голубушку, и выболело.

- Ну прощай, баушка, - сказал Гриша, принимая от Фетиньи пустую лохань.

- Прости, голубчик. Как звать?

- Григорий.

- Прости, Егор Степаныч.

- Григорий, а не Егор, баушка!

- Ну, Григорий Степаныч. Вишь глуха, стара стала; да и смолоду-то крепонька была на ухо. Ишь, меня Иван Ильич батюшка у Дубоносных купил, так еще барин-то не что, туда и сюда, а уж боярыня то была легонька на ручку, не тем будь помянута: за всякую малость все в голову, да в голову утюжила, вот и оглушила, - никуда не гождь.

И, раскланявшись с Гришей, Фетинья поплелась в избу; в избе никого не было, она заглянула в заднюю горницу, - и там никого, и она, потопывая тяжелыми котами, пошла в светлицу. Ей непременно хотелось кому-нибудь пересказать разговор свой с Гришей. похвалить его за то, что он с ней не корыстной старухой не погнушался потарабарить. Когда она отворила дверь в светлицу, обе девушки сидели на кровати. Настя, бледная, с заплаканными глазами, склоняясь на руку, молча слушала увещания и утешения своей подруги.

- Ах, девушки, что за молодец сынок Степана Петровича Безродного! Что за яблоко наливное, - заговорила Фетинья, усевшись на порог. - Вот бы тебе в женихи, Настасья Ивановна, вот бы парочка была.

Настя грустно улыбнулась.

- Полно врать, Фетинья; собираешься купеческую дочь за работника, - в своем ли ты уме? - перебила Дуняша: - Да я, круглая сирота, и тут не пошла бы за него.

- Ладно, пусть я глупа; а чем же худ Григорий-то Степаныч? Парень - кровь с молоком. И какой добрый, ласковый! Что я, некорыстная старуха, а он небось не зубоскал, а говорит, как следует. Слово-то скажет, - словно рублем подарит. Чванься, Авдотьюшка! Не пошла бы за него? Да еще и не возьмет. Погоди, засватает тебя Лузиха за какое-нибудь старое охряпье. Увидим, - говорила Фетинья, обидевшись.

- За что же ты, няня, Дуняшу обижаешь? - сказала Настя.

- А за что же она сокола-то ясного обижает? Что он не богат, - ну богат Бог милостью. А разве у твоего батюшки казны, что ли, нет, наградить скудного зятя?

- Не смей, не смей прочить Настю за бобыля, - покраснев с досады и топнув ножкой, говорила Дуня.

- Да что ж ты в самом деле кричишь? Голубушка-то моя Настенька не сердится, а ты что это разворчалась на старуху, разве я не добра вам желаю? Иван Ильич, я слышала говорит: был бы, дескать, зять человек разумный, а что мне его богатство, тьфу, да и плюнул; разве, говорит, у меня своего нет? Да, вот он что говорит: а что, - разве дурак какой сынок-то Ирины Михайловны? Небось не глуп. Счастлива Ирина Михайловна, что таким детищем ее Бог наградил!

- Поди-ко, няня, что я тебе скажу, сказала Настя кротко.

- Что, моя радость, что такое? - Фетинья подошла.

- Ты, пожалуйста, Фетиньюшка, не говори баушке, кто принес рыбу, - скажи, что принес так будто кто-нибудь, старик, что ли.

- А я хотела все рассказать, да еще прихвастать.

- Нет, - ничего, няня, не говори.

- Ничего не скажу, мое золото, коли тебе неугодно.

- А я все расскажу, - сказала шутя Дуняша.

- А что ты расскажешь, что я с ним говорила?
- Да что про Настю и про меня говорила. Баушка и даст тебе за это.
- Ишь, какая ябеда! Ну, говори, я запрусь и духом и сном; скажу: знать не знаю, ведать не ведаю. Ведь запор святое дело.
- Уйди же отсюда, старая хрычовка, кто тебя звал?

- Уйду, уйду, матушка, ширься одна.
- Убирайся!
Фетинья хлопнула дверь и затопала с лестницы, ворча довольно громко: буду молчать, буду молчать, как камень, коли тебе это угодно, мое золото.

По уходе Фетиньи, Дуняша, видя, что Настя по-прежнему сидит понуря голову, заговорила:

- Сердита я на тебя, Настя: ты такая плакса стала, что из рук вон. Ну, о чем, ну, о ком горевать, о ком думать? Об рыбаке? Ведь совсем ты обезумела, рассуди-ко ты сама-то.

- Что же мне делать, Дуняша? Что мне делать? - отвечала Настя, закрыв лицо руками. - Нечего теперь таиться от тебя, ты сама все видела, да и думы-то душевные кому я поведаю, как не тебе? Ты у меня одна - и сестра и подруга. Ты его видела сама,

своими глазами; разве он хуже какого купца, или даже боярина, отвечай!

- Я не хулю его, Настя; да что проку в твоих слезах, охах, да вздохах? Ведь уж замуж тебя ба-тюшка за его не выдаст, - что же мучить-то себя понапрасну. Я вижу, что и он крепко тебя любит, - отвечала Дуняша.

- Да разве вольна я в своем сердце? Пусть уж лучше умереть, чем идти за другого. Вот и все, более чего и ждать мне.

- Ты бы больше молилась, Настя; ведь может это наваждение от лукавого. Баушка говорит, что такие помыслы и монахиням в монастырях бывали.

- Что ж мне делать, если и на молитве, и во сне и наяву, он в мыслях и в глазах; вот будто так его перед собою и вижу.

- А если батюшка или баушка узнают?

- Разве ты им скажешь?

- Что мне сказывать. Бог с тобою, Настя; я жалеючи тебе говорю, ты на меня не сердись.

Вместо ответа, Настя обняла Дуняшу.



Продолжение ловите в следующих номерах.

ЖЕЛАЕМ ПРЕДЛОЖИТЬ



САЛОН «ГОРЕНКА»

приглашает

гостей города Костромы и костромичей
обязательно заглянуть
в уютный подвальчик на Молочной горе, 3.



Здесь вы можете выбрать изделия из бересты, лозы, глины, купить домо-тканые половики и отрезы батика.

Если вам ничего не подошло, в нашем магазине вы можете оставить заказ на мебель из лозы, посуду, элементы интерьера по эскизам художников или своим собственным.

Принимаются заказы на оформление офисов.

Тел. 57-61-51.

ИГОРЬ ПАТЫНКО

Я ТАК ХОЧУ ТИШИНЫ...



«Я родом из июньского добра» - сказал о себе в одном из стихотворений Игорь Патынко.

И все его творчество - стихи, проза, художественная фотография - словно солнечным светом пронизано добротой, искренностью, сердечностью, любовью к природе, к людям, ко всему, что есть на земле живого и прекрасного.

Мне особенно по душе его стремление проникнуть в самые сокровенные глубины человеческого духа, прочувствовать, осмыслить весь этот милый и запутанный мир - от первого дня творения до неясного призрачного утра, которое уже занимается.

И это понятно, не случайно первыми из любимых писателей Игорь назвал Достоевского и Набокова, Верлена и Рембо, Блока и Есенина. Ну, конечно, и Есенина, ведь Игорь Патынко - уроженец Рязани!

Не случаен и выбор профессии - выпускник Рязанского медицинского института Игорь Патынко четыре года назад приехал в Кострому и работает здесь в одном из медицинских учреждений.

Надеюсь и верю: зреет большой художник, в этом меня убеждает все созданное Игорем Патынко, включая большое лирическое повествование в прозе, названное им - «Сотворение. Этюды к акварели». И все, что еще будет создано им и уже начато, тем более, что он еще совсем молодой - двадцатисемилетний.

А.БЕЛЯЕВ, член Союза писателей России.

МОЛИТВА

*В горести моей я иду к Тебе,
В слабости меня гнет сомнений сонм.
Господи, прости, слишком много бед
Возлюбив себя, мы к Тебе несем*

*В сонной духоте духом я устал,
Разум мой впотьмах истину двоит...
Сколько раз мои дерзкие уста
Всё помянут именем Твоим!*

*В робости моей я к Тебе иду
И не вижу свет Твоего венца.
Господи, избавь от бесплодных дум,
Тех, что до утра не было конца.*

*Ужасу ночей больше меры нет,
Больше силы нет в сумраке пути.
Господи, прости... дашь ли веры мне
В радости к Тебе чтобы смог прийти?*

*Скажи, может правда пойму,
Зачем умирает май?
Никто не скажет ему:
«Пожалуйста, не умирай!»*

*Скажи, может я не прав,
Может все обернется добром?
У лета капризный нрав?
Что там за сентябрем?*

*Может, станет одной из вех?..
Там над твоей головой
Первый тающий снег,
Теплый и живой..*

*Живой для того, чтобы жить?
У леса так много затей...
Будет зима сторожить
Тайны шагов и людей.*

*А птицы - это к утру,
Я недавно узнал...
Только не разберу,
Ты это или весна?*

*А небо смеется:
Мы не понимаем,
Что каждый год обернется
Маям..*

*Пусть все идет, как шло.
Я не хочу ничего менять.
Лето опять зажгло
Грусти томительную благодать.*

*Пусть все своим чередом.
Падает тихий зной.
Твой голубой дом
Чем-то похож на мой.*

*Нет, я не то чтоб устал -
Просто хочу тишины,
Когда полуночная свежесть густа
И листья луною освящены -
Я так хочу тишины.*

*Шагом, куда-нибудь прочь,
Здесь перед августом все мы равны...
Я так хотел бы объять эту ночь!
Чем вы, высокие, удивлены?
Просто хочу тишины.*

*Просто мне трудно уснуть.
Прошлые радости нынче грустны...
Тишь открывает мне самую суть -
Прошлые грусти сегодня смешны
Там, где дрожат полуявь-полусны.*

*Спит в беспорядке трава,
Здесь тропы пусты и темны,
И ни о чем не болит голова -
Я возвращаюсь до захода луны -
Я так хочу тишины.*

ЛИВЕНЬ

*Где вы, липы-девы?
Кто вы, ивы-вдовы?
Кареглазый демон,
В доме темноты вдоволь...*

*Призрачна стена-штора...
Крыл Седых Ангел,
Ливень бьется в сто рам,
Сбивчивый, как дыханье.*

*Нежен дым одежды,
Сорванной ветрами.
(На груди надежда
Пламенем свечи. Амен)*

*В небесах трещин
Бежевый поединок...
Пальцы, будто сны, вещи,
Свилися воедино.*

*А глаза-трели
(Каждый взмах ресниц-вехи)
Вы куда смотрели,
Спрятавшись за веки?*

*Мир к утру не был сломан,
Лишь в глазах стынет камедь...
В первый день - слово,
А потом - память...*

ВЕЧЕР

Темным-темно. Руки устали. Они теперь, обесиленные, лежат на столе будто отжили свое.

По комнате разбросаны листки. Стекло окна чуть прохладно и это хорошо для разгоряченного лба. Оно искажает город в танце замороженных огней. Я вижу улицы, простроченные цепочкой фонарей. Вижу дома в светлых прямоугольниках окон. Видел небо, как оно в последний раз полыхнуло закатным лучом и скрылось. И больше нет неба. Одна только тьма вверху. В темнеющей округе, хотя что может быть темнее черного бархата слепоты, я перестал замечать людей, даже их силуэты.

Все мы начинаем и кончаем одинаково.

Одиночество.

А в середине несколько беспорядочно разбросанных листов бумаги. Наброски к жизни.

Этюды судьбы.

Их можно носить с собой. Складывать по ночам как пасьянс. А они недоступны нашей логике. Иногда мне кажется, что «логика» - это просто не то слово которое здесь необходимо. Они не подходят друг к другу. Они чередуются себе, как им придется: темное со светлым, блеклое с цветным.

Не переправить.

Не изменить.

Ты помнишь, однажды я хотел показать тебе, как лучше нарисовать осень, но дрогнула рука. С той поры твоя акварель залита чужеродной краской. Ее не смоешь слезами. Таковы свойства всех акварелей.

Ты знаешь, мне кажется - никто не виноват, что мои деревья не приживутся на твоих холмах - слишком разные краски мы брали. Это ведь ясно, что моя охра с твоим кобальтом никогда не даст ультрамарин. Чудо уже то, что наши с тобой облака получились пусть разных цветов, но одной радуги!

И когда я пишу вечер, то в запахе засыпающих кварталов ветер шепчет твоё имя.

Когда я пытаюсь изобразить полуночную тишину еще не родившегося нового дня, то в силуэте полутеней за окном узнаю твоё лицо.

Когда яркими красками утра я наношу звуки шагов на дремлющий асфальт, то они напоминают твои.

Когда пытаюсь добиться гармонии в картине полуденного зноя, то в переплетении травы угадывается запах твоих волос.

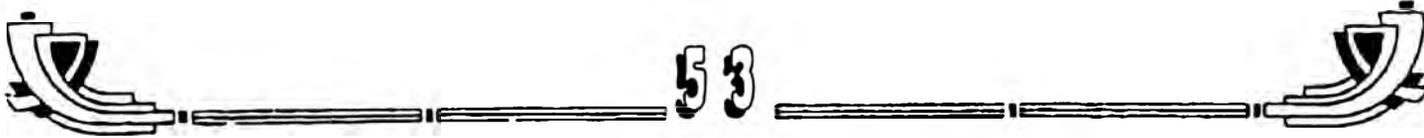
А вечером на освещенных закатом стволах неподвижных деревьев кисть оставляет теплый оттенок твоих глаз.

Может, наше с тобой СО-ТВОРЕНИЕ - условие успеха?

Встретились ли мы? Наверное, да, на тот краткий миг, который больше, чем все остальное. Ты ведь помнишь, мы шли навстречу друг другу. Это не важно, что момент нашей встречи так и остался незамеченным.

Ведь вдохновение это воскресение еще до смерти. Ими, как вехами, измеряется прожитый путь. А если это так, то у нас еще осталось время. Единственное, что может быть между нами общего.

Единственное, что могло бы нас разлучить.



Среди множества дат и событий этого года важно не забыть одно - пять лет назад в Костроме родилась артель сатириков и юмористов «Дракон». За это время артель добилась веселых успехов в юмористическом строительстве, досрочно по всем показателям выполнила пятилетний план и вышла не только за пределы нашей губернии, но и многого чего другого. В канун юбилея председатель артели Владимир Иванович Рахматов лично отобрал и принес в «Губернский дом» все самое лучшее из 5-летнего творческого наследия артельщиков.



ДОСКА ПОЧЕТА АРТЕЛИ, ИЛИ КТО ЕСТЬ ХУ?

ЛИДИЯ КИРИЛЕНКО. В юности мечтала стать кухаркой и управлять государством. В более зрелые годы последовала призыву плаката «Родина-мать зовет!» и пришла в артель «Дракон» единственной женщиной-добровольцем. С тех пор сидит и не уходит.



ВЯЧЕСЛАВ СМИРНОВ. Активно способствовал умственному развитию многих костромских юмористов, в том числе и председателя артели «Дракон». Широкую известность приобрел как поэт-пародист, а всенародное признание получил как переводчик с украинского на русский. Отметив 70-летие, впал в детство и решил основать филиал артели - «Дракошу».



ГЕРБЕРТ КЕМОКЛИДЗЕ. Живет от нас через дорогу в городе Ярославле. За пятьдесят с небольшим мальчишеских лет успел издать гору юмористических и сатирических книг. В настоящий момент выдает на-гора очень серьезные повести и романы.



ПАВЕЛ РУМЯНЦЕВ. Верный продолжатель дела Антона Павловича Чехова, как в медицине, так и в литературе. Автор литературной новинки весенне-летнего сезона - книги «В нашем славном городе». Немного словен, задумчив, личный друг председателя артели «Дракон». Грозится написать вторую часть «Трех сестер» Чехова, озаглавив ее «Три медсестры».

ВАСИЛИЙ ЧИСТОВ. Художник до мозга кистей. Блестяще иллюстрировал произведения всех членов артели «Дракон», но не успокоился на достигнутом. Непьющий, некурящий, морально устойчивый, отзывчивый и вообще черт знает какой.



ВЛАДИМИР ФАТЕЕВ. Больше слышен по радио, виден по телевидению, нежели в повседневной жизни. Любимый сатирический жанр - эпиграмма. Творческую энергию расходует экономно, мечтая дожить до капитализма с человеческим лицом.



ВИТАЛИЙ ПАШИН. Писателем-юмористом стал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В жанре юмора и сатиры дослужился до генерала. Из всех положенных по чину льгот пользуется только заслуженным читательским успехом.

ЮРИЙ СЕМЕНОВ. Один из самых видных по внешности, росту и другим разведанным поэт-пародист СНГ. Призер фестиваля «Улыбки Севера-93». Поднял на смех практически всех стихотворцев России, благодаря чему память о них навсегда сохранится в наших сердцах.



ВЛАДИМИР РАХМАТОВ. Хорошо известен не только по своему, но и народному творчеству: «Брови черные, густые...». По возрасту не попал на Беломор-канал, поэтому особенно ценит одноименные папиросы. В журнале «Губернский дом» публикуется впервые. Как, впрочем, и все авторы - члены артели «Дракон».

ЛИДИЯ КИРИЛЕНКО
ПРИВАТИЗАЦИЯ

Костромичка Марья Петровна Курочкина купила подержанный танк. Вообще-то она шла за маслом. Но ничего не было: ни масла, ни сахара, ни колбасы. И тут на переезде мужички предложили за четыре водочных талона танк с платформы.

- Бери, тетка, что есть! - сказали они. - Сейчас приватизация. Все уже раскупили. Тебе, тетка, только и осталось, что танк купить.

Первыми об этом узнали в США, Франции, Италии и Турции. Затем, как положено, в Москве. И, наконец, в Костроме.

Начальство переполошилось, послало узнать: правда ли? «Правда, - доложили посыльные, - стоит во дворе возле поленницы, дулом книзу».

Что тут началось! Весь город пошел крутой рябью, как озеро перед бурей. Вокруг Березовой рощи поставили цепью три взвода «спецназа». Здания Советов, администраций и федерации профсоюзов забаррикадировались, стачкомы срочно приступили к выработке новых требований к властям. Как метлой размело очереди перед магазинами. Никто не знал, куда Марья Петровна двинет свой танк.

Марья Петровна ела квашеную капусту без масла, когда перед крыльцом остановилась легковая машина «Волга», и в горницу вошел неместного вида молодой человек, который без предисловий предложил ей согласиться с ним на бартер. Несмотря на то, что Марья Петровна не знала, что такое «бартер», она сразу же решительно отказалась. На все предложения золотых часов, машины «Волга» Марья Петровна упорно повторяла одно и то же: «Я - честная вдова».

Когда молодой человек сказал: «Да пропади ты со своей железякой» и уехал, в голову Марьи Петровны впервые закралось подозрение: а не приехал ли он из-за танка? И неужели за эту штукину можно что-то получить? Очевидно, последнюю фразу она сказала вслух, потому что...

- Можно, можно, - сказали за ее спиной. - По закону получите.

Марья Петровна обернулась и обомлела: два высоких и широкоплечих закрывали окна и двери.

- Где прячете рацию? - спросили они.

- Голубчики, - взмолилась Марья Петровна, - ничего нет, один радиоприемник. И тот не работает.

Через два часа, убедившись в правоте ее слов, широкоплечие исчезли так же бесшумно, как и появились. Марья Петровна села на стул и задремала. Разбудили ее шум и топот, доносившиеся с улицы.

- Что это, Нефедыч? - постучала она в сараюшку соседа.

- Демонстрация кооператоров, - объяснил сосед.

- Кричат: «Руки прочь от собственности Марьи Петровны!».

Она вышла на улицу. Толпа, двигавшаяся лавиной в сторону «Сковородки», стащила ее с места и

повлекла, крутя и бросая с изгороди на изгородь. Наконец ей удалось зацепиться за какой-то штакетник. Толпа прошла мимо, оставив на Марье Петровне транспорт «Повернем дуло новой «Авроры» на универмаг «Кострома»!

Не успела Марья Петровна подняться, как новая толпа, двигавшаяся от «Сковородки», поволокла ее в другую сторону. «Ударим костромской «Авророй» по партократии!» - только и успела она прочитать.

Завидев свои родные ворота, Марья Петровна мертвой хваткой вцепилась в них и задержалась.

На следующий день все повторилось сначала. Дверь ее дома не закрывалась. Все спрашивали, с какой целью она приобрела танк в частную собственность.

Марья Петровна устала объяснять, что танк она купила просто так, потому что не было масла и вообще ничего не было. И что он ей не нужен, как и водочные талоны. Никто не верил. Народный фронт печатал листовки с ее портретом, а УВД печатало ее портрет без листовки, на всякий случай.

В городе был созван чрезвычайный съезд депутатов, главным вопросом которого был намечен вопрос о танке Марьи Петровны. Третьи сутки шло заседание. О танке забыли: дебатировался дополнительный вопрос о необходимости совмещения постов и должностей на современном этапе. Масла по-прежнему нигде не было.

- Послушай, Нефедыч, - сказала Марья Петровна. - Ты мне сказал, что трактористом был.

- Был, - ответил Нефедыч.

- Ну-ка покажи, как эта штука заводится.

- Чего проще! - сказал Нефедыч.

В городе перестали печь хлеб, пришивать пуговицы и топить котельные. Чрезвычайный съезд депутатов на двенадцатый день решил вопрос о совмещении должностей с резолюцией о необходимости совмещения. Масла по-прежнему не было.

...И тогда Марья Петровна вывела свой танк...



ОТПУСК ПО-РОССИЙСКИ

Раньше, бывало, Башмаковы перед отпуском изругаются вдрызг.

- Не хочу больше в Прибалтику! Мы там уже семь раз были! Хочу на Кавказ!

А теперь такой проблемы нет.

На рассвете жена Башмакова тычет своего мужа в бок.

- Петь! На участок пора ехать, пни корчевать.

- Да темно еще, который час?

- А я почему знаю, который? Будто для тебя новость - будильник сломался, починка больше зарплаты стоит. Часов пять уже - на девятом этаже балконный петух прокукарекал.

- Да то, может, не на девятом, а на седьмом. Он когда попало горланит.

- Нет, на девятом. На седьмом теперь петуха нет, они поросенка завели. И корову тоже.

- Все равно рано! - никак не разлепит глаза муж.

- До вокзала пятнадцать минут езды.

- Да на чем ехать-то? Пешочком придется топтать, в транспорт разве сядешь? Водители как увидят тысячную толпу на остановке, так сразу в испуге мимо, не открывая дверей, мчат.

Через полчаса Башмаковы вываливаются на улицу. Муж катит позади себя тележку с рубероидом, на спине у него сидор с кирпичами, в одной руке пила и топор, в другой грабли, вилы и коса. У жены на плече плотный рулон полиэтиленовой пленки, из рюкзака выглядывает газовый баллон, под мышками пакеты с суперфосфатом, ногой она толкает перед собой старую детскую коляску, заполненную по капот цементам.

Перрон забит народом, навьюченным не хуже Башмаковых. На свой начальный пункт электричка приходит уже каким-то образом заполненной ровно наполовину. На оставшуюся половину - конкурс, как прежде в университете, - десять человек на место. Начинается посадка.

- Гражданин! Или как там теперь тебя, господин! Ты что же пилу, едри твой корень, в чехол не упрятал? Ты мне, душа из тебя вон, шею до позвонков отпилил!

- Женщина! Выньте из меня свои вилы! Мочи уже нет терпеть. Что я вам, навозная куча, что ли?

- Папаша, побойтесь Бога! Вы же мне электромотор на правую ногу поставили! Ставьте уж тогда на обе - чтобы сразу на инвалидность перевели!

- Мать! Что там из твоего бидона по моим коленям такое липкое течет, а? Ты что думаешь, я миллионер, у меня дома еще одни штаны есть? А?

- Дед, будь другом, хлорофос мне за шиворот прекрати сыпать - у меня кожа с детства чувствительная.

Наконец поезд тронулся, и все более менее располагаются кому как повезло. Начинаются душевные разговоры выходного дня.

- У нас один мужик где-то прочитал, будто колорадского жука можно отравить, если посадить рядом с картошкой душистый табак. Жук, дескать, этот табак страшно любит. Набрасывается на него, а про картошку забывает. Ну, значит, и посадил. Так

к нему жуков этих нагрянуло - ё-моё - со всей области! Некоторые даже из других регионов налетели. И каждый само собой табачку нюхнуть хочет. Всем, понятное дело, и не хватило. Озлившись, они, сукины дети, подчистую картошку сожрали.

- А у нас одинначинойощий огородник на природе выпил и стал на участке вечером пень корчевать. Почти всю ночь упирался.

А утром оказалось, что он пень выкорчевал не на своем участке, а на соседском. Теперь требует у соседа, чтобы тот взаимнообразно его пень выкорчевал, а сосед ни в какую. Мол, я тебя не просил. Если, говорит, хочешь, сажай пень обратно.

От станции до участка три километра по шоссе, потом еще пять лесом. По шоссе Башмаковы идут более-менее бодро, а вот в лесу тележка катится плохо, приходится все чаще останавливаться, чтобы перевести дух. К участку они добираются на четвереньках и, подстелив старое одеяло, садятся перекусить.

- Маш! - говорит Башмаков, посыпая черный сухарь крупной солью. - Ты помнишь, какие в Пицунде шашлыки были на пляже?

- А в каких кроссовках я по Юрмале щеголяла! - вздыхает жена, устало вытягивая ноги в старых резиновых чунях.

- А вино-то в массандровском дегустационном зале! - покачивает головой Башмаков, прихлебывая из железной кружки голый кипяток.

- Все, хватит! - решительно говорит жена, поднимаясь. - За дело.

Башмаков мастерит из веревки петлю, набрасывает ее на пень и, багровея, начинает тащить. Жена низко склоняется над грядкой.

Домой они приползают затемно. Ночью Башмакову не спится.

- Маш! - говорит он жене. - Ты помнишь, такой анекдот раньше ходил? Будто инопланетяне летят над нашей страной, один другому говорит: «Надо же, у них культура какая! Астрономией поголовно увлечены! В небо через карманные телескопы глядят. А это мужики, Маш, из горла пьют.

- Ну и что?

- А интересно, Маш, что эти инопланетяне теперь сверху видят, когда у нас весь народ внаклонку по участкам лазает?

- Постыдилась бы, интеллигент! - осуждающе сказала жена и повернулась к мужу этим самым местом.



ПОХОРОНЫ

Вчера мы с другом моим Колдобиним насчет собственных похорон разговорились. До пенсии нам всего-ничего, страна катится к пропасти, и кто ж, как не старики, первыми в эту пропасть загремят. При капитализме, там вышел на пенсию, и целое светлое будущее у тебя впереди. У нас не так. У нас весь первый день заслуженного отдыха в очереди за хлебом проторчишь, на второй его только работающим начнут давать, на третий продавщица еще и пошутит: «Помирать, старый хрыч, давно пора, а тебя вон и вперед ногами все равно в магазин несет».

- И ведь что обидно, Федь, - хрястнул кулаком по станку Колдобин. - Вот если ты, скажем, рабочим человеком помрешь - тебя родной завод похоронит, большую часть расходов на себя возьмет. А когда на пенсию выйдешь? На нашу пенсию жить-то нельзя, не то что прилично умереть.

Расстроился, конечно, я. Как прикинул, во что по нынешним ценам в свой последний час жене обойдется, так тошно стало, хоть и совсем не помирай.

- Тебе до пенсии-то сколько? - поинтересовался между тем Колдобин.

- Месяц и десять дней.

- Тогда действовать надо, Федь. А план у меня такой: пьешь завтра с утра без закуски литру, сутки беспробудно спишь, я же тем временем на завод бегу. Так, мол, и так, понесли мы тяжелую утрату, скоростно скончался наш товарищ и мой лучший друг...

- Не поверят, справки всякие требовать начнут.

- Брось ты! Да у нас сейчас хлебом не корми, дай у кого-нибудь на поминках на халяву погулять. За упокой начнут, впрямь закончат. Но главное, что пока ты еще в заводском строю, то тебе и гроб с памятником за счет предприятия организуют и удобное место на кладбище застолбят.

- Но я же ведь проснусь? - неуверенно перебил Митрича я.

- Когда проснешься, все ритуальные услуги будут оплачены, понял? На пенсию выйдешь, а у тебя уже и гроб, и памятник в кладовочке стоят, хлеба не просят. Насчет же оживления твоего скажем: этот самый... летаргический сон у тебя был.

Сроду не любил я всякие там махинации, а тут зло взяло. Сорок лет на государство горбатился, на диван-кровать не заработал, так пусть хоть гроб будет за казенный счет.

- Ладно, - говорю, - Митрич, согласен. Только ты уж хорошенько за всем проследи, сам знаешь, в какой стране дураков живем. Мертвого забудут зарыть, а вот живого, чтоб поминки не сорвались, за милую душу закопают.

На следующий день Митрич ко мне ни свет, ни заря пришел. «Ну, - говорит, - Федь, давай в последний путь обряжаться. У тебя вон сегодня, считай, вы-

ходной, а у меня столько горя впереди. Труссы и майка новые есть?»

- Ты чего, - говорю, - в Кремле что ли живешь, в простые магазины не заглядываешь? Да откуда им быть-то, от сырости что ли? Все штопанное-перештопанное, дыра на дыре.

- Так... - почесал в затылке Колдобин. - Ничего, Федь, мы и бельишко в таком разе справим за казенный счет.

- А мне чего, голым до этого времени лежать?

- Зачем голым? Будешь лежать, как и положено, под простыней. Я тебя с головой укрою, чтоб спокойней тебе спалось.

Литр водки Митрич с собой принес, да у меня было кое-что. Налив в мой стакан, Колдобин крепко задумался, а потом, махнув рукой, и себе налил.

- Если, - говорит, - я в такой горестный для меня день трезвым на заводе появлюсь, никто в мою тяжелую утрату не поверит. А выпивши я даже зареветь по-настоящему смогу. Со слезами на глазах я из них, гадов, на похороны по высшему разряду деньги выбью!"

- Все, я труп! - сообщил я, опрокинув последний стакан.

- Вот и хорошо, - обрадовался Колдобин. - Раздевайся, ложись в комнате на стол, сейчас я на тебя простынку накинута.

Раздевал и укладывал, конечно, Митрич, у меня обнаружился полный упадок сил. Мысли, правда, уютные, приятные шуршат - надо и впредь, когда шибко переберу, голым на полированном столе спать...

Но недолго пришлось в одиночестве лежать. Вроде сплю, а сквозь дрему слышу, что Митрич кого-то уже привел. Ну не кого попадая, конечно, а членов похоронной комиссии, которой у нас всю жизнь нормировщица Валька Тараболкина руководит.

- Отмучался, Федор Фомич! - включив себя на полный звук, запричитала Тараболкина, хотя раньше бы надо реветь-то, когда расценки, стерва, каждые полгода срезала.

- Легко помер, как заснул. - утешил ее Колдобин.

- Сидим с ним, значит, в пять утра, чай как всегда пьем и вдруг он: «Все, Митрич, я труп!» и бац о бутылку с чаем головой! Только и успел сказать: «Похороните, мол, меня, братцы, по-людски».

Слышу, председатель цехкома Стебликова носом зашмыгала:

- Да что мы не люди, что ли! Вот деньги, Митрич, живо в похоронное бюро лети! Чтоб одна нога здесь, другая - там!

Судя по возне в прихожей, ноги у Митрича действительно разъезжались. Успел-таки еще с кем-то меня помянуть. Вскоре понял с кем - с Колькой Подошвиным, который день работает, два провожает кого-нибудь в последний путь.



- Золотой был мужик наш Фомич, безотказный, главное, - донесся из кухни голос Подошвина. - Вчера сотню хотел у него стрелнуть, так впервые в жизни отказал. Предчувствовал, видно, что не отдам. Хотя... Хотя, если было предчувствие, на хрена он три напильника домой уволок?

- О покойниках или хорошее, или ничего, - строго сказала Тараболкина.

Не припомнив обо мне ничего хорошего, Подошвин умолк. Зато Тараболкина со Стебликовой о чем-то шептались, шастали туда сюда и обратно.

- Ну все, воду я навела, а обмывать, Валь, вам с Подошвиным придется! - прокричала из ванной Стебликова. - Я по телевизору-то на голых мужиков глядеть не могу, а тут в живом, то есть в мертвом виде...

«Бляха-муха, - с ужасом догадался я. - Во влип, так влип! Но уж раз вмазался в эту историю... Терпи, казак, атаманом будешь».

- В ванной вроде не положено обмывать! - подал голос Подошвин, лучшие годы жизни проведенный на похоронах.

- А на то, что положено, у нас давно положено! - с пролетарской прямоотой отрезала Тараболкина и резко, будто открывая памятник, сдернула с меня простыню.

- Ой, Валь, прямо и не скажешь, что ему под шестьдесят, - видно, разглядывая меня во все глаза, ахнула стыдливая Стебликова.

- Безвременно ушел, - согласилась Тараболкина, наверно, вспомнив, чего обещала мне, когда я капусту ей на пятый этаж таскал.

- Ну ведь как живой лежит, - ласково погладив меня в области поясницы, сказала Стебликова.

- Ага, - опять согласилась Тараболкина. - Так и кажется: встанет шас, подмигнет, мол, не плачь, Валь, я к тебе вечером капустку пробовать забегу.

- У меня, между прочим, тоже капуста нынче удалась! - непонятно на что обиделась Стебликова.

- Ну хватит его разглядывать-то, не в мавзолей пришли! - не выдержал Подошвин. - А ну, бери, за что кому удобней!

Члены похоронной комиссии недружно ухватили меня кто во что горазд и, стуча моей головой обо все косяки, перенесли в ванную.

- Тяжелый черт! - проворчал, отдуваясь, Подошвин. - Все кричим, что жрать нечего, а кого в последнее время ни хороню, под сто кило вытягивают. Оступиться - насмерть могут задавить.

- Поддай-ка лучше шампуть, трепло! - оборвала его Тараболкина, но в этот момент в прихожей надрывно зазвонил телефон.

- Ну чего звонишь, чего звонишь, не до вас сейчас! - крикнула в трубку Тараболкина и вдруг, сменив интонацию, зачистила: «По скоку будут давать? Дают уже? По десять килограмм в одни руки? Ой, Том, займи очередь, мы со Стебликовой мигом подбежим».

Я живым укором лежал в ледяной воде, но Тараболкиной со Стебликовой стало явно не до меня.

- Так Фомича-то не будем что ли обмывать? - мрачно поинтересовался Подошвин. - В такой воде покойник по второму разу за просто дуба даст.

- Ой, Коль, мы буквально на минуточку, - на ходу бросила Стебликова. - Фомич вон отмаялся, ничего не нужно человеку, а мы-то живы еще.

- Вертихвостки, - пробурчал хлопнувшей двери Подошвин, остановившись надо мной в раздумьи: управиться с помывкой самому или устроиться с папирасой на кухне, размышляя о бренности земного существования и зачем теперь покойнику вон тот огуречный лосьон. Решение задачки подсказал Подошвину донесшийся с улицы похоронный марш.

- Елки-моталки! - ахнул он. - Так это ж Пашку со второго таксомоторного понесли!

В ту же секунду Подошвин сорвался с места и, будто боевой конь, умчался на призывный звук оркестровой трубы. Я же дрожа, как выходящий из льдов атомоход, выбрался из ледяной ванны и, проклиная все на свете, решил: хватит валять дурака, надо срочно найти Митрича и комедию эту кончать.

- Мммарина? - выстучал я зубами имя колдобинской супруги, - я вот чего звоню, слушай: супруг твой сейчас не знаешь где?

- Храпит аж стекла звенят, - неприветливо отозвалась колдобинская «половина». - Чуть тепленький посреди рабочего дня домой приполз и давай в похоронное бюро собираться. Еле уговорила до завтра это дело отложить, да еще кучу денег каких-то отобрала. Ты не в курсе, это премия или на самом деле у вас помер кто?

- Помрешь тут с вами!.. - простуженно прохрипел я и положил трубку.

ВЛАДИМИР ФАТЕЕВ

КРОШКИ НА ЛАДОШКЕ



ВЫУЧКА

*Так потянулось исконок,
Что на Руси - один закон.
Один закон по всей Руси:
Не верь, не бойся, не проси.*

ОБЕД

*Марши. Митинги. Речи. Дебаты.
В телевизор страна вросла...
Перерыв. Господа депутаты,
Закусите чем Буш послал.*

БАЛЛАДА

*Как ныне собирается вещи Олег
Толкнуть неразумным хазарам,
Покуда инфляции буйный набег
Его не обчистил задаром.*

ПРОБИЛ ЧАС

*Жил-был у бабушки серенький козлик.
Рынок построили козлика возле.
Цены спустили...
На этой дорожке
Видела бабушка ножки да рожки.*

ПОЕЗДКА В ЛИВЕРПУЛЬ

Все началось с того, что Петрович предложил:
- А не съездить ли нам в Ливерпуль на ответный футбольный матч московского «Спартака»?

Мужики в курилке так со смеху и попадали.

- Ну ты, Петрович, и загнул! - сказал самый молодой у нас, Колька. - Да такая поездка в сто тридцать тысяч с каждого встанет! Вон по телику рекламируют. Ты со своими пятью тысячами в месяце сидел бы и не рыпался!

- Дурень! - отрезал Петрович. - Не выслушаешь старших, а туда же... Я, ведь, чего... на нашем заводском ПАЗике предлагаю махнуть...

И тут мужики призадумались.

- А что! - неожиданно поддержал тихий и молчаливый Иван Кузьмич - В Лужники за триста верст ездили, а до Ливерпуля - слабо? Пораньше выехать и успеем!

- Ой, умора! - не унимался Колька. - В Англию - на ПАЗике! А граница, а визы, да бензин, наконец!?

- Тыфу, ты, балало! - выругался Петрович. - По мне важней Семеныча уговорить, чем про твои дурацкие визы слушать. Нас, допустим, за две недели и не заметят, все равно смежники комплектующие не поставили, к тому же аккурат между авансом и получкой укладываемся. А вот Семеныча-то с его автобусом быстро хватятся!

- Да-а... - вздохнул Иван Кузьмич. - Обидно...

- А у меня идея! - воскликнул Витька Смирнов. - Давайте Семенычу командировку оформим. К смежникам. Ведь если по карте посмотреть: то километраж что до ихнего Ташкента, что до нашего Ливерпуля - одинаковый!

- Только в разные стороны! - ехидно заметил все тот же Колька.

- Еще раз вякнешь - не возьмем! - не выдержал Петрович.

После этих слов Колька примолк, а мужики начали детали обсуждать, все-таки первый раз за рубеж выезжали...

Семеныча уговорили быстро.

- Е-мое! Конечно сгоняем за наших поболеть, - сказал он. - Только, чтобы путевка от профкома была, а то из проходной не выпустят.

В профкоме заминка вышла. Председатель аж побелел:

- Куда это вы намылились? Какая Англия! Пропадете там. Вся ваша зарплата по нынешнему курсу десяти пенсов не потянет!

- Ишь какой заболитый! - урезонил его Петрович.

- А где ты был, когда мы все лето без копейки жили? Знал, что не помрем... приспособимся...

- Так то в России. К тому же вы и языка не знаете!

И вдруг Колька на чистейшем английском такое выдал, что председатель и путевку подписал, а даже материальную помощь оказал: шиллинг отдал, что англичане-туристы ему в том году презентовали. А мы подивились. Не знали про Колькины способности. А Колька сказал, что и сам не знал, что по-английски может, так, говорит, вырвалось из подсознания неполной средней школы. Мужики заржали, дескать, учил-учил в школе, а только теперь дошло, как до жирафа.

А вообще компания подобралась веселая. Как за ворота родного предприятия выехали, так начали заводиться на футбольный лад.

- В России... - крикнул Филимонов, - ...нет еще пока... команды лучше «Спартака»!

И мужики хором вдарили:

- «Спартак» - чемпион! «Спартак» - чемпион!

И понеслось-поехало. Семеныч баранку накручивает, мы - горланам. Полный вперед!

А Петрович, он у нас мастак покрывать, как гаркнет:

- Гоша Ярцев - наш орел, забивает в сетку гол!

Ну, тут уж мы дорвались, от души поорали. Это наш боевой клич. Дело в том, что бывший прославленный форвард московского «Спартака» был родом из наших мест.

Вот так весело Москву миновали, Смоленск. По дороге привалы делаем, пищу на костре готовим, ночуем в автобусе. Нам не привыкать, а запасов еще с доперестроечных времен осталось. Мы - народ неприхотливый, нам и коммунисты, и демократы - все ничпочем.

Стали к границе подъезжать. Тут Колька говорит:

- Вот ты, Семеныч, все предусмотрел: бензину три бочки на заднее сиденье и три на крышу пришпандорил, а одной мелочи не учел.

- Какой это? - спросил Семеныч.

- А на границе колеса меняют. Там колея уже, а ты запасное шасси не взял!

- Е-мое! - испугался Семеныч.

Ну мы в покатуху! Вот Колька балало! Что мы - поезд что ли?!

Но, честно говоря, границы нашей побаивались. Застрянем в Бресте и на матч опоздаем. Планы различные строили. Одни, во главе с Филимоновым, предлагали таможников напоить; другие - надеялись на солидарность, но не польскую, а мужицкую, болельщицкую; Иван Кузьмич предлагал пешком дальше идти, он войну вспомнил, как хаживал по этим местам, и никто никаких виз у него тогда не требовал... А погода осенняя, туман, слякоть, смеркается рано. Едем-едем, а этой границы все нет и нет. Давай, говорим Семенычу, тормози в ближайшем населенном пункте. Утро вечера мудренее...

А по утру проснулись... Смотрим в городе каком-то стоим. Крыши у домов высокие, острые. Башня с часами. Вылезли из своего ПАЗика по нужде, вдруг видим женщина на нас несется с метлой, машет, кричит что-то, да не по-нашему, а по-польски. Дворничиха что ли?

А она исходит: «Старо място! Ратуша! Варшава!»

Тут до нас дошло. Выходит, мы границу ночью проскочили и не заметили как в Польшу укатили, да мало того в центре Варшавы привал сделали! Ну и туманище был! Хорошо, что утро раннее, и никого, кроме этой дворничихи на улицах нет, а то бы международный инцидент мог возникнуть. Ну, мы скорее в автобус повскакивали и деру!

Пс том уже на берегу Вислы в себя пришли, остановку делили, позавтракали.

Петрович говорит:

- Ну и бардак! Границу никто не охраняет.

А Витька Смирнов отвечает, что дело не в бардаке, а в тумане.

Иван Кузьмич вмешался: «Да не спорьте вы! Пять дней до матча осталось, надо поторапливаться», - и предложил, - «До Берлина я вас поведу, мне эта дорога с сорок пятого года знакома.»

- А не заплутаешь, Сусанин? - съехидничал Колька.

Иван Кузьмич обиделся, дальше все молчал, но до рейхстага нас точно довел. Семеныч довольный, фронтовые песни за рулем распевает.

- Эх, - говорит, - жаль, что среди нас нет мужиков с восьмьюсот двенадцатого года, а то бы до Парижу рванули.

Ну, чего Берлин? Город как город. Проехали его и попали на автобан. В Германии этих автобанов, что у нас канав на Привокзальной площади! Не заплутать бы. И везде знаки - не меньше ста километров в час! А наш ПАЗик, как не жми, еле-еле на восемьдесят идет. А «мерседесы» - вжик, вжик, спуют... Семеныч в панике:

- Все, мужики, - кричит, - не доедем! На крайнюю полосу движением сносит. Этак если у каждой деревушки с трассы будем сходить, так и вовсе в Ливерпуль не попадем!

Что делать?!

Тут Филимонов решился.

«Ладно, - говорит, - жертвую!» И достал десятилитровую флягу со спиртом. Вылили мы его, значит, в бак и... понеслись! «Мерседесы» как стоячих обходим. И не думали, что в нашем ПАЗике столько прыти. Правда, на поворотах заносит, так надо думать от такой дозы. А Филимонов крепился, крепился, но в конце не выдержал:

- Хотя бы выхлопную трубу в салон завернуть! Такое добро пропадает. За победу «Спартака» хотел... Эх!..

Пока он вздыхал, мы Германию, можно сказать, пролетели и оказались в Голландии... Европа! Цивилизация! Ни тебе границ, ни таможен. Почти как у нас прежде в Союзе было. Прибыли в Роттердам. Ну, это где футбольный клуб «Фейеноорд» играет. Нашли тамошний порт. Оказывается, как раз сегодня на Ливерпуль паром отчаливает. Мать честная! А у нас, как назло, ни одного гульдена за переправу заплатить.

Что делать?!

Тут кто-то из наших вспомнил, что по всей Европе жутко английских болельщиков боятся, что их то из одной, то из другой страны выдворяют за буйный нрав.

Филимонов говорит, что видал он этих самых английских фанов в Лужниках - мальчишки и сопляки супротив нас. А Колька мысль подхватил. «Надо, - говорит, - показать этой Голландии - кто к ним пожаловал!».

Ну, показали... Всего-то пару раз и крикнули: «Спартак» - чемпион! - как мигом пять полицейских машин наш ПАЗик окружили. Еще бы! У нас один Петрович может так гаркнуть, что эхо до самой Бельгии долетит! На российских просторах человек вырос!

Полиция всполошилась: кто это тишину в Европе нарушает?

Колька на переговоры отправился.

«Рашен фанаты! - объясняет. - В Ливерпуль, мол, едем!»

А Петрович воздуха набрал для очередного клича. Полицейские перепугались, руками машут: «Ню! Ню!»

В общем, выдворили нас до парома с полицейским эскортом. А нам того и надо!

А паром, ой, мама, махина! В 12 этажей! Боксы для машин, подъезды, серпантины между этажами, словно у нас в Кавказских горах, и везде буфеты, клозеты... Мы с непривычки заплутали где-то между 8 и 9 уровнем, пока пятились, пока разворачивались, глянь, и Ливерпуль оказался!

А погода - английская: с моря сыростью веет, вдали над городом - солнце светит. Нам же не до погоды. Два часа до начала осталось, успеть бы! Кричим Семенычу: «Давай, жми!» А он - по тормозам!

- Не понимаю, - говорит, - еду вроде правильно, а встрынные от меня шарахаются?!

- Левостороннее движение! - догадался пронырливый Колька.

- Е-мое! - заартачился Семеныч. - Не поеду! Вдруг аварию совершу, посадят!

- В английской тюрьме лучше, чем у нас на воле! - пошутил Филимонов.

- Цыц! - вмешался Петрович. - Не зубоскаль! А ты, Семеныч, не бойсь! Выезжай на середину и дуй прямиком. Оно так безопаснее: что слева, что справа - проезжая часть одинаковая.

Семеныч так и сделал. До стадиона, знаменитого «Анфилд Роуд» мы добрались.

А там народу! Билетов в кассе нет! До начала пятнадцать минут. Ну, думаем, - все! Не попадем! Такую дорогу сделали и надо же! Полицейские кордоны мощные, через забор нигде не перемахнешь. Сидим - мрачные, злые. Чуть не в слезы от обиды. Лучше бы дома остались по телику смотреть...

Вдруг слышим кто-то рядом матерится по-нашенски. Глядим, Гоша Ярцев у входа на стадион мечется. Ну, мы к нему. Он увидел нас, обрадовался:

- Земляки! Вот это встреча! Какими судьбами! Витька! Иван Кузьмич! Петрович! Е-мое! и Семеныч здесь! - тискает нас в объятиях.

А Петрович мрачно отвечает:

- Здесь-то здесь, да что толку - все равно билетов нету!

Тут Гоша Ярцев и достает пачку. Ну, прямо, как в кино!

До начала пять минут. На бегу уж выяснили, что Ярцев теперь организатором при «Спартаке» работает, привез туристов, что по сто тридцать тысяч отвалили. Ну, большинство из них ребята крутые, на трибунах сидят, а часть на проверку липовыми болельщиками оказалась, вместо футбола по ливерпульским барахолкам рванула, а Гоша и ждал их до последнего, как дурак. Хорошо, что мы подвернулись, а то бы пропали билеты.

Ну, дальше чего рассказывать? «Спартак» победил 2:0! Петрович полстадиона перекричал, когда Радченко первый гол забил! И мы не отставали. Да вы, наверное, видели нас по телику, с флагами! Говорят, нас показывали...

Возвращались с хорошим настроением! Дорога знакомая! Вот едем домой и думаем:

«А не махнуть ли нам в следующий раз в Марсель? Ведь «Спартак» без нашей поддержки ни за что не выиграет!»

ЮРИЙ СЕМЕНОВ

ПАРОДИИ

ГЛАГОЛОМ ЖЕЧЬ...

*Отжило, отошло, отдышало,
Отболело, прожгло, разнесло
По ночным закоулкам земшара
Золотое людское тепло...*

Сергей Мнацканян.

Шел. Дождался, купил, нализался.
Захотел - отколот, отмочил.
Вырывался, шумел, выражался.
Протрезвел. Заслужил, получил.
Не сомкнула. Ждала, горевала,
Проклинала, стонала сквозь бред...
На земшаре глаголов навалом,
А имен существительных нет.
Отболело. Отжило. Уснуло.
Отсмеялся, отпел, отплясал.
Засосало. Светло. Затянуло.
Отшумел, отдышал. Отписал.

АПОФЕОЗ ПОЦЕЛУЯ

*Поцелуем - так себе, не очень-то -
Напрочь опрокинула меня...
Что же ты со мной набедокурила?
Не могу забыться долгим сном...*

Валентин Кузнецов.

Ты вес мой грунто мысленно прикинула,
Взгляд бросила решительный такой...
Так поцелуем ловко опрокинула,
Что даже не притронулась рукой.
Любому эта участь неминуема,
Ведь твой характер нестерпимо крут.
Как топором, ты валишь поцелуями,
Не спрашивая даже, как зовут.
И поцелуев звонкими хлопучками
Взрываются притихшие поля.
Стоишь с губами, несколько припухшими,
А возле ног - мальчишек штабеля.
Лежу в грязи и впору мне закуривать
И не пойму решительно никак:
Уж ладно - ты со мной набедокурила,
Ну, а причем здесь новый мой пиджак?..

БЫЛО И ПРОШЛО

*В прошлой жизни я была зенитной пушкой,
Ни один не пропустила самолет...*

Ольга Ильницкая.

Я - зенитка, бью по целям ловко.
В небе лишь завижу самолет,
Сбрасываю тут же маскировку -
От меня машина не уйдет.
Расчехляю я свою зенитку,
Забиваю боевой снаряд.
Самолет подбит с одной попытки -
Это все соседи подтвердят.

Чтобы познакомиться с пилотом,
Верняком мои зенитки бьют.
Бог-то с ним, с несчастным самолетом,
Только бы сработал парашют.
...Да, все это было, было, было,
А теперь другие времена -
Как наводку выполнять - забыла
И в других вопросах не сильна.
В прошлой жизни был всегда порядок,
Был прицел надежней и острей.
То ли нынче нужных нет снарядов,
То ли цели движутся быстрее...

ЗАПАНИБРАТА

*Большеглазая девочка Фокина Оля
Над листком карандашик подносит к губам
Переметной котомочкой Коли Рубцова
Чуть колышется степь у Руси за плечом...
...Чтоб грибок и рыбак дядя Витя Астафьев
у сырого костра их сумел прочитать.*

Андрей Романов.

Олю Фокину нежно целую я в лобик.
Дядя Витя Астафьев заметил мой стих.
По плечу меня хлопал Рождественский Рубик,
А с Расулом рог пили один на двоих.
С Филей Чуевым в дружбе. А что здесь такого?
С Ахмадулиной Беллой - знакомство в уме.
Не могу лишь добраться до Гоши Дедкова -
Критик этот живал, говорят, в Костроме.
Саша Пушкин однажды шепнул мне на ухо
(До сих пор не уйму восхищения дрожь),
Он шепнул мне на ухо: «Послушай, Андрюха!
При знакомствах таких далеко ты пойдешь!».



КАТАЛИЗАТОР ЛЮБВИ

*Забывшие чувства проснулись,
И гладит, забывшись, рука
Жены (почему-то волнуясь)
Рукав моего пиджака.*

Виктор Широков.

Однажды, когда в полной мере
Стал лыс я и чуть перезрел,
В отжившем свой век шифоньере
Дрянной пиджачишко узрел.
Забывтое чувство проснулось.
С волнением не справясь никак,
Руками жена потянулась
Погладись мой старый пиджак.
Я выглядел принцем из сказки,
И мысль застучала в виске:
Чтоб снова испытывать ласки,
Начну-ка я спать в пиджаке.

ВИТАЛИЙ ПАШИН
Из цикла «Письма доброжелателей».

В МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ

Прошу сообщить мне, на какой счет смогу я перевести вам десять тысяч рублей для нужд перестройки или в фонд милосердия - на ваше усмотрение. Правда, такой суммы у меня в данный момент нет, но от вас зависит появится ли она в моем распоряжении в ближайшее время.



Спешу также выразить свое одобрение принятому Закону о выезде из СССР. Я его давно ждал, поскольку несколько лет назад принял твердое решение переехать на постоянное место жительства в Мадрид или на Канарские острова, которые видел по телевизору. Но после выхода вышеназванного закона решение мое поколебалось, и если вы выполните мои условия (а они в равной степени выгодны и мне лично, и родному государству), я откажусь от переезда и принесу пользу Родине, не выезжая за ее пределы.

Теперь по сути дела: наши социологи утверждают, что за границу имеют желание удрать шесть миллионов моих соотечественников (в это число, разумеется, включен и я). Те же социологи с помощью компьютера подсчитали, что операция с эмиграцией обойдется нашей стране в сто двадцать миллионов рублей. Разделив это число на количество желающих уехать, получим в частном двадцать тысяч рублей. Иными словами - на каждого эмигранта, в том числе и на меня, Родина затратит двадцать тысяч. Правильно? А если я не поеду за границу, откажусь добровольно, значит, мои двадцать тысяч останутся в казне, то есть я сэкономлю государству эту кругленькую сумму. Логично?

Но я не Рокфеллер, чтобы делать такие щедрые подарки даже любимой Родине. А с другой стороны, оставить все деньги себе - совесть не позволяет. Поэтому я решил разделить их по справедливости: жертвую казне любую половину этой суммы, а что останется, прошу перевести мне. (Адрес - на конверте).

И. Сидоров.

ВЯЧ. СМИРНОВ.

БУКЕТ МАЛЫШАМ

КТО?

*Знай, малыш, на всякий случай:
Есть в лесу зверек колючий.
Голой ручкой не возьмешь,
Потому что это...*

Вж

*В буреломе он живет,
Любит ягоды и мед.
Начинает рев спросонок:
Он капризный...*

Медведжонок

*Шубку беленькую он
Износил в один сезон.
Клету серая даха
Будет тоже неплоха!
Вот попробуй, угадай-ка,
Кто по следу скачет?...*

Зайка

ЧТО?

*Помогал сегодня маме.
Вот пошел я за дровами,
Но открыть сарай не мог:
На дверях висел...*

Замок

*Не могу чулки заштопать.
В этом деле нужен опыт.
Нитки взял, да мало толку:
Не могу найти...*

Иголки

*Я отталкивал посуду.
Говорил, что есть не буду.
А ведь хочется немножко.
Где моя большая...*

Ложка

ВЕРЬ - НЕ ВЕРЬ
Шутка

*Темной ночью солнцепек.
Летним днем морозным
Вдоль деревни - поперек
Время было поздним.
Я в начинке с пирожком
Видел рыбный запах.
Куры к озеру гуськом
Шли на задних лапах.
А в подвале, где чердак,
С криком - втихомолку
Сытый заяц натощак
Снял овчину с волка!..
Я в телеге шел пешком
Налегке с устатку:
В новых туфлях босиком
Песни пел вприсядку.*



ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ «КОСТРОМА И КОСТРОМИЧИ»

1. По преданию Кострома основана в 1152 году князем Юрием Долгоруким на левом берегу реки Волги при впадении в нее реки Сулы.

2. Статья С.Ягодкина «Известие о городе Костроме» была опубликована в журнале «Новые ежемесячные чтения» в 1793 году, 200 лет тому назад.

3. С давних пор жители нашего края занимались охотой, рыболовством, земледелием. Со временем развивались гончарный промысел, солеварение, ткацкое дело, деревообработка.

4. В создании исторического центра Костромы принимали участие архитекторы С.А.Воротилов, Н.И.Метлин, В.П.Стасов, П.И.Фурсов...

5. Раненого во время Куликовской битвы князя Дмитрия Ивановича нашли костромичи Федор Сабур и Григорий Холпищев.

6. Первая типография была открыта в Костроме в 1793 году. До закрытия типографии в 1796 году в ней было напечатано 9 книг.

7. Многие храмы древних русских городов расписывали костромские мастера, наиболее известные из них - Гурий Никитин и Сила Савин.

8. Богоявленский монастырь был основан в 1429 году. Его строителем и первым игуменом был старец Никита, ученик преподобного Сергия Радонежского.

9. В картинной галерее героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже находятся 6 портретов наших земляков: Н.М.Сипягина, П.И.Каблукова, М.Н.Рылеева, П.Я.Корнилова, И.А.Аргамакова, Ф.В.Зварыкина.

10. Покровительствует Костроме чудотворная икона Феодоровской Божией Матери. Обретена она была в 1272 году Великим князем Василием Ярославичем в лесу, в месте впадения речки Запрудни в реку Кострому, а поставлена в храме святого великомученика Феодора Стратилата.

11. Книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н.Радищев посвятил своему другу, костромичу Алексею Кутзову.

12. Александр Дюма посетил Кострому в сентябре 1858 года, путешествуя по Волге.

13. Автором первой комической оперы «Мельник, колдун, обманщик и свят» был уроженец Галицкого уезда, писатель и драматург Александр Аблесимов.

14. Виды Костромы - торговые ряды, пожарную каланчу, волжскую набережную - можно узнать на многих картинах Б.М.Кустодиева: различных «Ярмарках», «Масленицах», «Гулянии на Волге», «Купчихе за чаем»...

15. Одним из основателей Русского географического общества и автором известного учебника по географии был Константин Иванович Арсеньев, родившийся в 1789 году в Чухломском уезде.

16. Первая мужская гимназия была основана в Костроме в 1804 году преподавателями Герасимом Иорданским и Василием Чижовым. В стенах ее в разные годы обучались писатель А.Писемский, критик и публицист Н.Михайловский, философ В.Розанов и другие деятели русской культуры.

17. На ул.Горной в Костроме жил писатель А.Ф.Писемский, сейчас здесь жилой дом.

18. Вместе с мужем, отставным генералом М.А.Фонвизиним, в Сибирь на каторгу в 1826 году поехала его жена Наталья Дмитриевна, дочь помещика из Кологривского уезда.

19. Первая льноткацкая мануфактура была основана в Костроме в 1751 году купцом Угличаниновым.

20. На сцене Костромского драматического театра в XIX-XX веках выступали М.С.Щелкин, Г.Н.Федотова, М.Н.Ермолова, В.Ф.Комиссаржевская, В.И.Качалов, Б.А.Бабочкин и многие другие великие артисты России.

21. Первая костромская газета «Костромские губернские ведомости» начала выходить в 1838 году.

22. На костромской земле жили ученики и последователи Преподобного Сергия Радонежского - Иаков Железнодорожский, Макарий Писемский, Ферапонт Монзенский, Авраамий Чух-

ломский, Паисий Галичский... В разные годы ими устроены были многие святые обители.

23. Автором известной песни «Вот мчится тройка удалая» на слова Федора Глинки был композитор, певец и собиратель русских песен уроженец Чухломского уезда Иван Рупин.

24. Костромской университет, открытый в 1918 году, находился в бывшем доме Дворянского собрания.

25. Правителем Русской Америки был назначен костромич Третий Филиппович Борноволоков, вскоре погибший, а затем им стал наш земляк Иван Антонович Купреянов.

26. Первая государственная цирфирная школа открылась в Костроме в 1722 году.

27. Костромское научное общество по изучению местного края было создано в 1912 году. Первым его председателем был И.В.Шулеников, секретарем - В.И.Смирнов.

28. Заволжское село Селище известно тем, что сюда в 1613 году прибыло московское посольство приглашать на царство юного Михаила Романова. В усадьбе села в разное время жили художник Н.Н.Купреянов, критик и публицист Н.К.Михайловский, гостили писатели Г.И.Успенский, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Н.Г.Гарин-Михайловский.

29. Железная дорога была подведена к правобережной части города в 1887 году, поезда ходили от Нерехты до Костромы. Первый железнодорожный вокзал был построен там же, близ Спасо-Никольской слободы.

30. К 1000-летию крещения Руси на фирме грамзаписи «Мелодия» была выпущена пластинка с записями хора Старообрядческой церкви села Стрельниково Костромского района.

СПЕШИМ ЧЕЗДОМЦЫ



Писем в адрес викторины «Кострома и костромичи» пришло немного. Наиболее точные и содержательные ответы прислала Ольга Николаевна Никерина из п. Прибрежный Костромского района (заметьте, что она стала и одним из авторов-составителей викторины «Романовы и Кострома»). Творческая работа О.Н.Никериной будет отмечена специальным призом «Губернского дома». Благодарим также за участие в викторине В.И.Чижову из д.Синцово Красносельского района и Г.Н.Бочину из г.Шарья.

НАПОСЛЕДОК

ВСТРЕЧИ

Среди пяти тысяч гостей, которых приняла Кострома на «Вехи», в праздничной свите великих особ был один гость, заметно выделявшийся своим мундиром русской армии образца 1914 года - поручик Бабаев из 11-го Рижского драгунского полка. К тому же, полковой врач-целитель. Бабаев преподает психологию в Рижском университете, к тому же он увлечен астрологией и занимается предсказанием судеб. А что говорят звезды о Костроме? С 21 марта этого года, как утверждал наш гость, здесь начался мощный процесс духовного возрождения. «Говорите о высоком», - пожелал он на прощанье редакции журнала «Губернский дом».

ПОДАРКИ

На презентации Фонда Романовых глава администрации Судиславского района Валентин Мамонтов подарил Великой княгине Марии Владимировне меховую шапку-боярку. Раньше мехами-соболями царственные особы жаловали своих подданных, теперь же все наоборот. «Шапка совсем не тяжелая, не Мономахова», - шутили собравшиеся. «Теперь приеду зимой, за шубой, - пошутила в ответ Великая княгиня.

НАБЛЮДЕНИЯ

Десятилетнему Георгию Романову, принцу прусскому или великому князю русскому, уже на десятой минуте научной конференции о путях величия и славы его предков стало скучно. Положение спас подарок, который он получил в гостеприимной Костроме - настоящие наручники из чистого железа. С увлечением Георгий несколько раз арестовывал на парадной лестнице библиотеки им. Крупской... пальму. На взрослые игры журналистов, которые хотели выпытать его мнение о свободной России, мальчик с простодушием опытного политика отвечал, что без мамы ни с кем говорить не будет. Арестованная пальма тоже не проронила ни слова - теперь она по-своему тоже романовская.

КУРЬЕЗЫ

На фестивале, конечно, не обошлось без некоторых исторических курьезов. Началось с того, что царская семья приплыла и жила в Костроме на теплоходе «Со-



ветская Россия». В эти же дни на соседних причалах мирно покачивались «Ильич» и «Октябрьская революция». В концертном зале Дворянского собрания рядом с портретом Николая II было установлено пианино «Красный Октябрь», которое, однако, потом заменили на «Блютнер». А вот мраморную доску на здании Дворянского собрания «Здесь в 1918 году проходил первый съезд РКП (б)» менять на другую «Здесь в 1993 г. проходила презентация Романовского фонда» пока не стали.

СОВПАДЕНИЯ

Романовские дни в Костроме с таким же успехом можно было бы назвать лермонтовскими днями. Ровно 380 лет назад на службу к первому русскому царю Михаилу присягнул шотландский рыцарь Лермонт, давший начало знаменитому роду, также связанному, как и романовский, своими корнями с костромской землей. Сейчас в разных уголках мира проживает около 200 потомков великого русского поэта, а самый юный родился три года назад у нас в Чухломе и зовут его - Михаил Юрьевич Лермонтов.

ШАЛОСТИ

Во время одной из церемоний к Великому князю Георгию вдруг неожиданно подошел бывший корреспондент ТАСС писатель Виталий Пашин и приколот ему на грудь памятный знак, изготовленный к 300-летию Дома Романовых. Этим он нарушил этикет и вызвал недовольство представителей Российского дворянства, которые заметили, что нужно было об этом предупредить. «Но я хотел именно так», - с улыбкой сказал: немолодой уже озорник.

СЛАДОСТИ

Те кто опасались, что во время «Вех» возродится монархия в отдельно взятой Костроме, могут спать спокойно. Корона, которую преподнесло костромское дворянство младшему из Романовых - Георгию, была сладкая и слишком съедобная - это был торт. В 1913 году в Костроме на встрече наследника вручить подарки выпала честь дворянке Марии Хомутовой. В 1993 ее внучка из семейства Григоровых собственноручно испекла сладкое подношение.



Что там в следующем номере?..

ГУБЕРНСКИЙ

3/93

ИСТОРИКО-
ПЕРЕВОДСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Содержание номера определяют две
даты этого года:

170-летие А.Н.Островского и
185-летие Костромского
драматического театра.

ИТАК, ЧИТАЙТЕ:

Воспоминания Виктора Розова, статью Виктора Бочкова,
мемуары актера Чалеева.

Костромской театр: взгляд в XIX век.

Театр сегодня: на сцене и за кулисами.

Актерские судьбы.

Великие актеры в Костроме.

Опера в театре драмы.

Островский и время.

А ТАКЖЕ:

Театральные встречи, театральные коллекции,
театральные анекдоты и многое другое - любопытное,
смешное, неизвестное.

Редактор Николай Муренин

Художник Василий Чистов

Фото из коллекций

Андрея Анохина, Георгия Белякова, Сергея Калинина

Адрес редакции: 156000, г.Кострома, ул.Островского, 40.

Извините, рецензировать и возвращать рукописи
не имеем возможности.

Сдано в набор 10.04.93 г. Подписано к печати 30.06.93 г. Печать офсетная.

Объем 8 п.л. Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Макет и верстка выполнены Издательской фирмой «Костромские ведомости».
г.Кострома, ул.Советская, 3.

Областная типография им.Горького управления по делам печати и массовой ин-
формации администрации Костромской области, г.Кострома, ул.П.Щербины, 2.

